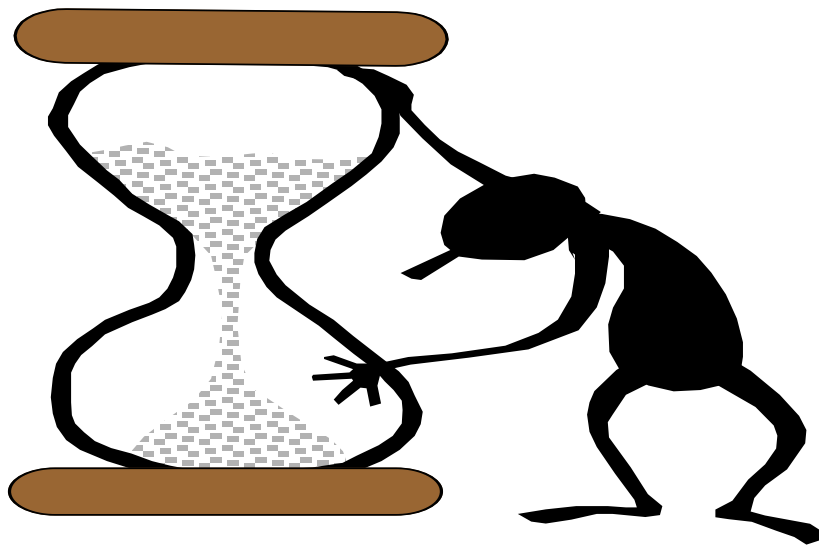

Л.Я. Аверьянов

**ПОЧЕМУ ЛЮДИ
ЗАДАЮТ ВОПРОСЫ?**

Москва 1993

Л.Я. Аверьянов

**ПОЧЕМУ ЛЮДИ
ЗАДАЮТ ВОПРОСЫ?**

- * Почему в истории философии не нашлось место вопросу?**
- * Знают ли сегодня философы, что такое вопрос?**
- * Вопрос — это знание, которое является возможно истинным.**
- * Как видит автор формально-логическую структуру вопроса.**

Москва 1993

Аверьянов Л.Я.

Почему люди задают вопросы? – М., «Социолог», 1993г. – с. 152.

Работа посвящена логико-философским проблемам вопроса. Дается краткий экскурс в историю изучения вопроса, современное его исследование, предлагается концептуально-гипотетическая модель вопроса и вопросно-ответных отношений.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей философских и социологических факультетов, специалистов в области логики вопроса и ответа.

@ Аверьянов Л.Я. Почему люди задают вопросы?

@ Работа выполнена в лаборатории экспериментальной социологии.

ВВЕДЕНИЕ

В своей повседневной жизни человек меньше всего задумывается над тем, почему он задает вопросы и как это делает. Природа позаботилась о том, чтобы все это происходило как бы само собой, в порядке естественного хода жизни.

Интерес к вопросу как новому и непонятному явлению возник тогда, когда человек начал выходить за пределы природного естественного мира и стал строить свой искусственный мир. В частности, потребность в построении искусственных диалоговых систем, например, ЭВМ-человек, стало мощным стимулом в последнее десятилетие изучение вопроса и вопросно-ответных отношений, ибо без понимания его природы и прежде всего в естественном выражении, ни о какой формализации его построения не может быть и речи.

В настоящей работе предлагается небольшой экскурс в философскую и логическую историю изучения вопроса, и хотя она оказалась не очень богатой, тем не менее это позволило определить некоторые интересные подходы к раскрытию его сущности. Важным разделом работы является освещение современного изучения данной проблематики, определения основных тенденций и подходов к ее решению.

Центральным является третий раздел, где говорится о том, что вопросно-проблемная проблематика не может быть решена в рамках формальной логики, как это пытались сделать современные исследователи. Природа вопроса может быть понята только в более широкой парадигме, а именно системе субъектно-объектных отношений, определения основных принципов познавательного процесса. Важно понять и то, что сам по себе вопрос не должен подменяться субъектно-объектной проблематикой. Он выступает только формой выражения субъектно-объектных отношений со всеми присущими ей принципами построения.

В работе предлагается принцип решения логической природы вопроса. Исходя из того, что процесс познания в обязательном порядке является концептуальным, т.е. всегда содержащим определенное знание, в вопросе он принимает форму концептуально-гипотетического знания. При этом, если для субъекта, который сформулировал вопрос, концепция является полностью истинной, то для объекта концепция выступает возможно истинной. Полностью истинной и для субъекта и объекта становится только в том случае, если концепция, заложенная в вопросе, получит подтверждение в ответе.

Представляемая работа, конечно, не дает ответы на все вопросы о вопросах, но, как нам кажется, позволяет сделать еще один шаг в исследовании данной проблемы. Насколько это получилось судить читателю.

Работа рассчитана на философов и специалистов в области логики вопроса и ответа

**«То что мы ищем, по числу равно
тому, что мы знаем.»
Аристотель**

Глава 1. ПРОБЛЕМА ВОПРОСА В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Вопросу в истории философии не повезло. Удивительно, но факт, что в течение сотен лет существования философии, изучавшей различные аспекты человеческой деятельности, такой важной форме мышления как вопрос и такой важной форме общения как вопросно-ответные отношения не было уделено сколько-нибудь большого внимания.

Самое парадоксальное заключается в том, что если вопросу в качестве проблемы познания было уделено довольно много внимания как в прошлом, так и в настоящем, то о проблеме вопроса, как форме выражения научного знания, практически не говорилось ни в одной научной теории на протяжении всей истории философии.

Великие мыслители прошлого (во всяком случае некоторые из них) тем не менее прекрасно отдавали себе отчет в том, какова роль вопроса в процессе познания. Взять хотя бы знаменитый сократовский метод отыскания истины посредством вопросов, постановку любой научной проблемы в виде вопроса, наконец, диалектику, которую долгое время рассматривали как искусство вести беседу, спор посредством умелой постановки вопроса и получения на него ответа и т. д. Однако сам по себе вопрос, как форма противоречивого движения исследовательской мысли, как некоторая самостоятельная проблема, практически не использовался.

Объяснить это лишь недооценкой этой формы мышления, конечно, нельзя, случайностью — тоже. По всей видимости имеется целый ряд причин, отразивших данную закономерность развития философской мысли.

СТАРАЯ ЛОГИКА И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ (Некоторые причины невнимания к проблеме вопроса в истории философии)

Одна из причин невнимания к изучению вопроса заключается в специфическом подходе к процессу мышления и познания, нашедшем отражение в принципах построения формальной (или классической) логики.

В свое время перед философами возникла большая трудность, связанная с теоретическим объяснением сущности мышления, в частности, принципа соотношения понятий и появления нового знания. Поскольку мышление рассматривалось как самостоятельная сущность, постольку возникла проблема определения правил и законов мышления, которыми и стала заниматься логика выводного знания, или дедуктивная логика. Основным в ней стал принцип исключения противоречия, и сама она рассматривалась как наука о правильном мышлении. В рамках метафизики она понималась наукой, способной дать истинное знание при условии, если мыслитель следует правилам правильного мышления и т. д.

В непротиворечивую систему дедуктивного мышления вопрос не вписывался, поскольку выражал противоречие и был порожден противоречием в мышлении (ведь научная проблема возникает тогда, когда старое знание не позволяет объяснить новые факты), более того, вопрос фактически взрывал ее. Согласно старой логике, он выступал алогичной формой мышления, а посему его просто не могло быть. Его игнорировали, делая вид, что проблемы вопроса в логике не существует.

В этом плане интересное замечание было высказано известным философом Э. В. Ильенковым. Оно было сделано в связи с исследованием проблемы противоречия, как категории диалектической логики. Он писал: «Старая логика не случайно обходила такую важную логическую форму, как «вопрос». Ведь реальные процессы, реальные проблемы, возникающие в движении исследуемой мысли, всегда вырастают перед мышлением в виде противоречий в определении в теоретическом выражении фактов»¹. Именно господствующий принцип мышления в старой логике и философии принцип дедуктивного, выводного знания, не позволял признать противоречие, а вместе с ним и вопроса, как выражение особой специфической формы мышления, принципиально отличающейся от правил старой логики. Из-за различных причин, в том числе и сложившейся в философии традиции изучения мышления лишь только в рамках выводного знания, в основном непротиворечивого, и снятия возникающих противоречий прежде всего средствами традиционной логики, был ограничен и заторможен на долгие годы (века) процесс изучения вопроса.

Тем не менее проблема вопроса, как формы мышления, спонтанно и часто независимо от магистральных путей развития философии **нет-нет** да и возникала в трудах великих мыслителей прошлого. И она не могла не возникать, **если** только не следовать строго спекулятивному подходу к изучению процесса познания, и быть искренним в поиске и естественном следовании существующим формам мышления. Философы, может быть начиная с Аристотеля, в **исследовании** форм мышления, невольно приходили в своих рассуждениях к этой проблеме, поскольку вопрос и вопросно-ответные отношения составляли активную часть как обыденного, так и научного мышления (в их понимании) и выступали одной из важнейших составляющих процесса отыскания истины.

Вместе с тем **засилие** метафизики, господство формальной логики, сравнительно недостаточно высокий уровень развития философской мысли, другие обстоятельства не позволили разработать собственную теорию вопроса, способную, с одной стороны, избежать противоречий с дедуктивной системой и, с другой — иметь собственную формально-логическую непротиворечивую систему взглядов о диалектически противоречивой природе вопроса.

Несмотря на то, что проблема вопроса и вопросно-ответных отношений (как определяют ее в настоящее время) в истории философии не приобрела законченного и теоретически обоснованного вида (или направления в качестве специальной науки), тем не менее, анализ высказываний мыслителей прошлого позволяет выделить некоторые общие подходы к ее исследованию.

В самом общем виде можно выделить три основных направления ее исследования: первое — выяснение места вопроса в теории и процессе познания, подход к нему как к результату и выражению противоречия; второе — разработка **логической** структуры вопроса, выделение структурных элементов и определение характера их связи; третье — решение

¹ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., Политиздат, 1984, с. 269.

задачи правильного построения вопроса. И сегодня эти направления остаются основными и актуальными. Заслуга мыслителей прошлого и, прежде всего, Аристотеля, заключается в том, что они поставили эти проблемы, определили направление их разработки, наметили пути их изучения.

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ДИАЛОГА (Аристотель и Аль-Фараби о проблемах вопроса)

Сочинения Аристотеля положили начало многим теоретическим изысканиям, развившимся впоследствии в самостоятельные направления. И это — не случайно. Его учение представляет собой выражение поиска истинных, объективно существующих форм логического мышления. Было бы неправильно связывать имя Аристотеля лишь с одним направлением в учении о мышлении — формальной традицией в логике: «...его исследовательское внимание,— отмечает Э. В. Ильенков,— было направлено на анализ условий, в которых формы мышления оказываются тождественными формам движения действительных предметов. Его логика была лишь попыткой понимания логики диалектической»².

Аристотель пытался найти действительное знание о вещах в их противоречивом развитии и соответствие этого знания различным формам мышления. Именно попытка найти всеобщие формы мышления и отразить в них противоречия объективного мира, привели его к тому, что он первым описал различные формы мышления. Вместе с тем, наряду с учением о силлогизмах, изложенном в «Аналитиках», он уделил внимание и проблеме вопроса, как одной из форм логического мышления.

Проблемы вопроса в его сочинениях нашли наиболее полное отражение в «Топике». Историки логики полагают, и весьма обоснованно, что это его сочинение создавалось в духовной атмосфере платоновской академии. Но предметом изучения в «Топике» выступает не содержание диалога, как это имеет место у Платона, а сами принципы диалогового обсуждения. В ней излагается методология (метатеория) диалектики Платона и по общему признанию является наряду с логикой подлинным изобретением Стагирита³.

Показывая использование различных «топов», Аристотель разрабатывает систему их взаимосвязи, выделяет, в частности, структуру диалога, который содержит пять компонентов: (1) постановка проблемы; (2) средства правильного построения умозаключения — такие, как правила принятия положения, разбора значения каждого имени, нахождение различий и сходств; (3) правила построения умозаключения — индуктивного или дедуктивного; (4) стратегия постановки вопросов; (5) стратегия ответа на них⁴. Диалогический метод рассматривается Аристотелем как путь к «началам», к образованию аксиоматических посылок.

Один из главных вопросов, которые задавал Аристотель в «Топике», — откуда берутся аксиоматические посылки, аксиоматические положения, почему их принимают как

² Ильенков Э. В. Указ. соч. с. 15, 16.

³ Микеладзе З. Н. Что такое «Топика» Аристотеля? Вопросы философии, 1979, № 8, с. 109—113.

⁴ Микеладзе З. Н. Там же.

аксиоматические. Без ответа на него повисает в воздухе само учение о силлогистических фигурах и принципах выводного знания. Он затем не раз возникал у философов, в частности, у Декарта. Диалогический метод Аристотеля представляет собой одну из попыток разрешения возникшей проблемы.

Хотя сущность логического следования в диалогическом методе (в рамках эротетической логики эта проблема сама по себе оказывается очень интересной и не только в историческом плане) заслуживает серьезного исследования, тем не менее необходимо отметить, что анализ диалога, в частности на примере платоновских диалогов, содержит большие возможности для изучения многих проблем эротетической логики, в том числе проблемы соотношения вопросов в некоторой смысловой взаимосвязи. Эта проблема в первую очередь интересна самой попыткой раскрытия смысла того или иного вопроса через систему других вопросов, что имплицитно и присутствует у Аристотеля.

Однако диалогический метод у Аристотеля выступает как учение о доказательстве. Разрабатывая этот метод, он преследовал цель дать общие приемы мышления с тем, чтобы получить истинное знание. Это, пожалуй, первая в истории развития логики попытка рассмотрения вопроса в качестве основы диалога, одного из основных приемов достижения истины знания, полученного посредством вопроса. Более того, первый вопрос выступает исходным началом для другого вопроса (других вопросов). И таким путем круг рассуждений замыкается и постоянно воспроизводится.

У Аристотеля проблема вопроса связана с развитием логики суждения и силлогистики. Но в то же время им были отмечены (попутно) многие особенности правильной постановки вопроса и ответа, поведения «вопрошающего» и «отвечающего». Однако, в данном случае, нас интересует такая особенность вопроса, как его противоречивое содержание, при этом независимо от того, создано ли это противоречие искусственно или вследствие неумения «вопрошающего» ставить вопросы, его ошибок в рассуждении или же это противоречие обусловлено внутренней природой самого вопроса.

Аристотель писал: «Итак: если диалектический вопрос требует ответа — или (признания) посылки, или (признание) другого члена противоречия (ведь посылка есть один член противоречия), то не может быть один ответ на них, ибо вопрос не один, даже если он правилен. Но об этом уже сказано в «Топике». В то же время ясно и то, что вопрос о сути вещи не есть диалектический вопрос, ибо в последнем (отвечающему) должна быть дана возможность выбора из вопроса того члена противоречия, относительно которого он желает утверждать. Но вопрошающий должен сверх того уточнить, (например), человек ли вот это или нет»⁵.

Ответ в данном случае заключается в выборе одного из противоречий, составляющих содержание вопроса и имеющих сущность той или иной посылки (посылок) — «ведь посылка есть один член противоречия». Но каждая из сторон противоречия, но не обе вместе, имеет равную возможность быть ответом, Аристотель пишет о том, что соединение несоединимого может привести к нелепости; и соединение двух истинных посылок еще не дает истинного выражения в совокупности. Так, например, пишет он: «если человек кожевник и он хороший, то нельзя (это объединить и сказать) «хороший кожевник». Получается много нелепого, если считать, что по той причине, что каждое из двух сказуемых истинно и оба вместе должны быть истинным»⁶.

⁵ Аристотель. Соч. в четырех томах. М., 1978, т. 2, с. 106..

⁶ Там же

Приведенные суждения дают возможность прийти к выводу: противоречивая основа вопроса заключается в том, что его всегда можно разделить на два вопроса при сохранении возможности равного выбора ответа.

«Вопрошающий» задавая вопрос, закладывает в нем возможность противоречивого ответа или вернее противоположного ответа. Вопрос как бы имеет две стороны, из которых по сути дела, всегда можно сделать два возможных вопроса, но каждый из которых уже не будет иметь диалектического характера, поскольку они носят уточняющий характер в отношении той или иной или обеих посылок. В силу своей природы, и это обстоятельство необходимо специально подчеркнуть, вопрос всегда сохраняет в себе свою противоположность и соответственно имеет форму превращения, но при сохранении обязательного момента: любой последующий вопрос выступает в качестве уточняющего и развивающего предыдущий вопрос, т. е. при обязательном сохранении системы вопроса в виде диалога.

Это положение было развито выдающимся мыслителем Востока Абу Наср Аль-Фараби, который был последовательным выразителем взглядов Аристотеля и полностью придерживался его точки зрения на роль вопроса в познании истины. Но он внес и свое понимание в развитие диалога.

Аль-Фараби рассматривал вопрос в рамках своего понимания диалектики, как искусство вести беседу. Согласно его мнению, вопрос выступает результатом противоречия, которое разрешается посредством силлогизма, т. е. в рамках традиционной формальной логики. В этом плане интересен его первый тезис из «диалектики»: «Искусство диалектики есть искусство, посредством которого человек приобретает способность вырабатывать силлогизм из общепринятых посылок для опровержения любого состояния общего тезиса, получаемого посредством вопроса от отвечающего, который стремится защитить в нем (общем тезисе) состояние, представляющее собой одну из двух сторон противоречия, которое оказалось у него по совпадению, т. е. отвечающий стремится доказать любое состояние общего тезиса, которое он выдает спрашивающему, а спрашивающий стремится опровергнуть это состояние тезиса, представляющее собой одну из двух сторон противоречия»⁷.

Иными словами, если задается вопрос: «Сейчас день или ночь?», отвечающий должен на основе известных посылок, применяя метод силлогизма, т. е. дедуктивным путем, доказать, что сегодня день или ночь, и тем самым опровергнуть одну из сторон противоречия, высказанного спрашивающим. Вопрос задается, как это присутствует в представлении Аль-Фараби, тогда, когда возникает некоторое несоответствие или противоречие между имеющимся знанием и новым неполным знанием, которое следует разрешить отвечающему методом силлогизма. По существу здесь речь идет об одной из сторон логической структуры вопроса и его природе, ставшей предметом внимания многих последующих философов вплоть до настоящего времени. Это положение было высказано еще Аристотелем. В некоторой степени Аль-Фараби углубил его или, вернее, сделал более определенным. В частности, он писал: «Если человек вопрошает этими высказываниями, то он стремится опровергнуть любую из (двух) сторон противоречия, которая у него окажется по совпадению и получается посредством вопроса, заданного отвечающему, который ее защищает. А если он отвечает, то стремится посредством их (общепринятых высказываний) защитить любую из двух сторон противоречия, которая окажется у него по совпадению, выдавая ее вопрошающему,

⁷ Аль-Фараби. *Историко-философские трактаты*. Алма-Ата, 1985 г. с. 361—362.

стремящемуся ее опровергнуть»⁸. «Таким образом целью вопрошающего,— продолжал он,— является опровержение того что стремится защитить отвечающий»⁹.

Иными словами, если человек спрашивает, то самой постановкой вопроса он уже опровергает одну из сторон возникающего противоречия если он получает ответ, то обнаруживает в нем стремление защитить одну из сторон высказывания. По сути дела вопрос и ответ на него выполняют одну и ту же функцию путем приведения к некоторому соглашению по защите или опровержению какого-либо высказывания. Именно по такому образцу в целом устанавливается и развивается диалогическая беседа.

Далее, в этой работе Аль-Фараби довольно подробно разобрал, в каких случаях вопрос может быть неправильно поставлен, показывал, что такой вопрос может не иметь правильного или вообще какого-либо ответа, к примеру, когда с точки зрения отвечающего посылки у спрашивающего не могут рассматриваться в качестве объективной истины и т. д. Кроме того, ученый Востока приводил виды и типы вопросов, их взаимосвязь с силлогизмами.

Проблема противоречия и его разрешение у Аль-Фараби — центральная в исследовании природы вопроса, его характера, типологии и возможности использования в диалектическом споре. При этом мыслитель рассматривал противоречие, как выражение сущности диалектического отношения к действительности и как средство отыскания истины.

Споры об истине и отыскание ее посредством вопроса и силлогизма были основными положениями его работы «Диалектика». Конечно, краткий анализ этого труда не дает полного представления о понимании древним мыслителем проблемы вопроса в познании. Для этого требуется углубленный и тщательный анализ не только «Диалектики», но и других его работ, в которых разбросаны замечания и высказывания по интересующей нас проблеме. Но даже приведенные высказывания, их анализ позволяют сделать по меньшей мере несколько существенных выводов.

Первый: вопрос выступает важнейшей составной частью мыслительного процесса (в его трактовке диалектического спора), без которого достижение истины оказывается практически невозможным. Второй: вопрос оказывается тесно связанным с силлогизмом, а значит и с дедуктивной системой, с системой выводного знания. Правда он не показывал, каким образом осуществляется эта связь, но сама по себе постановка им данной проблемы уже говорила о многом. Третий; вопрос служит выражением противоречия, представляет собой противоречивое высказывание, а вернее, высказывание, состоящее из двух взаимно противоречащих друг другу высказываний, которые должны или защитить, или опровергнуть и отвечающий, и спрашивающий. По сути дела речь шла о возможно истинном знании в вопросе, а не о частично истинном, как стали говорить впоследствии. Данное положение представляло собой один из существенных выводов в учении Аль-Фараби по проблеме вопроса.

ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ НЕИЗВЕСТНОГО И ИЗВЕСТНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

**(Философы нового времени: Ф. Бэкон, Р. Декарт,
Г. Лейбниц, Э. Кондильяк)**

⁸ Аль-Фараби. Историко-философские трактаты, Алма-Ата, 1985 г. с. 361—362.

⁹ Там же.

Влияние Аристотеля оказалось очень сильным и на последующие поколения философов и, в частности, на мыслителей Нового времени. Говоря о его «Топике», Ф. Бэкон писал: «Однако мне представляется необходимым попутно напомнить, что общая топика имеет значение не только для аргументации, необходимой в спорах, но и в рассуждениях, когда мы обдумываем, и обсуждаем сами с собой какую-нибудь проблему; более того, сущность ее сводится не только к тому, что она предлагает или советует, что мы должны утверждать или заявлять, но прежде всего мы должны исследовать и о чем спрашивать»¹⁰. Тем самым Ф. Бэкон обращал специальное внимание на очень важное положение «Топики», а именно на исследовательский метод. Он писал, что это представляет собой не только способность вести спор и доказывать истинность своего положения, но и, прежде всего, умение исследовать поставленные проблемы на основе имеющегося знания и разработанного метода. Данное положение мыслителя можно вполне обоснованно интерпретировать в русле нашего исследования; поэтому акцент необходимо сделать на том, что именно мы должны спрашивать. Однако, если задавать вопрос, то это означает, что уже достигнуто некоторое знание, которое получено «в рассуждениях, когда мы обдумываем и обсуждаем сами с собой какую-нибудь проблему». «А умный вопрос,— восклицал Ф. Бэкон, это уже добрая половина знания». И в доказательство данного тезиса он приводит слова Платона: «Тот, кто о чем-то спрашивает, уже представляет себе в самом общем виде то, о чем он спрашивает, а иначе как бы он смог узнать правильность ответа, когда он будет найден». (Платон, *Менон*, 80-е)¹¹.

В высказываниях Ф. Бэкона и Платона была заложена важная для нас мысль: в вопросе уже заключено определенное знание, и ответ на него есть по существу знание, которое гипотетически уже известно спрашивающему, но оно представляется ему не в полной мере, или как бы мы сейчас сказали, выступает вероятно истинным знанием. Аналогичная мысль была и у Аристотеля в его «Топике»; он делал акцент на умении поставить проблему, что невозможно сделать без наличия того определенного знания, которое впоследствии будет заключено в вопросе.

В свою очередь, определяя необходимость наличия знания для построения вопроса, Ф. Бэкон сделал другое важное заключение: «Поэтому, чем более обширной и точной будет наша антиципация (приблизительно — знание — Л. А.), тем более прямым и кратким путем пойдет исследование. И те же самые места (доказательства), которые заставляют нас рыться в тайниках нашего интеллекта и извлекать собранные там знания, помогают нам и в приобретении знаний, находящихся вне нас; так что, если мы встретим какого-то знающего и опытного человека, то сможем разумно и толково спросить его о том, что ему известно; и точно так же мы сумеем с пользой для дела выбрать и прочитать тех авторов, те книги или часть книг, которые могут нам дать сведения по интересующим нас вопросам»¹².

Только при хорошем предварительном знании можно правильно поставить вопрос, спросить какого-либо человека или выбрать из книг интересующую нас информацию, т. е. получить в конечном итоге ответ на наш вопрос. В данном случае речь идет не об абстрактном знании, не о знании вообще и не о полном исчерпывающем знании предмета. В нашей интерпретации приведенного выше высказывания Ф. Бэкона вполне правомерно представить его таким образом, что вопрос может быть сформулирован лишь на базе обоснованного и

¹⁰ Бэкон Ф., Соч. в двух томах, М., Мысль, 1977, т. 1, с. 298

¹¹ Бэкон Ф. Соч. в двух томах, М., Мысль, 1977, т. 1, с. 298.

¹² Там же.

концептуально представленного знания. Речь должна идти о таком знании, которое позволяет поставить специальный, строго определенного содержания вопрос, т. е. «сможем разумно и толково спросить». В отмеченном положении философа выражена мысль о связи содержания вопроса с предыдущим знанием.

Конечно, научный анализ и интерпретация высказываний великих мыслителей, тем более, когда они изложены в весьма краткой форме, представляет собой дело исключительной сложности, поскольку всегда остается опасность неправильной передачи мысли, выраженной в цитате, можно приписать ей свое субъективное видение, понимание, или, наоборот, упустить либо оставить в тени какое-то важное ее положение. Однако другого пути нет, и это обнаруживаешь особенно тогда, когда отсутствует развернутое изложение интересующего нас положения о понимании сущности вопроса. Но даже такая ограниченная интерпретация, как нам кажется, позволяет выразить основные идеи философов и определить общее направление в изучении предмета нашего исследования.

В проблематике исследования вопроса важное значение имеет его логическая структура, особенности его построения по определенным правилам. Мы уже отмечали, что у древних мыслителей, например, у Аристотеля, имеется ряд высказываний о правилах, применение которых позволяет избежать ошибок при построении вопросов. Так, в частности, он выделял ошибку сдвоенности вопросов, когда в одном вопросе по существу заключается два. Древнегреческие философы говорили и о так называемых провокационных вопросах, как неправильно поставленных, например: «Продолжаешь ли ты бить своего отца?» или «Перестал ли ты носить рога?» и др. При любом утвердительном или отрицательном ответе на такой вопрос получается, что тот, к кому он был обращен, бил своего отца или носил рога.

Однако эти аспекты стали больше разрабатываться именно философами Нового времени. В частности, в логической структуре вопроса (хотя прямо о логической структуре они еще не говорили), стали уже уделять внимание проблеме соотношения взаимосвязи известного и неизвестного, видя в этой взаимосвязи существенный момент развития знания, переход от незнания к знанию. Подобные исследования вносили весьма существенные моменты в логическую структуру вопроса, что стало иметь большое значение в исследованиях для современной философии и логики, на чем мы еще специально остановимся. В анализе проблемы вопроса философы сразу же подметили **существенный** момент — движение от знания к незнанию. Это стало чуть ли не основным в логическом анализе вопроса. Наиболее четко эта мысль прозвучала у Р. Декарта в сочинении «Правила для руководства ума». Он писал: «Во-первых, во всяком вопросе необходимо должно быть налицо некоторое неизвестное; ибо иначе вопрос бесполезен; во-вторых, это неизвестное должно быть чем-то отмечено, иначе ничто не направляло бы нас к исследованию данной вещи, а не какой-нибудь другой; в-третьих, вопрос должен быть отмечен только чем-нибудь известным»¹³.

Здесь **уместно**, пожалуй, отметить, что имплицитно, в **некоторых** высказываниях этого философа, а конкретно — в приведенном **выше**, содержатся очень интересные соображения по поводу структуры вопроса. Речь идет о том, что вопрос, по его мнению, должен содержать в себе неизвестное. Высказывается исключительно интересная мысль, кажущаяся на первый взгляд очевидной. В действительности она имеет далеко нетривиальное содержание. Мы имеем в виду то **обстоятельство**, что неизвестное в вопросе должно быть определено, т. е. быть в то же самое время и известным.

¹³ Декарт Р. Правила для руководства ума.— Соч. в двух томах, т. Мысль, 1989, с. 77—133.

В современной литературе эта мысль, к сожалению, не стала предметом пристального внимания, вероятно в силу ее простоты и очевидности: «...неизвестное должно быть чем-то отмечено, иначе ничто не направляло бы нас к исследованию данной вещи, а не к какой-нибудь другой».

По всей видимости, здесь акцент сделан на различении понятий известного и неизвестного; в то же время их не следует рассматривать в качестве противоположности друг другу. Однако с момента, когда происходит выделение некоторых областей известного и неизвестного, обозначение последнего говорит о том, что оно, тем самым сразу же приобретает статус известного (хотя бы в какой-то мере известного). Р. Декарт не раскрывал особенности соотношения известного и неизвестного, поскольку не занимался специально анализом проблемы вопроса, между тем высказанная им мысль позволяет несколько иначе взглянуть на всю логическую структуру вопроса.

Примерно такой же подход к анализу вопроса осуществил и Кондильяк. В работе «Логика или начало искусства мыслить» он писал: «Таким образом, в каждом вопросе есть два момента — формулировка данных — это, собственно, то, что понимается под изложением вопроса, а выделение неизвестных — рассуждение, в результате которого находят его решение»¹⁴. Кондильяк, менее четко изложил мысль о соотношении известного и неизвестного в вопросе, чем это сделал Р. Декарт. Впрочем, первый под вопросом в данном случае понимал не форму выражения проблемы, а саму проблему.

Вслед за приведенной нами выдержкой Кондильяк высказал еще одну интересную мысль: о сведении сложного высказывания к простому. Он писал, что независимо от того, выскажу ли я или кто-либо еще сложное рассуждение, каждый старается перевести его в простое выражение и тем самым выделить необходимые неизвестные, «Сформулировать изложение вопроса — значит по существу перевести данные в наиболее простое выражение, так как именно наиболее простое выражение облегчает рассуждение, способствует выделению неизвестных»¹⁵.

Кондильяк рассматривает рассуждение и выражение в рамках вопроса; формулировка вопроса для него, определение его содержания соединялись с процессом рассуждения или суждения, определяющих неизвестное в вопросе, т. е. с тем, что предстоит выяснить. Тем самым подчеркивалась связь суждения с вопросом, но не их идентичность.

Важную мысль о разделении вопросов по сложности высказал и Г. Лейбниц: «Можно даже сказать, что существуют темы, представляющие нечто среднее между идеей и предложением. Таковы вопросы, из которых некоторые требуют в качестве ответа только «да» или «нет»; такие вопросы ближе к предложению. Но есть также вопросы, в которых спрашивается об обстоятельствах дела и т. д. и которые требуют больших дополнений для превращения их в предложения»¹⁶.

Сейчас мы сказали бы, что существуют вопросы первого типа (дихотомические) и второго типа. Под «предложением» он понимал такое утверждение, которое несет в себе полное знание, но которое имеет «молчаливое утверждение возможности»¹⁷. «Идеи» — это по существу вопросы второго типа; они выражают неопределенное знание и требуют большего доказательства. Здесь мыслитель высказал еще одно существенное замечание:

¹⁴ Кондильяк. Соч. в трех томах. М., Мысль, 1983, т. 3, с. 261.

¹⁵ Там же, с. 262.

¹⁶ Г. Лейбниц. Соч. в четырех томах. — М., Мысль, 1983, т. 2, с. 364.

¹⁷ Там же.

дополнительные доказательства нужны для того, чтобы превратить вопросы в предложения, т. е. в более определенное знание.

Иначе говоря, Г. Лейбниц выдвинул довольно существенное соображение о необходимости сведения вопросов об обстоятельствах, как он говорил, к вопросам, которые ближе всего к предложениям. В неявной форме была высказана мысль о том, что такое сведение представляет собой необходимый процесс познания истины, т. е. путь от «идеи» к «предложению» лежит через превращение вопроса об обстоятельствах в предложение.

Конечно, справедливости ради надо отметить, что идея о двух типах вопросов не была новой: об этом говорил и Аристотель. Однако для нашего исследования существенно то, что Г. Лейбниц высказал соображение о процессе необходимого сведения одного типа вопроса к другому.

В другом месте Г. Лейбниц снова возвращается к этой мысли и высказывается уже более определенно: «Здесь полезно заметить, что дело идет иногда о том, чтобы выяснить истинность или ложность некоторого данного предложения, что представляет не что иное, как ответ на вопрос: «Так ли? (An?)», т. е. так ли это или не так? Иногда — о том, чтобы ответить на более трудный (*ceteris paribus*) вопрос, когда спрашивают, например, почему и как и когда приходится вносить больше дополнений. Такие именно вопросы, в которых часть предложений остается незаполненной, математики называют проблемами». «Что касается вопросов первого рода, в которых речь идет только об истинном или ложном и в которых не приходится ничего дополнять ни в субъекте, ни в предикате, то требуется меньше изобретательности, однако она все-таки требуется, и одной рассудительности здесь недостаточно»¹⁸.

И в самом деле, ответить «да» или «нет» — значит, по существу, определить истинность или ложность данного предложения. Сказать «да» — это значит согласиться с данным предложением, с тем знанием, которое в нем заложено.

Вопросы второго рода оказываются более трудными; в них необходимо вносить много дополнений или разъяснений, и по сути дела они в себе в первоначальном виде не несут ни ложности, ни истинности; они лишь выступают теми проблемами, которые необходимо прояснить, разрешить и т. д. Соответственно вопросы первого рода требуют меньшей изобретательности, чем вопросы второго рода.

Мысль, высказанная Г. Лейбницем, оказалась плодотворной, и в дальнейшем типология вопросов рассматривалась как состоящая из вопросов первого и второго типа: вопросов, которые требуют ответа только в виде «да» или «нет», и вопросов, которые требуют развернутого ответа, т. е. ответа на вопросы «какой», «почему», «как» и пр. Правда, ни Г. Лейбниц, ни современные философы и логики, хотя и придерживались подобной классификации вопросов, тем не менее не наметили возможности перехода вопросов первого типа в вопросы второго типа и обратно. Они чаще всего рассматривали их как самостоятельные. Сведение этих типов вопросов друг к другу оказывается принципиальным моментом во всей логике вопросов и ответов.

Уместно отметить, что пожалуй лишь у Г. Лейбница, можно найти довольно много высказываний по поводу различных форм познания, так или иначе связанных с проблемами постановки вопроса и получения ответа. Справедливости ради следует подчеркнуть, что большинство из этих высказываний имеет неявный характер.

¹⁸ Г. Лейбниц. Соч. в четырех томах. — М., Мысль, 1983, т. 2, с. 375.

Конечно, краткий обзор не дает полного представления о проблемах вопроса в истории философии. Эти проблемы требуют большего внимания, тщательного анализа. Можно предположить, что последующие исследователи найдут много интересного и полезного здесь для себя и науки о вопросах и вопросно-ответных отношениях. Перед нами стояла более скромная задача — показать, что проблемы вопроса находились, если не в центре внимания философов, то во всяком случае нашли свое отражение в их исследованиях.

«Умный вопрос — это уже добрая
половина знания»

Глава II. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМ ВОПРОСА

В XX веке к проблеме вопроса и вопросно-ответных отношений стали проявлять больше интереса. Это связано с рядом объективных процессов и прежде всего разработкой различных искусственных языков, например социологических анкет, общения между человеком и животным, диалоговых систем человека и ЭВМ и др.

Правда практика здесь пошла несколько дальше чем теория, но не настолько далеко, чтобы обойтись без теории. Логико-формализованный анализ вопроса, давший довольно много для разработки его логической структуры, оказался в тупике, не получив подкрепления в логико-философском обосновании этой проблемы. Встала задача определения философской природы вопроса, которая оказалась довольно сложной. Имеющиеся подходы пока не привели к решению этой проблемы, хотя и позволили определить некоторые направления ее исследования. Хуже другое — необходимость методологического подхода в решении этой проблемы, как нам кажется, пока не полностью осознается ни философами, ни логиками. Первыми, в силу того, что они работают в основном в традиционных философских направлениях, где вопросу, как уже говорилось, не находится места. Вторые, ограничиваются только формально-логической стороной, игнорируя философский подход. И тем не менее в неявной форме, но и те и другие ощущают потребность именно в широком философском обосновании вопроса как особой форме мышления.

ДВА АСПЕКТА ОДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

(Основные логико-философские направления исследования вопроса)

В настоящее время в исследовании вопроса и вопросно-ответных отношений можно выделить два основных направления: чисто философское и формально-логическое. Такое разделение произошло не случайно. Интерес, в основном, зарубежных логиков к проблемам вопроса и вопросно-ответных отношений был вызван бурным развитием компьютерной техники (особенно последних поколений) и разработкой принципов общения человека (или, как принято говорить, пользователя) с ЭВМ.

Создание искусственных языков неизбежно столкнулось с потребностью разработки диалоговых систем, ибо любой такой язык представляет собой систему вопросов и ответов. Поскольку сначала создавались диалоговые системы для общения с компьютером, постольку решение шло на уровне логико-формализованных систем, в которых символический язык отличался по форме от естественного.

Другая трудность, вытекающая из первой, заключалась в том, что речь должна была уже идти не об отдельном вопросе и ответе на него, как о единичном акте, а о целой системе вопросов и ответов на них. Задача, таким образом, оказалась вдвойне сложной, поскольку требовалось определить логическую структуру не только отдельного вопроса, но и некоторой их совокупности, т. е. возникла необходимость перехода от описания логики одного вопроса к логике вопросов.

Решение этих и многих других практических задач невольно выводило логиков к исследованию проблемы логической структуры вопроса, а философов к определению методологических принципов построения вопроса и раскрытию его природы, как особой формы мышления. Возникла потребность в разработке логических и методологических основ отдельного вопроса, а затем и методологических принципов построения диалоговых систем.

В нашей научной литературе интерес к проблемам вопроса стали проявлять в основном логики, работавшие в рамках философских исследований и нельзя сказать, что он был бурным. Скорее напоминал альтруистский интерес отдельных ученых к новой, нетрадиционной и такой необычной проблеме.

Однако даже осторожные попытки исследования этих проблем вызывали возражение и неприятие у ряда советских философов. Сама постановка проблем вопроса в философии и логике встречала их негативную реакцию, отрицалась возможность рассмотрения вопроса в качестве самостоятельной формы мышления, его особой роли в познании и т. д. Достаточно сказать, что ни в Советской философской энциклопедии 1961—1970 гг., ни в Философском энциклопедическом словаре 1983 г. нет статей, посвященных вопросу.

Самое скромное, и далеко не полное даже для того времени определение понятия вопроса имеется в Логическом словаре Н. И. Кондакова: «Вопрос — неизвестная задача, которую необходимо разрешить: высказывание, требующее ответа, объяснения»¹⁹.

Еще в 1957 г. П. В. Копнин писал: «Стремление построить систему науки, в которой бы не находил никакого места вопрос как форма движения познания, порочно в своей основе. Оно основывается на извращенном понимании процесса научного мышления. В действительности вопросы входят в содержание науки.

Правильная постановка вопроса имеет огромное значение в развитии научного знания. Вопрос — одна из форм познания и раскрытия предмета. Нет такой науки, которая бы обходилась без постановки вопросов (проблем). Правильная постановка вопросов есть результат сложной мыслительной деятельности. Вопрос логически следует из всего предшествующего анализу предмета»²⁰.

В этом высказывании нашла отражение, пожалуй, вся история становления и определения места вопроса в познании; стало понятным наконец, что вопрос представляет собой именно форму движения познания. Более того, иное его понимание не только ошибочно, но и, говоря словами П. В. Копнина, порочно в своей, прежде всего методологической основе.

Нельзя даже предположить существование какой-либо науки без постановки вопросов и без получения ответа на них. В свою очередь, если отрицать значение вопроса — значит совершать грубейшую методологическую ошибку в определении форм движения познания и его законов.

Камнем преткновения оказались правила логической интерпретации, позволяющие осуществить принцип выводного знания, основанный на аксиоматизации (некоторых) изначально данных исходных положений. Они стали той ахиллесовой пятой, которая не позволила включить вопрос в эти правила логической системы анализа и вообще признать в нем особую форму познания. «Гипотетико-дедуктивная концепция теорий не позволяла раскрыть все структурные элементы научного знания»²¹. Более того, ставшая традиционной

¹⁹ Кондаков Н. И. Логический словарь. — М., Наука, 1970, с. 79.

²⁰ Копнин П. В. Природа суждения и формы выражения его в языке. - М., 1957, с. 318.

²¹ Сергеев К. А., Соколов А. Н. Логический анализ форм научного поиска. — Л., Наука, 1986, с. 4.

формой познания действительности, освещенная именами великих мыслителей прошлого, сыграла злую шутку не с одним поколением философов. Было трудно сразу отказаться от дедуктивной системы, как единственной формы познания, и безоговорочно признать наряду с ней еще и такую форму познания как вопрос. Именно поэтому П. В. Копнин вынужден был написать: «В действительности вопросы входят в содержание науки»²². В самом деле входят, хотя многие философы отказывали ему в этом праве.

Несмотря на то, что проблемы вопроса и вопросно-ответных отношений становятся в последнее десятилетие объектом внимания философов и логиков, тем не менее, как правильно пишут К. А. Сергеев и А. Н. Соколов: «...было бы преждевременно говорить о теории вопроса как о дисциплине, имеющей хорошо очерченную проблематику и достаточно разработанный логический аппарат»²³. И действительно, на сегодня проблемы вопроса и вопросно-ответных отношений остаются далеко не разработанными, занимается ими ограниченное число ученых, исследуют их эпизодически, нередко в связи с пересечением со своими специальными философскими или логическими проблемами. По ходу дела следует заметить, что в исследованиях философов и логиков нет тесной взаимосвязи: знакомство с литературой по логическим проблемам вопроса оставляет впечатление, что кроме логиков никто этими проблемами не занимается; то же самое можно сказать о философях. Такое положение препятствует решению проблем вопроса.

ПРОТИВОРЕЧИВАЯ СУЩНОСТЬ ВОПРОСА

С возникновением и развитием диалектической логики, которая понималась как наука о наиболее общих законах мышления, появилась возможность говорить о различных формах мышления, как равноправных, самостоятельных, имеющих свою специфику и пр. Как писал в свое время Э. В. Ильенков, диалектическая логика есть наиболее общая логика, предметом, которой выступает не диалектическое противоречие само по себе (оно лишь одно из условий функционирования мышления), а наиболее общие законы мышления. В предмет диалектической логики входят все возможные и имеющиеся формы мышления, а, следовательно, и формальная логика, как одна из форм мышления. В равной степени вполне правомерно включить в диалектическую логику и такую форму мышления, как вопрос²⁴.

В имеющейся философской литературе эта тенденция нашла свое выражение в определении вопроса, как имеющего ярко выраженную природу диалектического противоречия²⁵.

Тот факт, что вопрос выступает формой выражения противоречивого существования бытия и мышления, а потому и сам имеет противоречивое содержание, был отмечен еще Аристотелем, представлявшего его как имеющего противоположные стороны и ярко выраженный противоречивый характер. Правда, мыслитель древности, по всей видимости, имел в виду, прежде всего, антиномичные вопросы. Эта тенденция сохранилась и до настоящего времени. Противоречивость вопроса усматривается в его антиномичности: от элементарного, выраженного конъюнкцией тезиса и антитезиса, до представления противоречивой сущности вопроса как понятия антиномии — проблемы, содержащей

²² Копнин П. В. Указ. соч.

²³ Сергеев К. А., Соколов А. Н. Указ. соч., с. 3—4.

²⁴ См. Ильенков Э. В. Указ. соч.

²⁵ См. Гортари Э. Введение в диалектическую логику. М., 1959, с. 311—313; Лимантов ф. С. Вопрос и истина. Вопрос, мнение, человек. Л., 1971, с. 28; Берков В. Ф. Вопрос как форма мысли. Минск, 1972, с. 49 и др.

диалектическую основу перехода от старого знания к новому²⁶. Однако, диалектическое содержание вопроса имеет другую природу: «Во многих случаях диалектическая природа вопросов обнаруживается не по их **антиномичной** постановке, а в диалектическом характере их решения»²⁷.

Противоречивую сущность вопроса следует рассматривать не как противостояние тезиса и антитезиса, не как простое отрицание, а как единство этих противоположностей, которое в противостоянии сторон представляет собой некоторое единое знание, что возможно только на основе разрешения данного противоречия. Сущность противоречия, как перехода от старого к новому знанию, наиболее полное свое выражение находит именно в вопросе, в его постановке и разрешении. Сам вопрос формируется в силу возникшего противоречия и с целью его разрешения; свое **противоречие** он содержит в качестве момента и способа разрешения — данная интерпретация представляет собой общий подход к вопросу, как форме выражения и разрешения противоречия.

Выражая диалектическое противоречие, вопрос рассматривается в нашей философской литературе как уже содержащий в себе необходимое искомое знание. Это знание заключается не в том, что вопрос направлен на область поиска, а в том, что содержит в себе это определенное области поиска. Спрашивать ни о чем нельзя; можно спрашивать только о том, что уже известно; однако известное включает в себе часть того неизвестного, которое заключено в вопросе. Данное положение перекликается с уже приведенным высказыванием Р. Декарта: вопрос содержит известное и неизвестное. Однако эту мысль философ оставил без дальнейшего развития. Сегодня это положение представлено следующим образом: в вопросе нет строгого разграничения между знанием и незнанием; их границы расплывчаты, более того, одно входит в другое. Знание, заключенное в вопросе, служит не только основой для продвижения вперед, но и само входит частью в незнание (для человека) в будущее полное совокупное знание. Но и незнание (незнаемое) оказывается частью знания (**знаемого**), известного. Это взаимопроникновение знания и незнания, известного и неизвестного, в вопросе представляет собой интересную проблему.

Определение характера взаимосвязи известного и неизвестного в вопросе позволяет вскрыть механизм перехода одного явления в другое в процессе разрешения противоречия,

Сразу же встает проблема о грани между известным и неизвестным. Парадокс заключается в том, что любое неизвестное, если оно исследователю известно как неизвестное, сразу же выступает перед ним и как известное. Или, как говорили древние: знание того, что мы не знаем, уже есть знание об этом незнаемом. Такова попытка разрешения антиномии о соотношении ассерторической и **эротетической** частей вопроса, как чего-либо известного и того, что необходимо узнать.

Важную роль в вопросе играют его предпосылки. В философской литературе имеется две интерпретации — философская и логическая. Не отказывая ни той, ни другой в праве на существование, и на осуществление своего права в решении проблемы вопроса и его правильной постановки, тем не менее необходимо отметить их различную функциональную роль. При всей важности логических предпосылок

«... невыполнимость предлагаемой вопросом программы исследования определяется не только требованиями логического порядка, которые характеризуют правильно поставленный вопрос, но и принципом методологического и мировоззренческого плана»²⁸. Видимо, можно

²⁶ См. Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969, с. 8.

²⁷ Сергеев К. А., Соколов А. П. Указ. соч., с. 50.

²⁸ Сергеев К. А., Соколов Н. И. Указ. соч., с. 51.

было бы сказать, не столько логическими требованиями, сколько требованиями философского методологического характера, его постановкой, содержанием и разрешением. Логические предпосылки играют роль производного момента; логическое понимание предпосылки здесь выступает как требование к обоснованию логической структуры вопроса.

В развитии методологического содержания вопроса в научной литературе поднята еще одна очень важная проблема, а именно организующая роль имеющегося знания. Определение содержания вопроса, требует по существу осмысления содержания того знания, которое заложено в вопросе, вернее закладывается в него, требует систематизации знания. В вопросе «... мы сталкиваемся с систематизацией научного знания, которая присуща в той или иной степени результатом научного исследования на любом этапе его развития»²⁹. Это положение имеет более важное значение, чем оно кажется на первый взгляд, во всяком случае для нашего дальнейшего исследования. Когда говорят, что в вопросе содержится полное знание, то под этим понимают следующее: во-первых, это знание — строго определенное, и, во-вторых, оно — систематизированное. Это означает, что знание, заложенное в вопросе, всегда оказывается выражением определенного взгляда на данное явление. Вопрос каждый раз выступает как фокус, концентрирующий в себе определенным образом уже имеющееся знание. Осмысление данного знания позволяет выявить то, что интересует исследователя, и на этом основании получить новое знание. И как только ставится задача по формулировке вопроса сразу же начинается процесс систематизации некоторого прошлого знания и выработки единого взгляда на новое знание. Данное положение требует развернутого объяснения, что будет сделано в следующих разделах.

Как уже говорилось, в современной научной литературе вопрос чаще всего рассматривается преимущественно в качестве вопроса-проблемы, а не в качестве конкретного вопроса. Тем самым нередко смешиваются понятия — теория, гипотеза, программа, проблема в плане их отношения к вопросу. Однако проблема, задача, теория и пр. в **определенный** момент своего развития приобретают специфическую форму вопроса (это **обусловлено** процессом развития **знания**). В свою очередь успешное решение проблемы, выдвинутой в форме вопроса, возможно при условии правильной постановки вопроса. В **широком** плане — это связано с правильной методологической постановкой проблемы; в узком плане (методическом) — с правильным построением, формулировкой вопроса.

ВОПРОС В НЕВОПРОСНОЙ ФОРМЕ (Пути и формы решения логической структуры вопроса)

Представление о вопросе, как об особой форме мышления и познания, вне определения его логической структуры является в принципе хотя и верным, но по существу не доказанным положением. Поэтому все требования рассматривать его в качестве особой логики мышления остаются благими пожеланиями. По аналогии именно строгая логическая структура суждения позволила представить его как дедуктивную форму мышления, как такую логическую процедуру с понятиями, которая позволила получить новое знание. Возникает вопрос к вопросу: если вопрос и вопросно-ответные отношения служат особой специфической формой

²⁹ Копнин П. В. Философские идеи В. И. Ленина и логика. - М., 1959, с. 296.

мышления, то каким образом эта форма позволяет получить новое знание? В противном случае, представление вопроса, как особой формы мышления, не имело смысла.

Попытки решения проблемы логической природы вопроса осуществлялись посредством сведения логической структуры вопроса к логической структуре суждения. Такой подход был вполне оправдан и естественен.

Во-первых, логика вопроса рассматривалась через известное и апробированное, т. е. через логику суждения.

Во-вторых, логика суждения и логика вопроса имеют много общего и при определенном типе вопроса их логические структуры оказываются идентичными. Так, например, вопрос первого типа полностью поддается рассмотрению в логической структуре суждения, т. е. его можно выразить дизъюнкцией простых суждений.

Однако, принципы сведения вопроса к суждению не всегда были убедительными. Например, П. В. Копнин писал: «Мы считаем, что мысль—вопрос имеет все общие признаки суждения. Во-первых, мысль—вопрос является формой отражения действительности; содержанием вопроса, как и других форм суждения, в конечном счете является объективный мир» (с этим трудно не согласиться, хотя автор и не доказывает идентичности их логических структур). «Во-вторых, вопрос, как всякая другая форма суждения, может быть истинным или ложным» (правда другие философы это отрицают, но в этом случае необходимо определить, что понимать под истинностью и ложностью в вопросе и суждении). «Хотя разумеется, истинность или ложность вопроса отличаются от истинности или ложности суждений-сообщений. «В-третьих, вопрос, как и всякое другое суждение, представляет собой некоторую связь мыслей, отражающую общие, объективно существующие связи явлений действительности» (это так же верно, но именно характер связи мыслей, отражающих объективно существующие связи явлений действительности и является предметом внимания логиков, занимающихся проблемой вопроса; это и отличает вопрос от суждения). «В-четвертых, всякий вопрос имеет субъектно-предикатную форму, т. е. всякий вопрос имеет субъект, предикат и связку» (не всякий, конечно, вопрос; субъектно-предикатную форму имеет только вопрос первого типа и то не полную, поскольку один из элементов обязательно имеет вероятностное значение). «Наконец, мысль—вопрос реально существует, как и суждение вообще, в форме предложений» (это тоже верно, но не может говорить об их идентичности)³⁰.

Несмотря на осторожность своих высказываний о соотношении суждения и вопроса — «имеют все общие признаки», тем не менее П. В. Копнин по существу сводит вопрос к суждению, что не всегда обоснованно, и в основном работает на вопросах первого типа. И в самом деле, вопрос типа «Колумб открыл Америку?» имеет много общего (почти все вышеперечисленные признаки) с суждением; однако вопрос второго первого типа — «Кто открыл Америку?» уже имеет очень мало общего.

В последние годы стали более осторожно говорить о сведении логической структуры вопроса к логической структуре суждения, однако эти попытки постоянно возобновляются с применением более тонкой логической интерпретации.

Так, в современной формальной логике большое внимание уделяется попыткам сведения вопроса к пропозиционным формам; при этом у них выделяется то общее, что и те и другие не содержат в себе определенных утверждений, вследствие чего они могут спокойно

³⁰ Копнин П. В. Диалектика, логика, наука. — М., Наука, 1973, с. 217—218.

включать в себя различные переменные³¹. Однако, данное отождествление, по мнению других авторов, не позволяет полностью раскрыть логическую природу вопроса.

Осуществляется подход к вопросу как к команде или требованию. И в самом деле любой вопрос связан так или иначе с требованием, например, получения информации: «Вопросительное высказывание в команде,— пишет Ф. С. Лимантов,— определяет не только основной процесс элементарного предписания, но и процесс перехода от одного элементарного предписания к другому. Поэтому логический анализ структуры, выраженной в форме команды вопроса ...может представлять интерес не только для теории и практики программирования, но и для логики вопросов»³².

Имеются также и другие пути сведения вопроса к суждению. Но важно отметить, в какой бы форме вопрос не был представлен, каким бы образом он не был сведен к суждению, сущность вопросительного предложения как такового всегда остается. Если нам необходим ответ, мы облакаем свое требование в определенную форму, а именно в вопросительную. В течение многовековой истории естественный язык выработал такую форму общения, которая позволяет отделить одно высказывание от другого, в частности, вопрос от суждения. Сведение вопросной формы к не вопросной (в любом его виде) по существу затрудняет процесс общения, во всяком случае требует постоянного указания на то, что данное суждение не может считаться обыкновенным суждением, т. е. положительным, утвердительным знанием, а представляет собой вопрос в форме суждения. Фактически получается, что сняв вопрос и превратив его, нередко искусственно, в суждение, мы тут же должны указать, что это вопросительное суждение, т. е. вернуться к тому, с чего начали. Сведение вопроса к суждению имеет смысл только с той точки зрения, что позволяет в ряде случаев выявить некоторые закономерности в логической природе вопроса, применить некоторые правила, выработанные в формальной логике для анализа логической структуры вопроса. Но как было показано, не все типы вопросов могут быть сведены к логической структуре суждения и раскрыть его логическое содержание.

Непосредственная редукция не позволяет решить поставленную задачу в принципе и по существу; более того может расцениваться в ряде случаев попыткой ухода от решения самой проблемы — определения логической структуры вопроса. Безусловно, они тесно между собой связаны и более того оказываются зависимыми друг от друга (о чем речь будет идти далее). В целом рассмотрение логики вопроса в рамках логики суждения дало много интересных моментов и прежде всего помогло приблизиться к пониманию подлинной природы вопроса.

Однако получение ответа на вопрос «Что такое вопрос?» оказалось трудным делом и показало, что его решение невозможно получить в рамках традиционной логики. Как пишут Сергеев К. А. и Соколов А. Н., «к настоящему времени наметились различные подходы к построению формальной системы логики вопроса. Условно эти направления можно разграничить в зависимости от того, как те или иные авторы трактуют проблему «Что такое вопрос?» Так одни отождествляют вопросы с особым рядом суждениями (Д. Харра) или с классом особого рода суждений. Это направление польский исследователь Т. Кубинский справедливо назвал логикой вопросов без вопросов. Другие считают вопросы эпистемологическими требованиями. Третьи признают вопросами правильно построенные формулы некоторого формализованного языка, содержащие вопросные операторы.

³¹ Лимантов Ф. С. О природе вопроса. Вопросы, мышление, человек. Л., 1971, с. 11.

³² Лимантов Ф. С. О природе вопроса. Вопросы, мышление, человек.— Л., 1971, с. 19.

Представители четвертого направления усматривают возможность развития логики вопросов в рамках некоторой лингвистической теории. Наконец, существует направление, специфика которого состоит в том, что в центре внимания его представителей попытки уточнения отдельных понятий логики вопросов»³³.

Каждое из этих направлений, хотя и не даст полного представления о сущности и логической природе вопроса, тем не менее показывает его различные стороны и многообразие в своем единстве. Все это позволило обнаружить некоторые особенности вопроса, закономерности его построения, выработать некоторые правила верной постановки вопроса и т. д., выявить некоторые элементы логической структуры вопроса и связи между ними. Попытки сведения вопроса к суждению позволили определить не только общее между ними, но и отличия.

Первое отличие заключается в том, что хотя вопрос «... так же содержит определенную информацию о мире, однако она составляет лишь исходное начало, или предпосылку, а не основное ее содержание и поэтому представлена в вопросе в «свернутой» логико-грамматической форме»³⁴. Это замечание говорит о неполноте вопроса, как такового, когда содержащаяся в нем информация представляет собой только условие для развертывания истинного его содержания. Представляется, что в большей степени (о чем авторы умалчивают), это относится к вопросам второго типа: и в самом деле, когда мы задаем вопрос «Кто открыл Америку?», то неполное суждение «открыл Америку» не отражает содержание вопроса, а выступает лишь основой для развертывания этого содержания, которое определяется вопросным оператором.

Второе отличие заключается в том, что вопрос ничего не утверждает и ничего не отрицает, он только содержит определенную информацию и какое-то конкретное решение.

И третье отличие заключается в том, что в сравнении с суждением вопрос не содержит в себе элементов истинности или ложности.

Между тем попытка редуцирования логической структуры вопроса к логической структуре суждения имеет и другую сторону, которая в литературе не выражена в явной форме. Дело в том, что если бы удалось приспособить логическую структуру вопроса к логической структуре суждения, рассмотреть одно через другое и, в конечном счете, свести одно к другому, т. е. все свести к логической структуре суждения, то были бы сразу сняты все вопросы о вопросе, как особой форме мышления; разговоры о неполноте дедуктивной системы были бы прекращены; последняя сохранила бы себя как целостная и основная система познания, принципом которой выступает непротиворечивость мышления (к полному торжеству старых представителей формальной логики, отрицавших возможность противоречий как в мышлении, так и в предмете). Но именно противоречие, как уже отмечалось, и поставило под сомнение единственность дедуктивной системы, как формы познания, в результате чего и возникла проблема вопроса.

ЧТО ПОНЯТНО ЭВМ И НЕПОНЯТНО ЧЕЛОВЕКУ? (Формально-логический подход к анализу структуры вопроса)

³³ Сергеев К. А., Соколов А. И. Логический анализ форм научного поиска.— Л., Наука, 1986 г., с. 4.

³⁴ Старченко А. А., Волченко М. В. Семантика вопроса в естественном языке. Логико-методологические исследования.— М., МГУ, 1980, с. 266.

Для логиков, придерживающихся общефилософской **интерпретации** вопроса не стояла, во всяком случае в качестве первоочередной, задача формализации вопросно-ответных отношений, хотя в связи с **логическим** представлением структуры вопроса отдельные элементы такой формализации они все же выделяли. Иначе обстояло дело у логиков, разрабатывавших различные диалоговые системы. Последнее стимулировало развитие **эротетической** логики как формально-логической. Особенностью этого подхода является то, что представление вопросно-ответных отношений, и по существу любой диалоговой системы в некотором формализованном выражении, стало самостоятельной задачей и в некоторых случаях самоцелью, закрывающей другие аспекты и направления изучения этой проблемы.

К логике вопросов и ответов непосредственно обратились в **тридцатых** годах нашего века. Большая заслуга в этом принадлежит польскому логичу К. **Айдукевичу**. Он один из первых применил аппарат формальной логики для анализа вопроса. Можно с большой уверенностью сказать, что и на сегодня он остается авторитетом в этой области, во всяком случае на него опираются почти все современные логики, и многие его идеи нашли отражение в современных интерпретациях логики вопросов и ответов.

В развитии эротетической логики работали Е. **Сперэнция** (1936 г.), М. и А. **Прайоры** (1955 г.), Г. Леонардо (1957 г.), К. **Хемблин** (1958 г.). В настоящее время много работают в этом направлении Я. **Хинтика**, Г. **Харре** и др. В отечественной литературе некоторым проблемам эротетической логики были посвящены работы Е. К. **Войшвилло**, Ю. А. Петрова, В. Ф. **Беркова**, Ф. С. **Лемантова** и др.

Одна из первых крупных публикаций по эротетической логике принадлежит польскому логичу Т. Кубинскому (1960 г.). Авторы другой большой работы, переизданной у нас в 1981 г. англичане Н. **Белнап** и Т. **Стил** (1968 г.)³⁵, и хотя эта работа написана довольно сложным языком со своей специальной терминологией и понятийным аппаратом, она тем не менее представляет большой интерес для занимающихся эротетической логикой.

Авторы данной работы занимаются формальной теорией вопроса, правда не всех, а только некоторых, и прежде всего **«ли-вопрос»**, по существу, относящихся к вопросам первого типа, или, как говорят ученые, прямого вопроса, и **«какой-вопрос»**, т. е. вопроса второго типа. Данная работа интересна тем, в частности, что ее авторы приводят специфическую структуру вопроса в формализованном выражении; вопрос представлен как абстрактное понятие, и состоит из двух частей — субъекта и предпосылки. Эти понятия его элементов отличаются от понятий, употребляемых в нашей литературе. Под субъектом авторы понимают множество (возможных) альтернатив, а под предпосылкой — количество истинных альтернатив вопроса. Требования определяют полноту и различимость альтернатив. Под значением вопроса они понимают **«...совокупность ответов, допускаемых вопросом. Другими словами, для вопросно-ответной системы и ее пользователя придти к соглашению относительно значения некоторого вопроса означает придти к соглашению о том, что считать ответом на него, независимо от того, каким образом получен ответ вообще»**³⁶. Это положение оказывается важным не только для построения удобной формальной системы записи, как определили авторы цель своей работы, а прежде всего с точки зрения понятийного (в формализованном языке) определения вопроса и его логической структуры. Если посмотреть на понятие значения вопроса несколько шире, чем это делают авторы, то субъект вопроса

³⁵ Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов.— М., Прогресс, 1981.

³⁶ Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов.— М., Поогоесс 1981 с 13-14.

определяется ассерторической частью вопроса, что имеет большое методологическое значение в определении его структуры. Авторы не анализируют эту проблему: но сама по себе ее постановка оказывается настолько важной, что определяет выход научного интереса авторов за рамки формальной системы записи и поиск некоторых общих предпосылок («предпосылок» — не в том понимании, которого придерживаются авторы) решения гносеологических аспектов вопроса и вопросно-ответных отношений.

Таким образом, задача эротетической логики (а по мнению Н. Белнапа и Т. Стила, этот термин ввели в логику вопросов А. и М. Прайоры в 1955 г.; сам термин эротетика происходит от греческого — вопрос) состоит в развитии семантики и грамматики вопроса (под последним понимаются способы правильной формальной имитации вопроса), да и сама эротетическая логика ни в коем случае не является логикой дедуктивной системы. «Абсолютно неверно думать, что эротетическая логика является логикой в смысле дедуктивной системы, поскольку такое представление о ней привело бы к бессмысленному изобретательству схемы вывода, в котором вопросы или интеррогативы могли бы выступать в качестве посылок и заключений. Иными словами, эротетическая логика похожа на другие логики не своей дедукцией, а скорее иными важными составными частями — грамматикой (синтаксисом) и семантикой»³⁷. Именно поэтому сходство между языком утверждений и языком вопроса заключается в том, что они являются формальными и не более.

В данном разделе не стояла задача сравнительно полного и представительного описания эротетической логики. Представляется, что эта задача может быть решена в специальной работе. Здесь необходимо выделить лишь три момента. Первое — понятие «эротетическая логика» и данное направление науки во многом обязано тем наработкам, которые были и есть в формальной логике. Само понятие вопросно-ответные отношения по существу было выработано и обосновано в логико-формализованном анализе диалоговых систем. В свою очередь эти наработки были обусловлены потребностями развития диалоговых систем с возможными последующими практическими приложениями.

Второе — многие положения, выводы эротетической логики нашли свое отражение в общей логике вопросов и ответов, включая и философский аспект. И третье, — хотим мы этого или нет (в том числе и представители формально-логической теории вопроса), но единственный путь успешного развития эротетической логики (возьмем этот термин на вооружение и для общей теории вопроса и вопросно-ответных отношений) состоит в решении ряда методологических вопросов. Как бы далеко не ушла практика, она не может уйти настолько далеко вперед, чтобы обойтись без теории. Мы уже об этом говорили, но хотелось бы добавить, что практика ушла от теории далеко ровно настолько, чтобы понять, что без нее нельзя обойтись, нельзя дальше развиваться. Впрочем, здесь нет какого-либо противопоставления теории практике и наоборот. И лишь с решением ряда общих теоретико-методологических проблем вопроса и вопросно-ответных отношений можно освоить и все частные аспекты проблемы, в том числе и логическую природу вопроса, и его логическую структуру.

Между тем в рамках формально-логического подхода такое решение не осуществляется; более того, такая проблема даже не ставится, хотя имплицитно ряд ученых выходит на нее. По всей видимости это связано с тем, что эротетическая логика является пока слабо развитым направлением в логике. В настоящее время продолжают поиски основных принципов подхода к решению проблем на эмпирическом уровне.

³⁷ Там же.

КЛАССИФИКАЦИЯ ВОПРОСОВ

Безусловно формально-логический и содержательный анализ предполагал и классификацию вопросов, используя то или иное основание. При всем многообразии и возможностях для классификации, тем не менее были выделены несколько, которые, во-первых, были так или иначе связаны с проблемой логического анализа и это вполне естественно, ибо это сразу же выводило на частные и общие элементы в логической структуре вопроса, и во-вторых, позволяло относительно строго подходить к определению содержания вопроса как научной и логической категории.

В логической теории выделяются два типа вопроса, при этом основываются на содержательном значении вопроса, принятом в естественном языке.

Согласно, имеющейся типологии в логической теории к первому типу относится вопрос, который характеризуется тем, что он выражает вопрос ко всему предложению. Например, «Действительно ли Колумб открыл Америку?» Здесь выделяется вопросительная частичка «ли», знак вопроса и предложение «Колумб открыл Америку», которое ставится под вопрос. Все остальные вопросы, которые начинаются с таких, например, вопросительных слов, как «кто», «что», «где», «когда», «почему» и пр. относятся ко второму типу. Этот тип вопросительных предложений характеризуется тем, что вопросительные слова в них относятся только к отдельным членам предложения. Например, «Кто открыл Америку?». Здесь имеется вопросительное слово, знак вопроса и только лишь фрагмент предложения «... открыл Америку»³⁸.

Содержательное значение такой типологии определяется сущностью задач, решаемых этими вопросами. Так вопрос первого типа решает задачи на доказательство, второй тип — задачи на нахождение³⁹. «Конечной целью задачи на нахождение является нахождение (построение, проведение, отождествление...) некоторого объекта, т. е. неизвестного данной задачи. Конечной целью задачи на доказательство является установление правильности или ложности некоторого утверждения, подтверждение его или опровержение»⁴⁰

Данная типология безусловно имеет определенный смысл, несмотря на всю сложность указания, выделения типа задач в том или ином конкретном случае. Но в теоретическом плане и особенно в рамках формальной логики такое деление позволяет довольно успешно анализировать структуру вопроса, хотя в таком делении на типы имеется на наш взгляд и некоторая умозрительность. Во всяком случае задачи на доказательство типа: «Кто открыл Америку?» и задачи на **на-хождение** типа: «Действительно ли Колумб открыл Америку?» в действительном языке имеются, и их можно рассматривать как определенные формы познания.

Несмотря на условность подобного деления, т. е. на доказательство (I тип вопроса) и на нахождение (II тип вопроса), тем не менее они рассматриваются прежде всего в рамках познавательного значения. Так ряд авторов рассматривают вопросы II типа, как имеющие значение на ранних стадиях исследования, направляются этими вопросами, в результате чего (т. е. ответы на эти вопросы) происходит развитие гипотезы. Обоснование этих гипотез

³⁸ Сергеев К. А., Соколов А. Н. Логический анализ форм научного поиска.— Л.: Наука, 1986., с. 9.

³⁹ Сергеев К. А., Соколов А. Н. Логический анализ форм научного поиска.— Л.: Наука, 1986, с. 11.

⁴⁰ Пойа Д. Математическое открытие.— М., 1970, с. 145.

принадлежит уже вопросам I типа. Вопросы II типа лишь указывают область поиска, вопросы I типа призваны к решению поставленных задач в виде обоснования гипотез.

Деление это конечно условно, поскольку эти типы вопросов при решении различных теорий по уровню и по содержанию могут спокойно меняться местами. Сам по себе процесс обоснования гипотез, может представлять собой такую процедуру, когда работают поочередно сначала вопросы II типа, т. е. на нахождение, затем вопросы I типа, на доказательство гипотезы, и в тоже время остаются в целом вопросом I типа.

Безусловно, деление на вопросы нахождения и вопросы доказательства, имеет содержательное значение в процессе познания, так же как и имеют реальное существование сами по себе. Однако данная типология в логике не решает всех проблем процесса познания и не описывает всю возможную классификацию для различных теорий и ситуаций. Слишком многообразен и разнообразен процесс познания, чтобы его можно описать этими двумя типами вопроса, хотя конечно для решения некоторого класса задач они вполне приемлемы. Тем не менее, в логике почему-то получилось так, что начиная с [Айдукевича](#), первым выдвинувшим эту типологию и обосновавшим ее, это оказалось чуть ли не единственным делением, во всяком случае среди логиков эта типология казалась очень популярной и довольно хорошо описанной. Не вдаваясь сейчас подробно в теорию классификации, в частности, в логике, тем не менее необходимо отметить, что такое внимание к этим типам [вопросов](#), по всей видимости вызвано тем, что на сегодня логическая теория вопроса еще не получила достаточного развития.

В логической структуре вопроса рассматривается еще один тип вопроса, так сказать комбинированный из первого и второго вышеуказанного типов вопросов, например, содержащие связку «если... то». Этот тип вопроса так же отражает определенную форму познания и означает совершение некоторого неизвестного события при известном [обстоятельстве](#), т. е. будет ли совершено какое-то событие при [определенном](#) условии. Например, «Если будут построены космические корабли для дальнего космоса, то будет ли осуществлен полет человека на Марс?» Это сложно построенный вопрос, в котором оговариваются условия, чтобы отвечающий понял смысл предложения, т. е. при каком условии будут возможны полеты на Марс. Данный тип вопроса имеет множество аспектов и вариаций, в зависимости от конкретной задачи, которую он призван решить. Например, указываются возможные и невозможные условия, совершенные и имеющиеся и пр. Но истинный смысл и ценность такого типа вопроса заключается в том, что в нем указывается условие, при котором возможно совершится следующее действие, событие, которое интересует собеседника, что значительно уточняет смысл вопроса, в противном случае, отвечающему приходится самому определять эти условия. Если учесть, что в зависимости от условия, при котором вопрос приобретает тот или иной смысл, меняется и структура ответа, то можно понять, насколько важно выделение такого типа вопроса и его тщательное изучение, исследование правил построения, а соответственно, и особенности ответа. Этот тип вопроса имеет интерес с точки зрения построения различных искусственных языков, например, социологического. [Определения](#) условия, при котором уточняется смысл социологического вопроса, значительно облегчает работу [респондентам](#), ибо в противном случае, как это часто и бывает, они вынуждены сами определять это условие, что может привести к неверной интерпретации предлагаемого ему вопроса, а соответственно, и неверного ответа, неверного с точки зрения его адекватности содержанию вопроса. Хотя такая форма вопроса значительно утяжеляет и усложняет вопрос, что может в некоторых случаях затруднить понимание самого вопроса.

Выделяют еще два типа вопроса — фактологические и, так называемые, **мотивационные** вопросы. Такое деление имеет большой смысл и с точки зрения определения смыслового значения, и характера решаемых ими задач и принципов построения вопроса.

Эти два типа вопросов решают различные познавательные задачи. Фактологические вопросы снимают информацию о совершившемся действии, например, «Выписываете ли Вы газету «Труд»?», «Имеете ли Вы стиральную машину «Эврика»?» и пр. Особенность этого типа вопросов заключается в том, что его содержание, как и содержание объективной изучаемой реальности оказывается не зависимым от субъективной интерпретации отвечающего. Факт наличия подтверждается наличием факта, и отвечающий только фиксирует совершившийся с ним или с кем-то другим действие. Правда здесь возможны различные вариации, которые оказываются зависимыми от субъективной интерпретации, например, фактологические вопросы о прошлом или о будущем. Но в целом этот тип вопроса оказывается очень удачно описывает огромный класс практических задач, имеющих значение не только в искусственных, но и в естественных языках. Соответственно имеются и определенные принципы построения этого типа вопроса, в частности, здесь не употребляется слово «почему», требующее субъективную интерпретацию при ответе. Формулировка вопроса и ответа требует только четкой фиксации событий и т. д.

Ко второму типу вопроса относятся, так называемые мотивационные вопросы, особенность которых заключается в том, что они требуют прежде всего субъективной интерпретации событий, т. е. высказывания своего мнения, оценки тех или иных изучаемых событий. Когда мы спрашиваем: «Знаете ли Вы...?», то тем самым просим выразить свое мнение, оценить и пр. независимо от того, какую объективную оценку (например, с точки зрения общественности или официально принятой позиции) имеет данное событие. Основное требование к вопросу заключается в том, чтобы была определена понятийная структура вопроса, иначе содержание вопроса может неадекватно пониматься исследователем и респондентом.

Соответствующим образом меняется форма построения и формулирования вопроса. В данном типе вопроса, как правило, используются вероятностное содержание и понятия, допускающие неопределенную интерпретацию событий. Логическая структура такого вопроса оказывается довольно сложной. Если мы задаем вопрос: «Кто открыл Америку?» (фактологический вопрос) с матрицей ответов, где один истинный, а все остальные ложные, то в вопросе: «Как Вы считаете, кто открыл Америку?» (**мотивационный** вопрос), матрица ответов по существу не имеет ложных альтернатив, поскольку респондент выражает только свою точку зрения и для него любая из предлагаемых может быть истинной. В последнем случае мы выясняем не объективное звучание, содержание ответа на поставленный вопрос, а только мнение респондента по этому вопросу. Другое дело, что мы можем его соотносить, а можем и не соотносить с некоторым объективным содержанием матрицы ответов. Например, мы можем соотносить различные группы отвечающих в зависимости от выбранного ответа, что кстати говоря, часто и делается, когда объективное содержание изучаемого явления не известно. Например, мы задаем вопрос: «Кто написал «Слово о полку Игореве?» Любой ответ из матрицы ответов может быть истинным, но оставаться чисто субъективным мнением отвечающего.

Можно образовать различные типы вопросов и все они имеют право на существование, каждый из которых отражает определенную **объективную** реальность, в зависимости от чего приобретает ту или иную специфическую форму. Но несмотря на **полифоничность** вопросов, всегда можно выделить некоторые основные типы, которые определяют магистральные пути

познания посредством логики вопросов. Безусловно уровень общности подхода и уровень общности познания определяет свою классификацию вопросов. Философский подход предполагает и наиболее общий тип вопросов. В специальных теориях, возможна частная типология. Здесь уже работают свои законы и закономерности.

Так же в зависимости от области изучения меняется типология вопросов, кстати говоря, и сами вопросы как по содержанию, так и по форме построения. Здесь выявляется своя специфическая типология вопросов, как например, в социологии. Исследование процесса образования типов вопросов, независимо от уровня общности подхода, дает богатую информацию о законах и закономерностях развития познания и логики получения нового знания.

«...мы можем открыть новый для себя мир,
когда научимся задавать верные вопросы.»

К. Эрикссон

«...тот, кто слишком торопится
получить точный ответ, кончает сомнениями...»

Ф. Бэкон

Глава III. ГИПОТЕТИЧЕСКИЙ МИР

Анализ возможных подходов к проблеме вопроса показал, что в основном все они находятся в области формально-логического решения. Отдавая должное отдельным блестящим находкам, тем не менее необходимо констатировать, что они не привели к пониманию подлинной гносеологической и онтологической природы вопроса, а соответственно и его логической структуры.

Есть все основания предполагать, что решение этой проблемы лежит в другой области. Если к вопросу подходить как к специфической форме мышления, то естественно и решение проблемы его логической структуры необходимо искать именно в природе мышления и логики познания. Вскрывая механизм мышления, можно познать и разнообразные формы последнего, в том числе и вопрос, его связь с суждением.

В свою очередь, логика познания с неизбежностью исходит из решения более общей проблемы, а именно проблемы взаимодействия субъекта и объекта, выступающих общей системой для вопроса и **вопросно-ответных** отношений. Содержание последних определяется некоторыми **сущностными** отношениями между субъектом и объектом и прежде всего познавательно-преобразовательной деятельностью. И понятно, что только обращение к сущности субъектно-объектных отношений, позволяет решать проблемы вопроса и вопросно-ответных отношений.

ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ ЗНАТЬ?

(Некоторые принципы субъектно-объектных отношений)

Если поставить проблему природы взаимодействия субъекта и объекта в плане исследования вопроса и вопросно-ответных отношений, то в первую очередь необходимо отметить, что не только субъект, но и объект обладает своей активностью и с той же самой целью, т. е. стремлением сохранить себя как самостоятельное и независимое явление.

В этом плане они, составляя единое целое, и противостоят друг другу, и предполагают друг друга. Противоречивый процесс противостояния обуславливает и их неразрывное единство, активное взаимодействие с целью решения своих частных и общих задач. Действия субъекта по отношению к объекту предполагают определенный уровень знания характера и содержания действий последнего. Чтобы субъекту успешно действовать, ему необходимо полно и по мере возможности глубоко, в зависимости от уровня поставленных задач, знать законы и закономерности, раскрывающие сущность объекта, различные частные и общие проявления, взаимоотношения с другими явлениями, которые окружают исследуемый объект. Человеку необходимо знать не только, что он сам хочет, но и что хочет другой человек, какие цели ставит себе и каким образом он будет их достигать. Необходимо знать систему действий другого человека. Если эту картину представить в некотором упрощенном виде, то ее можно уподобить системе координат, в которой каждый объект занимает свое определенное место. Если человек знает эту «систему координат», то он способен оптимальным образом **спрогнозировать** всю систему своих познавательных и предметно-преобразовательных действий. Необходимо знание не только местоположения каждого объекта в некоторой системе координат, но и знание траектории его движения. Вся эта и другая подобная дополнительная информация позволит четко соотнести траектории движения объектов.

Если усложнить задачу, то человеку необходимо знать траекторию движения не только одного объекта, с которым он вступает во взаимодействие, но и некоторого ряда объектов, представляющих его окружение; более того необходимо иметь систему взаимодействия всех рассматриваемых траекторий движения. В силу бесконечного количества вариантов задача может бесконечно усложняться и становиться невыполнимой, но тем не менее всегда выполняемая каждым субъектом и объектом. Таким образом, успешное действие субъекта относительно **действий** объекта, так же как и успешное действие объекта, относительно **субъекта**, предлагает знание законов движения и субъекта, и объекта **относительно** друг друга. Их взаимодействие, как единичный акт, **обусловлен** структурой и законами действия более общей по отношению к ним системы. В данном случае, однако, происходит не прямое и полное поглощение большой системы малой (в данном случае системы взаимоотношений субъекта и объекта), а активное их взаимодействие, в результате чего развиваются обе из них. Но будучи частью более общей системы, субъект сохраняет свое самостоятельное значение, лишь оставаясь активным существом, познающим всю систему правил, законов закономерностей действия этой общей по отношению к нему системы.

Активная его деятельность в первую очередь предполагает активную именно познавательную деятельность. Это обусловлено тем, что практически-преобразовательной деятельности субъекта должна предшествовать разработка концепции этой деятельности, включающей в себя познание среды деятельности, ее законов и т. д. И лишь в соответствии с ними можно наилучшим образом строить систему своих действий. Между тем модель действия и само действие, принявшие в философской литературе форму соотношения идеального и т. н. реального действия, весьма своеобразны. Для такой атомарной системы, как взаимоотношение субъекта и объекта, первичность и **вторичность** познавательной и т. н. реальной деятельности оказывается весьма сложной. Действие одного всегда вызывает

ответное действие другого; в свою очередь, оно предполагает совершенное действие другого. Пожалуй, в данном случае сущность взаимодействия субъекта и объекта **может** быть сведена к формуле, познавать, чтобы действовать наилучшим образом, и наоборот.

Разумеется познание субъектно-объектного взаимодействия — довольно сложный и многоплановый процесс, и мы, в свою очередь, не будем анализировать все его аспекты, поскольку это не входит в **задачу** нашего исследования. Необходимо только подчеркнуть, что способность познавательного взаимодействия, изначально присущая субъекту и объекту (а можно предположить — и каждому явлению объективного и субъективного мира) сразу же затрагивает проблему природы самого познавательного процесса.

Нет необходимости говорить о том, что познавательный процесс **представляет** собой единство чувственной и логической сторон **познания**; и извечный спор между эмпириками, сенсуалистами, с одной **стороны**, и с другой — рационалистами, будет продолжаться, видимо, **бесконечно**. В нашем исследовании мы должны **обратить** внимание на первую ступень познания, поскольку она выступает его исходным пунктом. Остановимся сначала на нем.

На каждого человека, и тем более на познающего субъекта, целенаправленно изучающего свой объект, в каждый момент времени идет поток информации, поступающей через его ощущения. Именно через них он воспринимает огромное количество различных по природе, характеру, интенсивности и пр. ощущений. Они могут отражать цвета, звуки, запах предметов и явлений, распознавать каждое такое ощущение, хотя и трудно, но необходимо, ибо каждое из них несет определенную информацию об объективном мире. Познающий субъект вынужден с ней справляться, ибо каждое ощущение, каждый квант информации, поступивший к нему, получает его индивидуальную интерпретацию.

Это происходит путем **типологизации** ощущений как квантов информации. При всем множестве ощущений и поступающей на их основе информации, они всегда могут быть сгруппированы по принципу однородности. Это изобретение природы, материального мира, имея такую типологию или классификацию однородных одинаковых ощущений, человек любое очередное ощущение рассматривает уже по аналогии с имеющимся знанием и относит его к тому или иному классу (или роду) ощущений. Данное обстоятельство освобождает его от необходимости определять сущность каждого конкретного ощущения, поскольку оно уже изначально задано этой классификацией. Тем самым достигается огромная экономия и времени и энергии человека в познавательном процессе.

В случае появления ощущений, которые не могут быть включены в имеющуюся классификацию, определение их сущности и содержания происходит путем выработки новой классификации ощущений. Последняя **имеет** свои уровни. Первый из них — это классификация первичных ощущений. Второй — классификация классификаций до появления таких обобщенных представлений как понятие и абстракция.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ НАСТОЯЩЕЕ?

(Субъектно-объектные отношения как обобщенное знание)

Взаимоотношения субъекта и объекта происходят на основе разнообразной и, как правило, постоянно меняющейся информации. Она остается неупорядоченной до тех пор, пока субъект не поймет логику движения объекта и не отразит ее в своем сознании как логику движения своей мысли, т. е. как свою собственную логику. Обобщенное **представление** человеком предметов и явлений объективного мира есть отражение логики их развития.

Мир изменчив и постоянен. Он постоянен в своей изменчивости и изменчив в своей постоянности. Мир постоянно меняется, и в каждое новое мгновение уже нельзя утверждать, что он — тот же самый. Верная сама по себе идея его постоянной изменчивости, доведенная до крайности, превращается в абсурд, как, например, у Кратила, утверждавшего, что в реку нельзя войти даже один раз. И в самом деле, если говорить о постоянной изменчивости, то конечно в любой сколь угодно малки отрезок времени мир не будет постоянен. Это означает, что в одно и то же время он — и тот же самый, и другой. Но если он изменяется, значит мы не можем его фиксировать как нечто постоянное, неизменное, т. е. остановить его хотя бы на мгновение; и с другой стороны, если мир постоянно изменчив и настолько, что мы не сможем его зафиксировать в любой сколь угодно малый отрезок времени, фактически это означает, что он не существует. В то же время мы постоянно убеждаемся, что объективная реальность существует, и что она может отражаться, ощущаться нами, и мы можем производить с ее предметами какие-либо действия и т. д.

Каким же образом разрешается это противоречие? Факт, что мир изменчив, никто ныне отрицать не может. Спорят обычно против результата логического рассуждения, вследствие чего возникает парадокс, о котором говорилось выше. Однако в действительности никакого парадокса нет, если мы будем рассматривать мир и эти два понятия в различных временных измерениях. Мир изменчив и не одинаков в пространстве и времени, изменчивость мира имеет свою иерархию. Если мы возьмем электронный микроскоп и посмотрим на каплю воды, то увидим в ней движение молекул. При еще большем увеличении можно обнаружить практически стремительное и трудно фиксированное движение атомов и электронов. Но капля воды, наблюдаемая человеком, в определенный момент времени практически остается неизменной, хотя и изменяется (испаряется), но для человека без микроскопа эти изменения происходят достаточно медленно, что позволяет оперировать этой каплей как практически неизменной для определенного отрезка времени. Именно в силу изменения скорости движения по отношению к наблюдателю (в данном случае человеку) мир в одно и то же время — и изменчивый, и постоянный. Он постоянный, неизменный, ровно настолько, насколько мы можем оперировать им как объективной реальностью. Однако в силу преходящего пространственно-временного консилиума наблюдения мы можем следить за изменениями мира и соответствующим образом использовать его в своих действиях как постоянно изменяющегося.

Хотя проблема изменчивости мира не входит в предмет нашего исследования, тем не менее об этом необходимо было сказать, поскольку форму обобщенного познания нередко самым непосредственным образом связывают с процессом его изменчивости, именно такой изменчивости, которую «ухватить» в постоянстве практически невозможно. Такое постоянство находят только в понятиях мысли, в некотором обобщенном представлении движения объективной реальности. Это — одно из основных положений философии Гегеля. Реальный мир, как писал Гегель — это не мир вещей, не чувственный мир, а мир понятий, мир обобщенного мысленного представления движения материи.

Подобный подход можно считать в принципе верным, поскольку и в самом деле человек воспринимает мир в понятиях, в обобщенном виде. Содержанием мышления выступает мир понятий, являющийся отражением реальных процессов (объективный мир находит отражение в сознании человека, как мир понятий, которым он и оперирует как своим реальным миром).

Тем не менее отрицание объективного существования мира на основе принципа его постоянной изменчивости ведет к неверному пониманию как мира понятий, так и

объективного мира. Если признать за единственную реальность лишь мир понятий, мир мыслительной деятельности, то неминуемо возникает вопрос о вечном мире, о мире повседневной реальности во всей его изменчивости. Даже признавая существование сознания как подлинное бытие, как единственную реальность, оно (сознание) тем не менее не может отказаться от своей противоположности — от материального объективного бытия. Признание реальности сознания лишней раз указывает на его противоположность и говорит о реальности как духовного, так и материального миров.

Однако осмысление взаимного существования двух миров оказалось довольно трудным делом. При реальном наличии и того и другого они оказываются в отношении противоречия друг к другу (в сознании субъектах). Более того, они к тому же имеют собственную противоречивую природу. Понятийное отражение объективного мира не есть простое понятийное фиксирование его изменчивости а различных понятийных образованиях. В противном случае, имея обобщенное представление о некоторой объективной реальности и воспроизводя ее постоянство в своих понятийных конструкциях, сознание не могло бы отразить саму изменчивость объективного мира.

Мы уже установили, что обобщенное (адекватное) отражение существующего мира в его многообразии, изменении и развитии представляет собой необходимое условие познавательной и практически преобразующей деятельности субъекта. Однако каков же на самом деле характер этой обобщающей действительности, какова ее сущность? Ее нельзя представлять в качестве простого сложения всех взаимосвязей, простой совокупности основных повторяющихся отношений.

К проблеме воссоздания обобщенного образа необходимо подходить как к цельному в самом себе и для самого себя образованию, являющегося необходимым посредствующим звеном между мышлением и объективной реальностью и в то же время выступающего сущностью и формой проявления самого мышления. Сущность такого образования можно обнаружить в полном адекватном отражении совокупных связей, принимающих форму взаимоотношений между рядом явлений и представляющих собой среду, поле деятельности субъекта и объекта. Подход описывает изучаемое явление как некоторое цельное образование, обладающее определенной относительной самостоятельностью, имеющее причину своего возникновения, основные законы функционирования, направление развития и т. д.

Посредством создания такого обобщенного представления человек осваивает объективный мир. Это представление есть в то же самое время и форма отражения в мышлении объективного мира, и форма построения отношений с ним; в нем должны быть отражены и причинно-следственные связи, основные законы функционирования изучаемых процессов, а следовательно и возможность на их основе создания научного прогноза в их развитии и т. д.; в дальнейшем будем называть такое обобщенное представление концепций или концептуальным представлением объективной реальности.

ОБЪЕКТ В СИСТЕМЕ СУБЪЕКТА

(Особенности взаимодействия субъекта и объекта)

Чтобы осмыслить сущность изучаемого процесса, субъект познания должен представить его в некоторой системе понятий. В сознании каждого человека знание о мире представляется в виде собственной содержательной системы понятий, имеющей свою структуру. Однако существующий вне человеческого сознания объект также имеет свою си-

нему взаимосвязи элементов. Понимание сущности объекта **предполагает**, что субъект должен выявить всю систему взаимосвязи его **элементов**; такое понимание возможно лишь в системе понятий самого субъекта. Поэтому следует различать систему связей элементов **объекта**, существующего независимо от сознания познающего субъекта, с одной стороны, а с другой — ту систему понятий, которая воспроизводится познающим субъектом. Когда мы говорим, что сознание отражает бытие и определяется им, то под этим понимаем не прямой перенос из объективной реальности в сознание всех процессов, а прежде всего основных законов развития объективного мира, по которым, развивается и сознание. Иначе не может быть, если учесть, что сознание есть часть этой объективной реальности и природы в целом. Сознание действует по тем же самым законам, что и вся природа. Поэтому его содержание выступает как отражение объективной реальности в ее системности. Однако взаимодействие этих двух систем может быть неадекватным: выработанная субъектом на основе собственных представлений система взаимосвязи элементов своего знания может не отражать существующие взаимосвязи между элементами системы предметов и явлений объективно существующего мира. Почему же это происходит?

Дело в том, что система связей объективного мира в сознании человека существует не сама по себе, а только в некоторой своей, присущей сознанию системе взаимосвязи. Но в зависимости от того, в какую систему связи в мышлении будет включено данное событие (явление, процесс и т. д.), таким оно и будет представляться как имеющее свое самостоятельное значение. Это означает, что субъективный способ понимания, трактовки данного явления, безусловно в какой-то мере отражающий объективную связь, имеет свое собственное происхождение, и в этом плане субъективно. Точно так же как в мире все взаимосвязано и любое явление находит свое **содержание** только в этой системе взаимосвязи, так и в сознании человека все находится во взаимосвязи, и любое явление объективного мира, попадая в сознание, человека приобретает содержание только в этой системе взаимосвязи. Другое дело, что это содержание может быть не верным. Но не менее интересным является и то, каким образом оно, это субъективное знание, становится верным, об этом мы будем говорить дальше.

Понимание, трактовка данного явления означает по сути дела, что данное явление включено в какую-то систему взглядов, и благодаря чему приобрело содержательное значение. Трактовка данного явления, его понимание есть включение данного явления в более широкую систему взглядов, в другую систему отношений или взаимосвязи мысленных явлений или иначе говоря в более широкую концепцию.

Например, если мы попали на необитаемый остров и вдруг увидели что-то движущееся на горизонте, то мы сразу же определяем его как одушевленное существо, т. е. включили в предельно широкую **концепцию** — одушевленное существо, важнейшей характеристикой которого является движение. Это трактовка данного явления, его понимание, основанное на некоторой общей системе взглядов, или концепции. Эта концепция по отношению к новому явлению выступает как идея, на основе которой и строится отношение с данным явлением. Идея является центральным звеном всего комплекса системы представлений и отражает основную связь, основной закон взаимосвязи некоторой совокупности явлений. И хотя само понятие идеи намного шире и глубже понятия концепции, тем не менее сущностью любой концепции как выработки некоторой общей идеи остается неизменной и здесь. Человек всегда в любой момент времени должен иметь некоторое концептуальное представление о характере и системе взаимосвязи некоторой совокупности явлений.

Представление идеи как основного закона, характера системы взаимосвязи, подчеркивает то положение, что любая система взаимосвязи имеет свою специфику, свой характер, несмотря на то, что образование этой системы взаимосвязи происходит по одним и тем же законам. Каждая система уникальна, уникальна в том смысле, что каждая из них имеет свой характер, свою специфику. Это определено в свою очередь тем, что каждая из них решает свою задачу и только ей подчиняет всю структуру своих элементов. Так же как субъект по отношению к объекту оказывается уникальным явлением имеющим свою собственную систему связи, так и объект имеет свою собственную уникальную систему взаимосвязи, выраженную понятием идеи.

Таким образом, концепция — это выражение сущности и характера взаимосвязи явлений. Но для того, чтобы выразить эту сущность в концепции необходимо ее выявить, понять, определить. Субъект должен определить сущность, чтобы выработать концепцию. Но если в понятии концепции включается понятие сущности, то в понятие сущности, концепция не включается. Последнее понятие шире и другое, чем понятие сущности, которая включает в себя не только понятие сущности, но и понятие системности, взаимосвязь и самое главное их движение. Сущность данной взаимосвязи явления можно определить только в процессе ее развития, в процессе ее самодвижения. Только в этом случае она проявляет себя и только таким образом себя выражает. Ибо если бы сущность не развивалась, не изменялась, нельзя было бы о ней ничего узнать, она не проявляла бы себя, ее просто не было бы.

Принцип всеобщности взаимосвязи является основным и в случае определения системы взаимосвязи совокупности явлений для определения и выработки концептуальных положений. Но вполне понятно, что только указав на всеобщность связи явлений мы не решим проблему характера взаимодействия. Каждый раз необходимо указывать свою специфическую для данного случая взаимосвязь, ту взаимосвязь, которая определяет сущность данного явления как некоторого системного образования.

Такой связью является причинно-следственная зависимость явлений, благодаря которой субъект может определить траекторию движения интересующего его явления.

ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ

(Причинно-следственный характер концептуального построения субъектно-объектных отношений)

Любое явление протяженно во времени: оно становится, развивается, имеет свое начало и свой конец (условно, конечно). Но любое явление будучи протяженным во времени соответствующим образом протяженно и в пространстве, т. е. имеет свое выражение в некотором пространственном континууме. Это означает, что данное явление находится не только сейчас и здесь, в это время и в этом месте, но оно находится и в прошлом, рядом со своим настоящим. Прошлое состояние явления всегда находится в настоящем. Иначе говоря, прошлое всегда представлено как накопленный опыт, выступающий как самостоятельный объект взаимодействия с любым другим объектом, находящегося вне сознания субъекта. Настоящее, таким образом, это процесс взаимодействия прошлого опыта как объекта и исследуемого явления. В качестве будущего выступает концепция поведения субъекта относительно взаимодействующего объекта. В явлении заложен момент его существования в

будущем как тенденция развития, идущей от прошлого через настоящее. Такая потенциальная возможность носит абсолютный характер, относительно только, форма ее проявления.

Таким образом, для того, чтобы понять явление, его сущность необходимо знать не только его настоящее, но и проследить его развитие в прошлом. Это дает возможность получения знания о предположительном его существовании в будущем, что выступает, пожалуй, самой важной составной целью познания. Всегда огромный интерес представляет потенциально возможное состояние явления, тенденция его развития. Но поскольку прошлого в объективном выражении нет, его можно воссоздать в сознании, как прошлое знание, как опыт. Именно поэтому становление концептуального представления всегда имеет пространственно-временную обусловленность, принимающую характер причинно-следственной зависимости.

В данном случае мы говорим не о причинной зависимости одного явления от другого, а об изменении одного и того же явления в пространственно-временном континууме при обязательном сохранении его целостности, сущности и т. д. Именно в этом случае мы можем говорить о **причинно-следственной** зависимости, когда некоторое прошлое, как прошлый опыт и знание определяют в процессе взаимодействия с объективной реальностью настоящий ход явления и благодаря этому вырабатывается концептуальное знание, определяющее тенденцию его существования в будущем.

Осознанное действие человека может осуществляться лишь выработанной в его сознании концепцией этого действия. Во многом она определяется и действием противостоящего ему объекта, как некоторой по отношению к нему объективной реальности. И чтобы действовать, человек должен познать действия последнего на основе своего прошлого знания, и тем самым выработать свою концепцию деятельности не только в настоящем, но и в будущем.

Сущность концептуального видения изменяющегося и развивающегося объекта во многом зависит от выявления его причинно-следственных связей, т. е. представления его в такой целостности и **системности**, которая отражала бы причинно-следственные связи его появления, развития и перехода в другое состояние.

Процесс создания концепции имеет целый ряд особенностей, определяющих ее характер, сущность, принципы функционирования и т. д. Основными такими особенностями выступают ее целостность, самостоятельность, определенный элемент консерватизма.

ГИПОТЕТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ МИРА

(Особенности построения концептуального знания)

Концептуальное знание имеет свои особенности. Прежде всего **надо указать** на определенность знания. Поскольку любой объект имеет определенную сущность, постольку и концептуальное знание свое определенное выражение воссоздаваемой сущности. Знание об определенном объекте позволяет представить его как определенное знание. В силу определенности концептуального знания оно **приобретает** и характер целостности, и законченности. Вследствие дискретности объективного мира каждый представлен как самостоятельное, цельное образование, имеющее свою относительную законченность. Естественно и знание о нем приобретает характер относительно целостного знания, т. е. знания как законченного и завершенного. Целостность концепции означает представление об

объекте как единичном и самостоятельном. Включая в себя все необходимые составляющие компоненты, концепция неминуемо приобретает характер целостности.

Соответственно определенность и целостность концептуального знания предполагает его полноту и завершенность. Возможно это звучит парадоксально, поскольку мы привыкли к тому, что наше знание всегда является неполным и незавершенным. В свою очередь противоположное утверждение приводит к мысли о законченности знания (и вообще о прекращении развития и т.д.). На самом деле, здесь нет речи о таком общем знании, которое может рассматриваться в качестве завершенного. Такого знания не может быть, как не может быть и знания вообще. Речь идет о конкретном знании, которое определено и в силу этого всегда конечно, т. е. имеющее свое начало, завершенность и полноту. Конкретное знание может быть полным и завершенным знанием только для субъекта познания и только в определенном пространственно-временном **консилиуме**. Это вытекает из того, что знание, как свершившийся факт имеется или не имеется, оно или есть или его нет.

Здесь необходимо различать два понятия, а именно знание как свершившийся факт и качество знания. Если первое из них свидетельствует о наличии знания или его отсутствии, то второе указывает на его полноту, истинность и т. д. В имеющейся социально-философской литературе эти два понятия часто смешиваются, и когда говорят о неполном и неточном знании, то под этим понимают отсутствие знания. На самом же деле, если мы что-то знаем об объекте, то это уже знание об объекте, со всеми присущими понятию знания атрибутами. Другое дело, что может быть неполное знание. Но знание может быть верным, полным, частичным и т. д. лишь в сравнении с другим знанием прошлым, будущим или с каким-то другим, т. е. параллельным знанием. В свою очередь, будучи тождественным самому себе, оно для самого себя, в отношении к самому себе может быть только полным и только завершенным знанием, факт наличия концептуального знания говорит о том, что мы уже имеем знание, и знание полное и завершенное. В этом плане принцип полноты и завершенности знания для самого себя является абсолютным.

В силу дискретности объективного мира и познания, **незавершенного** знания не может быть. Незавершенным может быть процесс **познания** для какого-то промежутка времени и только в некоторой большей для данной цепочки системе знания. Но всякое знание в более общей системе знания всегда представляет собой концептуальное знание, а соответственно может считаться цельным, полным и завершенным.

Важнейшим моментом понимания конкретного знания выступает то, что оно всегда имеет статус прошлого знания и любое концептуальное знание выступает как прошлое знание. Это вытекает из пространственно-временных принципов существования явления. В силу изменчивости мира любое явление в его субъективном выражении выступает как прошлое явление. Речь идет не о том, что оно не существует в данном месте и в настоящее время, а в смысле его отражения в некоторой системе знаний. В силу этого любое наше знание, как концептуальное знание, с первого момента своего появления сразу же приобретает характер прошлого знания. С момента возникновения, оно сразу же уходит в прошлое. В этом смысле надо отличать прошлое знание от устаревшего, отжившего свой век и отброшенного человеческой историей.

Другими словами: знания не уходят в прошлое, они остаются неизменными в силу своей целостности и завершенности; вперед уходит объективная реальность, которая обновляется постоянно в каждый сколь угодно малый отрезок времени. Поскольку концептуальное знание является целостным, законченным и полным знанием для самого себя,

постольку с момента своего образования оно становится **статичным**, неразвивающимся знанием и в силу этого приобретает статус прошлого знания.

Однако, было бы неправильно представлять концептуальное знание как такое прошлое знание, которое не может иметь силы для будущего.

Исходя из системности **концептуального** знания, определяющего в **себе** некоторые общие закономерности развития объекта, и исходя из **причинно-следственных** зависимостей, субъект имеет возможность **распространять** свое знание и на некоторое будущее, т. е. определять **в некоторый** период будущего возможные тенденции движения **объекта**. Изменение явления определяется законами развития более **общей** отношению к ним системы. Знание этих законов позволяет **прогнозировать** их изменение до **тех** пор, пока не изменится сама **система**, а с ней и ее законы. Но в силу относительно стабильного **существования** она приобретает статус сравнительно постоянного **воздействия на свои** элементы.

Поэтому концептуальное знание, выработанное субъектом познания о некотором объекте, выступает обобщенным знанием его законов. На основании знания этих законов можно прогнозировать движение каждого элемента системы, но для прогнозирования развития самой системы необходимо знать законы движения более общей для нее системы и т. д. Поэтому по отношению к каждому отдельному объекту (явлению, процессу и т. д.) концептуальное знание субъекта познания всегда выступает прошлым знанием, но по отношению к элементам этой системы Оно остается до определенного момента как знание их возможного поведения. Именно это соотношение системного объекта (если можно так выразиться) и его элементов дает возможность говорить о действенном знании, имеющем значение не только для прошлого и настоящего, но и для будущего.

Хотя концептуальное знание по своей природе является прошлым и в силу этого консервативным, оно имеет значение как актуальное знание до того времени, пока объективная реальность не изменится настолько, что знание будет определяться не как прошлое, а как устаревшее. Система должна измениться настолько, чтобы **ее** законы, по которым она существовала и которые были заключены в концептуальном знании, перестали работать.

Соотношение системы, как самостоятельного явления, и ее элементов, также как самостоятельных явлений, обуславливает и соотношение систем концептуальных знаний. В качестве единичного явления концептуального знания **нет**, оно существует лишь в **некоторой** системе концептуальных знаний и лишь в своей иерархии. Из данного обстоятельства вытекает по меньшей мере два важнейших положения. Во-первых, оно связано со степенью изменчивости концептуального знания (т. е. чем меньше уровень общности концептуального знания, тем быстрее она меняется и наоборот; чем выше уровень общности, тем медленнее меняется эта концепция). Подкрепим данное положение простейшим примером. Так, при ходьбе мы постоянно меняем нашу концепцию «идти по дороге», поскольку объективная реальность (отдельные участки) постоянно меняются. Более того, изменение нашей «концепции ходьбы» зависит непосредственно от состояния дороги. Но общая концепция «ходьбы по дороге» остается постоянной довольно длительное время, пока не изменится сама дорога.

Во-вторых, любое явление, которое попадает в поле действия субъекта, рассматривается им, осмысливается и приобретает содержательное значение только в каком-то концептуальном знании, представляющем собой определенную иерархию. Это означает, что любое новое явление сначала приобретает содержательное значение только в наиболее общей концепции, а затем по мере потребности, уточнения его характера и содержания,

уровень общности концептуального знания снижается. К примеру, сначала некоторое живое существо, о котором мы уже говорили, рассматривается, преломляется через призму -живое или неживое, затем - разумное или неразумное, опасное для наблюдателя или неопасное и т.д.

Подводя некоторый итог, мы должны отметить, что любая концепция имеет преходящий характер своего существования, самостоятельность и независимость, будучи всегда частью другой, более общей концепции, т.е. существуя в некоторой иерархической системе концепций, она в то же время сохраняет свою целостность, определенность, конкретность.

ГИПОТЕТИЧЕСКАЯ ФОРМА ПОСТРОЕНИЯ МИРА

(Концептуальное знание как форма отражения объективного мира и форма построения отношения с ним)

Концептуальное знание в одно и то же время служит и формой отражения объективного мира, и формой построения отношения с ним. Вполне правомерно отметить первичность отражения и вторичность процесса построения отношений с объективным миром, ибо только сумев определенным образом отразить, воспринять объективный мир, субъект может затем построить соответствующим образом свои отношения с ним.

Однако, это непрерывный процесс познания, освоение, понимание, отражение объективного мира в сознании человека может быть осуществлено лишь на основе прошлого опыта, определенного концептуального знания. Все это по существу не дает оснований говорить о первичности одного и вторичности другого, и такое деление возможно, как условный прием в процессе познания.

И тем не менее, все же начнем именно с отражения субъектом объективного мира, в частном выражении объекта. Концептуальное знание - та единственно возможная и единственно существующая форма отражения субъектом в своем сознании объективного мира. Это позволяет отразить его таким, каким он является на самом деле, воспринять мир быстро текущим и изменчивым, разнообразным в своем выражении, установить всевозможные связи, законы функционирования и развития и т.д. В результате можно построить некоторую новую систему взглядов, или концептуальное знание.

Затем силой своего разума на основе прошлого концептуального знания субъект познания создает некоторое общее представление изучаемого процесса - причем независимо от того, что перед ним: весь ли мир в целом или лишь его бесконечно малая часть в виде какого-либо явления, такое представление должно быть целостным, всесторонним, с выявлением основных причин возникновения данного явления, его развития и т.д. Иначе говоря, в обязательном порядке осуществляется субъективное концептуальное отражение объективного мира или какой-то его части.

Аналогичным образом строятся и отношения субъекта с объектом. Выработанное на основе познания законов концептуальное знание, представление об исследуемом объекте (или мире в целом) выступает одновременно и системой построения отношений с данным объектом. Построить отношения с объективным миром - это прежде всего определить стратегию и тактику действий, целенаправленной и целесообразной деятельности по отношению к объекту (и миру в целом).

Следует различать процессы отражения субъектом объективного мира (или его объектов) от построения отношений с ним (с ними). Мир воспринимается им как непосредственная, объективно существующая данность, которая не дает готовую концептуальную истину. Субъект познания должен самостоятельно выработать свое концептуальное отношение с ним и, строя его, он как бы навязывает природе свое видение, свое понимание системы объективных связей; и в таком случае он действует уже как бы по своим законам, придавая им статус объективного звучания. Другое дело, что эти взгляды могут быть не верными, наше концептуальное знание может не отражать или не полностью отражать объективное содержание явления. И при построении концепции человек в принципе никогда не может быть уверенным в их соответствии объективной реальности.

Различие между процессами отражения субъектом объекта и построения отношений с ним заключается в том, что если в первом случае объективная реальность служит полем его деятельности и определяет его мыслительный, познавательный процесс, то во втором случае (в момент или в процессе построения отношений с объективным миром) субъект познания руководствуется своим именно субъективным представлением и пониманием природы объективных связей, т.е. своими концептуальными построениями, которые могут иметь элементы субъективного содержания. Момент этот очень существенный: несмотря на то, что человек строит свои концепции на основе движения объективной реальности, ее связей (и на основе своего прошлого знания), действует он лишь на основе своего концептуального представления, и это его представление содержит большую или меньшую степень отражения объективной реальности. Если его действия будут соответствовать объективному ходу событий, движению объекта, то его представление, получившее воплощение в концептуальном знании, оказывается верным; если они не будут соответствовать или даже противоречить — то ложным. И ему все придется начинать с начала. В свою очередь, несоответствие действий, отношений с движением объективной реальности может быть вызвано различными причинами. Конечно, ошибки в прошлом знании, извращенная практика и другие обстоятельства, могут в результате определить создание неверного концептуального знания.

Необходимо отметить также, что в создании концептуального представления участвуют и прошлое знание и знание об изменении объективной реальности и др., и концепция выступает как бы результирующей этого взаимодействия. Происходит постоянное обновление концептуального представления в соответствии с суммой обстоятельств, участвующих в этом процессе, в результате чего вырабатывается новая концепция взаимоотношений субъекта и объекта, образуется как бы новая концептуальная объективная реальность.

Важно подчеркнуть принципиальное положение, что в силу целого ряда причин и результат отражения, и результат построения отношений с объективной реальностью могут быть неверными или не совсем верными, точными, адекватными и т. д., т. е. на них накладывает свой отпечаток субъект познания и их результат всегда должен рассматриваться как субъективный процесс. Будучи умозрительным, чисто мысленным, построением, цельным и законченным, такое концептуальное представление может быть только возможно истинным, гипотетическим, или, точнее говоря, концептуально-гипотетическим знанием.

ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕК ЗНАЕТ, ЧТО ОН ЗНАЕТ

(Двойственная природа концептуального знания)

Неистинность нашего знания часто связывалась с процессом искаженного отражения сознанием человека объективной реальности, в частности, неверными ощущениями, неполнотой информации и пр. В целом доказывалась мысль, что при определенных обстоятельствах, например, при точно интерпретированных ощущениях, полноте информации, наличии совершенного инструмента исследования и др. наше знание может быть верным; да и практика показывает, что это бывает именно так. И тем не менее, природа заблуждений, ошибочных мыслительных построений носит более сложный характер. Прежде всего необходимо подчеркнуть мысль о том, что неверные построения, логические схемы и прочие, в хорошем смысле, умозрительные выкладки выступают необходимой, присущей субъекту формой познания. Наши концепции изначально не могут быть полностью истинными, в силу своей объективной природы.

Почему так происходит? Почему наше знание сразу же не может быть и абсолютно, и изначально истинным? Почему оно приобретает форму потенциально неверного знания? Основная причина заключается в том, что таковым оно становится в силу характера формирования, как концептуального знания. Парадокс заключается в том, что именно то, что составляет силу человеческого разума, а именно концептуальные представления об объективной реальности, одновременно они оказываются и самым слабым его местом, ахиллесовой пятой. Природа концептуального знания всегда действительна; с момента своего возникновения оно сразу же становится абсолютно истинным, но только для самого себя, для своего создателя. Ибо не будучи истинным, оно не приобрело бы актуализированного вида; его просто не существовало бы.

Но в то же время для всего остального мира (даже при условии, что ему о нем известно) оно остается как возможно истинное или как возможно не истинное знание. В этом своем виде оно сразу приобретает форму концептуально-гипотетического, возможно истинного знания. Гипотеза — это такое теоретическое построение, которое имеет истинное значение лишь для самого автора теории; для других людей оно всегда остается возможно истинным знанием до тех пор, пока не будет проверено практикой, ходом объективной реальности, движением объекта.

Таковой ее делает сама природа концептуального образования знания. Мы уже останавливались на том, что концептуальное знание характеризуют системность описания объекта, восприятие его в обобщенном виде, выработка на основе изучения причинно-следственных связей такого представления об объекте, которое могло бы описать и прошлое, и будущее его движение и т. д. При этом концепция выступает как целостное образование, имеющее полное и завершенное само для себя содержание и основанное на прошлом знании и опыте; в силу этого концепция имеет определенную относительную независимость и консерватизм своего развития; по сути дела, речь идет о таком образовании, которое в определенный момент оказывается неизменным, застывшим, неразвивающимся.

В отличие от субъективного процесса концептуальных построений, объективная реальность по отношению к каждому отдельному субъекту имеет совсем другой характер. Объективная реальность выступает по отношению к человеку и к каждому явлению (части той же самой объективной реальности) как постоянно изменчивая, текучая, развивающаяся, которая в каждый момент является другой, отличной от прежней. Такое состояние объективной реальности обуславливается тем, что она выступает всегда как совокупность действий различных явлений (субъектов и объектов в их взаимодействии). Но поскольку эти

действия возникают постоянно и возникают не одновременно, некоторые уходят в прошлое, отмирают, а на их место появляются новые и т. д., все это создает постоянное состояние изменчивости объективной реальности, ее постоянной текучести, движения, развития без перерывов и дискретных скачков. Правда это касается только отношения элементов объективной реальности как системы. Для самой себя объективная реальность, если принять ее как некоторое цельное и неразделенное образование, как субъект или объект развития, по отношению к некоторой большей сущности будет иметь все необходимые атрибуты концептуального построения.

Так, например, если мы возьмем человеческое общество, то по отношению к каждому конкретному индивиду, все остальные люди вместе взятые будут выступать как объективная реальность: она, эта объективная реальность, находит свое выражение в образовании поля деятельности каждого индивида, обусловленного формой концептуального знания. Поскольку действия каждого индивида постоянно возникают и пропадают, объективная реальность (как совокупность этих действий) становится постоянно изменчивой, текучей и имеющей определенную направленность своего движения, в то время как концептуальное построение индивида по отношению к объективной реальности остается неизменным.

С момента образования в силу изменения объективной реальности концептуальное знание начинает устаревать. Именно потому, что концепция построена на основе прошлого знания, у субъекта не может быть уверенности в том, что оно адекватно и всесторонне отражает объективную реальность. Наше умозрительное построение, сколь логически убедительным оно ни казалось, в любом случае остается гипотетическим, умозрительным построением, и потому всегда несет в себе элемент неопределенности, неуверенности, недостаточности, неистинности. Любое наше умозрительное построение, любое наше концептуальное знание, как бы тщательно и убедительно оно не было разработано и обосновано, всегда остается под знаком сомнения, как крест, который он, человек, навечно несет на себе, как тот домоклов меч, который может в любую минуту опуститься и безжалостно разрушить все то, что было им с такой любовью выстрадано и выстроено.

Несомненно, любое концептуальное построение имеет и определенный момент истинности, поскольку с момента своего возникновения оно опирается на истинное знание каждого человека и всего человечества (в той его части, которое способен освоить человек). И только благодаря этому оно приобретает статус возможного, истинного знания. Но это истинное содержание является истинным только по отношению к прошлому состоянию объективной реальности. И в этом оно содержит в себе возможно не истинное знание. Но поскольку прошлое всегда находит место в будущем знании, то и наше выработанное на прошлом опыте новое концептуальное знание содержит в себе большую или меньшую долю объективной реальности. Исходя из этого мы можем действовать и оперировать этим концептуальным знанием как истинным знанием и довольно часто так и поступает человек.

Таким образом, концептуальное знание одновременно является и истинным, и неистинным, одновременно оно содержит в себе и определенность, и гипотетическое знание и т. д. и является в зависимости от точки рассмотрения и тем и другим. И это не множественность его природы, это множественность его проявления, вернее множественность отношения человека к объективной реальности, множественность проявления объективной реальности и ее отражения в сознании человека и его отношений к объективному миру.

Заблуждение, ошибки всегда присущи концептуальному знанию; при создании новых концепций на основе простого выводного знания, они нарастают до тех пор, пока человек не отвергнет их на основе практики.

Концептуальное знание остается гипотетическим до тех пор, пока оно не будет **проверено** практикой, не подтвердится ходом объективной реальности и не получит бессрочного права на существование и абсолютное признание как истинное концептуальное знание.

Остановившись на понимании истины, отметим, что ныне оно остается довольно сложным и вместе с тем недостаточно разработанным. Попытаемся определиться с ней в рамках контекста нашего исследования. Истины в абсолютном понимании в объективном мире нет, она существует только как момент отношения субъекта к объекту, и в данном исследовании дается именно такая ее интерпретация, когда речь идет о возможно истинной концепции: субъект должен выработать такое концептуальное представление, чтобы оно полностью совпадало бы с самим движением объекта.

Однако концептуальное знание, как наиболее общее по своей природе, должно не только описывать данную объективную реальность, но и предвидеть ее изменения в ближайшем будущем. И если движение объекта представить некоторой траекторией, то субъект должен знать ее местоположение в любой момент движения по ней. Собственно в этом и заключается сущность концептуального познания. Поэтому истинность концепции (и самого понятия истины) заключается не столько в определении реальности представления о движении объекта с реальным его движением, сколько в точном, расчетном представлении субъекта о возможной траектории его движения в соответствии с реальным движением объекта и с его предполагаемым местонахождением в некотором будущем. Концепция, описывающая, хотя бы и верно только сиюминутную данность, равным счетом ничего не стоит, иначе ему приходилось бы каждый раз в каждое сколь угодно малое время вновь проделывать одну и ту же работу по определению этого положения объекта, чего-то стоит оно только в том случае, когда может предсказывать это движение, и возможен контакт, диалог, выработка нового знания.

ГРАНИЦЫ ВОЗМОЖНОГО

(Четыре этапа проверки концептуально-гипотетического знания)

Нет необходимости доказывать, что истинность всякого знания должна проверяться. Представляется, что проверка концептуально-гипотетического знания должна включать в себя по меньшей мере четыре этапа. Первый — это проверка на основе прошлого знания, имеющегося у человека, и выработанного им на основе его прошлой деятельности. По сути дела этот этап заканчивается уже в процессе выработки концептуального знания. Опираясь на прошлое знание, включающее в обязательном порядке и аксиоматическое, субъект познания вырабатывает новую концепцию, фактически этот этап есть процесс, который сводится к критическому переосмыслению, творческой переработке всего имеющегося прошлого знания в его сознании.

На этом этапе фактически осуществляется переработка прошлого знания в виде диалога мыслителя с самим собой. При решении какой-либо задачи он всегда беседует с самим собой, у него в голове существуют как бы два собеседника, ведущих диалог, спорящих, доказывающих друг другу и т. д. Первое «Я» — это настоящее, актуальное его бытие, второе «Я» — его прошлое знание. Первое «Я» задает вопрос второму «Я», которое критически анализируя прошлое знание, соглашается с ним или возражает ему. Вместе они вырабатывают некоторое общее утверждение, имеющее позитивное значение и приобретающее в их

представлении аксиоматический вид. Если концепция не приобретает для первого и второго «Я» аксиоматическую форму, она не существует как самостоятельная концепция, ее просто не может быть.

Процесс выработки концептуального знания есть постоянный процесс, состоящий из многих этапов выработки частных концепций.

Формируется цепочка частных умозаключений, состоящая из вопросов (и ответов) и операций с ответами в виде суждений, в виде **утвердительно**го положительного знания. И только **перебрав всю** (или почти всю) цепочку умозаключений, можно **выйти** на решение программного вопроса, выступающего основой нового концептуального знания. Но каждый раз принцип разработки концепции, частной или общей остается неизменной.

Также понятно, что будучи истинным для одного человека концептуальное знание может не быть таковым для другого, для которого оно всегда остается не более как **концептуально-гипотетическим**. Первый из них сколь угодно может быть **уверенным** в том, что выработанное им концептуальное знание — истинно, однако до тех пор, пока оно не будет проверено другим человеком оно остается **возможно истинным** знанием.

Поэтому на втором этапе проверки **концептуально-гипотетического** знания в **обязательном** порядке **выступает** исследуемый объект, существующий вне человеческого знания и в виде какого-либо конкретного явления, к примеру, им может быть **другой** человек. После того, как мыслитель выработал свое концептуальное представление об исследуемом объекте (и не раз сам с собой проверял его, убедившись, что оно верно), он доводит его до сведения другого человека — собеседника-оппонента: излагает его (представление), показывает источники, поясняет информацию, логику рассуждений, аксиоматические данные и т. д. Тем самым он предлагает подтвердить его или не подтвердить (но не опровергнуть). Изучив новое представление, оппонент высказывает свое мнение: и если оно соответствует предложенной концепции, то, следовательно, она прошла проверку на данном этапе (и наоборот). В случае одобрения концептуальное представление принимает форму объективно-истинного знания уже для двоих.

На втором этапе, однако, не доказывается полностью его истинность. Вполне допустимо, что и мнение другого человека может быть неверным. После этого вопрос об истинности этого представления все же остается открытым. Поэтому далее должна последовать проверка на более широкой социальной общности. В социологическом исследовании это происходит при опросе большой и строго определенной группы **респондентов**.

Третий этап - это проверка концептуального представления на общечеловеческом уровне. Как уже отмечалось, для каждого человека общество выступает независимой от него объективной реальностью, а его изменения находят свое **отражение** в совокупности общественных связей и законах, понятиях и концепциях и т.д. В свою очередь общечеловеческое знание имеет большую степень общности по отношению к концептуальному представлению познающего субъекта или любого отдельного человека. Соответственно, знание последнего представляет собой часть общественного знания, и таковым оно считается, пока не противоречит основным **представлениям** о законах развития общественного знания. **Обращение к прошлому** опыту человечества, **адекватная** оценка его с **позиций** современного знания и **соответствие** прогрессивному развитию общества - вот, собственно, путь проверки концептуальных представлений субъекта по знания на общечеловеческом концептуальном знании.

И все же в результате трех этапов проверки оно остается концептуально-гипотетическим знанием. Общественное сознание выступает более общим по отношению к различным своим проявлениям к каждому индивиду или группе людей, но по отношению к общественному бытию оно является субъективным образом объективного мира. Общественное концептуальное знание изначально обладает своей собственной истиной как основой формирования общественного сознания.

Но высшим абсолютным критерием истинности нашего знания служит материя, природа, общественное бытие в их движении, изменении, развитии. Следовательно, лишь на четвертом, заключительном этапе может быть окончательно решен вопрос о подлинной природе концептуально-гипотетического знания. И лишь тогда, когда концептуальное представление познающего субъекта соотносится с объективной реальностью, находящейся вне человеческого сознания и не зависящей от него, соответствует ей, можно сказать с полной уверенностью, что оно оказывается объективно-истинным знанием. Это - последняя инстанция в оценке знания, приговор, не подлежащий обжалованию.

"Научная гносеология, - пишет В.А. Лекторский, - как и любая научная дисциплина, строит определенную идеализированную модель изучаемого процесса, а затем постепенно уточняет ее и конкретизирует эту модель, сопоставляя ее с эмпирией познания. Теория познания -это, таким образом, не продукт непосредственного схватывания, некоторых субъективных очевидностей"⁴¹. Этапы проверки концептуального знания (или идеализированной модели) представляют собой постоянный процесс уточнения, конкретизации и постоянного сопоставления изменяющейся во времени и пространстве эмпирией.

Наше сознание, как расшалившийся ребенок, не знает и не представляет ни границ дозволенного и возможного, ни последствий своих действий. И только природа, как заботливая и любящая мать огораживает нас от возможных опасностей своими любовными шлепками, правда не всегда приятными, останавливает не в меру разыгравшийся разум, направляет его на путь истинный, показывает ему дозволенные границы своего поведения и показывает возможные последствия. За это человечество и должно быть ей бесконечно благодарно.

ДВЕ ФОРМЫ ОДНОГО ПРОЦЕССА

(Концептуально-гипотетическое и концептуально-истинное знание)

Как мы уже говорили, вся система деятельности субъекта по отношению к объекту это система познания объекта. Естественно, мышление, анализируя самое себя, имеет свою структуру, элементы, этапы и формы познания. Так мы говорим о неверном, неполном гипотетическом, эмпирическом, теоретическом и т.д. знании.

Все эти формы познания можно каким-то образом **взаимувязать** и **взаимоподчинить**, исходя из какого-то единого основания. Таким единым основанием мы выделяем принцип движения мышления к соответствию адекватному представлению субъекта реальному движению объекта. Мысль движется по пути от частичного, неполного знания к полному и точному.

⁴¹ Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. - М., Наука, 1980, с. 297.

Исходя из концептуальной формы существования знания, мы заключаем, что если оно возникло как концептуальное, оно сразу же приобретает статус верного, истинного, но истинного только для субъекта. Для всего остального мира оно является возможно истинным или концептуально-гипотетическим знанием. Таковым оно является только потому, что основано на своем прошлом знании, прошлых концептуальных построениях. Оно в принципе несет в себе возможность быть неверным, не истинным знанием. Об этом подробно мы говорили ранее.

Это необходимый этап существования концептуального знания, и первая форма объективированного выражения знания, т. е. форма возможно истинного, гипотетического знания. Оно является полным потому, что выступает всегда как концептуальное знание и в этом смысле для самого себя всегда есть истинное. Но в силу того, что оно всегда знание субъекта и основано на прошлом опыте, оно сразу же приобретает статус гипотетического знания. Единым стержнем является принцип **концептуальности** знания.

Приняв форму возможно истинного знания, оно с необходимостью, как уже говорилось, ставит себя в положение проверочного знания. Но это возможно истинное знание диктует и его положение по отношению к другому, а именно, к положительному, истинному знанию.

Вполне понятно, что истинного, положительного знания без гипотетического не существует. Оно может быть таковым только в том случае, если гипотетическое знание превращается в результате проверки в истинное. Однако, если первое может быть без второго, т. е. существование концептуально-гипотетического знания возможно без положительного, то концептуально-положительное знание, не может быть без возможно истинного или концептуально-гипотетического. Мысль в общем-то тривиальная, если бы не одно но, а именно, нередко гипотетическое знание подменяется положительным знанием без проверки. Такое нередко случается в силлогистических рассуждениях, когда посылки берутся как аксиоматические, но по существу таковыми не являющиеся. Классический силлогизм оперирует только положительным знанием, оставляя в стороне проблему, каким образом образуются аксиоматические знания.

Рассуждения о двух этапах и формах существования знания необходимы для того, чтобы показать, что аксиоматическое знание возникает только в результате проверки гипотетического знания в режиме диалога в системе вопроса и ответа (о чем подробнее будем говорить далее) и только после этого могут быть с полным основанием использованы в рассуждениях. По существу на практике именно так и происходит, т. е. если мы берем посылку, то уже предполагаем, что она **истинная**, хотя бы на уровне здравого смысла. Концептуальное знание можно представить таким образом.

I форма	II форма
концептуально-гипотетическое знание	концептуально-истинное знание
концептуальное знание	

Мы выделили важнейшую цепочку взаимосвязи двух форм и этапов познания, т. е. вероятностное знание — проверка — истинное знание. Но и концептуально-гипотетическое знание может образоваться только на основе проверенного истинного знания. Так силлогистический вывод основан на истинных посылках, на истинном знании, но сам по себе вывод носит концептуально-гипотетический характер и истинным он станет только в процессе

его проверки. Но как только он станет истинным, или хотя бы его примут как истинный, то он сразу же станет аксиоматической посылкой для нового вывода.

Эти формы и этапы познания нельзя не проигнорировать, ни ликвидировать, им можно только следовать и чем четче и осознаннее мы будем следовать этой цепочке взаимосвязи двух форм и этапов познания, тем ближе будем к успеху, тем ближе будем к достижению истины и соответственно решению своих задач и сверхзадач.

Как уже говорилось, резкой границы между этими двумя формами и этапами познания нет. Именно потому, что концептуально-гипотетическое знание содержит в себе большую или меньшую долю положительного, истинного знания, оно всегда имеет возможность перейти в полное положительное истинное знание или по крайней мере получить статус полного, проверенного истинного знания. Но также в силу того, что положительное концептуальное знание всегда содержит в себе и долю неистинного знания, оно всегда сохраняет возможность другому концептуальному выводу оставаться как гипотетическим, или возможно истинным знанием.

Но это не какая-то переходная область знания. Необходимо еще раз подчеркнуть, что это один и тот же процесс познания, но меняющий свою форму. И в этом процессе заложено и истинное и возможно истинное знание. И именно поэтому, оно и имеет возможность такого превращения и взаимоперехода. Но опосредует этот взаимопереход только практика, только проверка ходом развития объективной реальности.

«Как это часто бывает в науке можно считать, что мы наполовину победили, если начали правильно формулировать вопросы».
Дж. А. Миллер

Глава IV. ЧТО ТАКОЕ ВОПРОС?

Этот вопрос задавался едва ли не в каждой работе по [эротетической](#) логике. Ответить на него по сути дела означает понять природу вопроса как новой формы мышления. Но самое трудное оказывается не поиск ответа, а постановка вопроса о вопросе. И прежде всего в каком аспекте субъектно-объектных отношений может быть рассмотрен вопрос, и не получится ли так, что одно явление будет заменено другим. Не случится ли так, что субъектно-объектная проблематика подменит собственно вопросную проблематику. А такая опасность в принципе имеется. В данной работе мы стараемся их разделить. Для нас является важным определить содержание вопроса не в конкретном выражении, это совсем другая проблематика, а как форма выражения концептуального знания, со всеми вытекающими отсюда требованиями к исследованию данного явления.

ЗНАНИЕ В ФОРМЕ ВОПРОСА

(Вопрос как форма выражения концептуально-гипотетического знания)

Для того, чтобы понять природу вопроса, нам пришлось так много внимания уделить субъектно-объектным отношениям. На наш взгляд, этот путь является единственно правильным. Вопросно-ответные отношения основаны на общих принципах межличностных отношений как важнейшей предпосылки специальной организации форм познания. И в этом плане вопрос и ответ и в целом вопросно-ответные отношения оказываются одной из важнейших форм социальной деятельности человека. Однако в научной литературе вопрос, хотя и признавался как особая форма мышления, рассматривался только как логическая проблема, о чем мы уже говорили, что не позволило выйти на ее широкое философское обобщение. Замкнутость данной проблемы на формально-логических аспектах и прагматическом подходе, поставило проблему в тупик. Более того, вопрос даже не пытались рассмотреть в широком контексте социального бытия. Проблему вопроса, как уже говорилось,

по сути дела сводили к логической структуре, и в основном в рамках дедуктивной системы, хотя уже давно было понятно, что практически это оказывается невозможным, более того нередко выражало желание некоторых авторов, уйти от решения проблемы. Мы уже говорили о **субъектно-объектных** отношениях как концептуально-гипотетических, пытались доказать, что концептуально-гипотетическое отражение объективного мира и построение отношения с ним, проверка истинности концептуально-гипотетического построения субъекта и т. д. выражает сущность и природу вопроса, ответа и вопросно-ответных отношений. К такому выводу приводит логика **субъектно-объектных** отношений. Все социальное бытие есть результат отношений людей, а в атомарном выражении отношения между двумя индивидуумами. Для реализации себя как субъекта, как единичной системы бытия, он должен в обязательном порядке вступать в отношения с объектом или другим человеком. Но вступить во взаимодействие с объектом, это означает отразить его сначала частично, а потом в целом в системе своего прошлого концептуального знания. Другого нет, ибо только таким путем любой объект, попавший в поле зрения, или правильнее будет сказать, в поле деятельности субъекта, приобретает в сознании человека свое содержательное значение. Так, например, если я попаду нечаянно или специально, лучше последнее, на какую-то космическую планету, и выйдя из корабля, замечу на горизонте или у себя под ногами что-то движущееся, то я сразу же отнесу это что-то движущееся к живому виду, ибо моя прошлая концепция, мое прошлое системное знание услужливо подсказывает, что все, что движется есть одушевленное существо. Попавший объект в мое поле зрения (или вернее действия) только с одним единственным признаком, что он движется, получил свое содержательное значение в концептуальной системе «живое — не живое».

Но как только я отнесся к некоторому объекту, который движется, как живому, то, исходя из этого, я буду строить и свои отношения с ним. Иначе говоря, человек не только концептуально отражает объективный мир, объект, но и строит свои отношения с ним только концептуально, исходя из определенного представления о данном объекте. Все поступки, движения субъекта будут исходить и подчиняться только выработанной концепции представления о данном объекте, если, конечно, субъект пожелает или будет вынужден иметь с ним дело.

Таков первый этап установления отношений. Дальше начинают протекать довольно интересные процессы. Вполне понятно, и мы сталкиваемся с этим постоянно, что человек может неверно понять объект, неправильно отразить концептуально его сущность, прошлое знание субъекта может оказаться недостаточным для описания нового объекта и т. д. Движущийся объект на другой планете, принятый за живое существо на самом деле может быть неживым движущимся существом, или того хуже и то, и другое. Кстати говоря, совсем недавно ученые попали в точно такое же положение, когда пытались установить границы между растительным и животным миром. Неожиданно были обнаружены существа, которые сразу, исходя из старой концепции сущности растительного и животного мира, невозможно было отнести ни к тем, ни к другим (или вернее их можно было отнести и к тем и к другим). Здесь уже потребовалась новая концепция, которая, как кажется, и до сегодняшнего дня не выработана, во всяком случае достаточно удовлетворительная для отражения сущности нового объекта.

Но поскольку человек в обязательном порядке сначала пытается представить в старом концептуальном знании новый объект, то это знание принимает форму как возможно истинного или концептуально-гипотетического знания. Мое представление об объекте может быть не верным только потому, что оно основано на прошлом знании. И таковым остается до

тех пор, пока его не подтвердит или опровергнет практика, а в конкретном выражении объект, который в своем движении проявляет все новые и новые признаки и каждый из которых находит свое концептуальное выражение в сознании субъекта. При полном наборе основных признаков данный объект ложится в известную концепцию или же вырабатывается новая.

Если субъект правильно понял объект, правильно концептуально его отразил в своем сознании, тогда его представления о движении объекта совпадают с движениями объекта. Если субъект неправильно отразил в своем сознании сущность объекта, то движения последнего будут расходиться с представлениями субъекта. В свою очередь это означает, что субъект не может действовать по отношению к объекту. Не поняв сущность, характер движения объекта, субъект не может построить и свои действия. Если я не могу определиться по отношению к движущемуся объекту, является ли он живым или не живым, то, естественно, я не могу и определить характер своих действий по отношению к этому объекту. Такое неопределенное состояние всегда весьма неприятно для человека, поскольку не позволяет ему действовать. Стремление человека, во чтобы-то ни стало концептуально определить объект, есть отражение его природы и стремление к самоопределению и самосохранению себя как независимой системы. Но только правильного, адекватного отражения, ибо только в этом случае можно успешно построить свою траекторию движения по отношению к объекту. Однако понимая, что его концепция всегда является возможно истинной, концептуально-гипотетической, он всегда стремится проверить свою концепцию на истинность, а проверить ее, как мы уже говорили, можно только движением объекта. Моя концепция всегда возможно истинная, но движения объекта всегда истинны, поскольку они всегда есть, как объективная реальность.

Мы подошли к пониманию природы вопроса как формы выражения процесса перехода от возможно истинного к истинному знанию. Каждый акт движения субъекта, есть как бы вопрос к объекту: «А правильно ли я тебя понял?», «А верное ли мое концептуальное представление о тебе (объекте) в целом и отдельных актах твоего движения?» Но вопросом к объекту концепция субъекта становится только тогда, когда принимает форму конкретного условно видимого для объекта движения. Пока концепция находится в сознании субъекта, она является вопросом, так сказать, в скрытом виде. Только когда концепция переходит в объективные формы выражения, она приобретает форму вопроса к объекту. Таким образом, вопрос — это форма выражения специфического состояния процесса познания, а именно этап выработки концептуально-гипотетического знания и, принявшее форму объективного выражения, в каком-то конкретном акте движения субъекта по отношению к объекту. Вопрос есть объективированная форма выражения концептуального знания. Иначе говоря, вопрос может выражаться в виде каких-то поступков, конкретных действий человека. Если я какому-то чиновнику молчаливо предлагаю маленький пакет с большими деньгами, то это действие означает вопрос, правильно ли я его понял, что он готов взять взятку, чтобы оказать мне какую-то услугу. Если он благосклонно принял пакет, значит моя концепция о том, что он взяточник, будучи концептуально-гипотетической до свершения акта, стала истинной после свершения акта, т. е. получила подтверждение практикой. Но можно это требование в подтверждение истинности концепции представить вопросом: «А вы не возьмете ли у меня такое количество денег, чтобы оказать такую-то услугу?» Если он ответит «Да», значит моя концепция подтвердилась, что он взяточник. Таким образом, концептуально-гипотетическое знание приобрело конкретную форму: сначала в виде вопроса как акта движения субъекта, а затем в форме ответа как акта движения объекта.

ВОПРОС КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА

Наверное понятие "вопросно-ответные отношения" можно было бы заменить понятием "концептуально-гипотетическое знание" и понятием "субъектно-объектные отношения", что впрочем нередко и делается в литературе. Но в данном случае происходит подмена понятий и форм выражения объективного знания, что нередко приводит к логической и содержательной путанице, как это было с вопросом первого и второго типов.

Дело в том, что понятие "концептуально-гипотетическое знание" описывает содержание субъектно-объектных отношений, показывает, что отношения между ними в обязательном порядке приобретают строго определенное содержание, что позволяет субъекту и объекту опираться на свое прошлое знание и активно оперировать с объектом, точнее определенным образом воспринимать акты его движения. Последнее позволяет сделать другая форма протекания знания, а именно вопрос и ответ и в целом вопросно-ответные отношения. Другими словами, концепция субъекта как гипотетическая или как содержащая положительное, доказанное знание, должны иметь каждый из них свою специфическую форму, которая и определяет движение субъекта и по отношению к самому себе (к своему прошлому знанию или к своему второму "я") и к объекту, как к своему оппоненту. Если это знание не будет принимать какую-то и в обязательном порядке форму (что, понятно, в принципе невозможно), то концептуально-гипотетическое знание не состоится. Его просто нет и не может быть. Таким образом субъектно-объектные отношения имеют в обязательном порядке концептуальное содержание, а последнее так же в обязательном порядке принимает форму вопросно-ответных отношений, как специфический вид субъектно-объектных отношений. Здесь нет противоречий; то, что для одного акта движения является содержанием, для другого становится формой, которые постоянно меняются местами в постоянном акте движения и изменения ситуации поведения и своего ролевого назначения. Концепция является формой выражения субъектно-ответных отношений, в то время как содержанием вопросно-ответных отношений является строго определенная концепция. В свою очередь вопрос и ответ становятся формой выражения субъектно-объектных отношений и так до бесконечности. Конечность определяется только конкретной ситуацией субъектно-объектных отношений.

Но в данном случае вопрос и ответ нас интересует как знаковая система, отражающая определенное состояние как субъекта, так и объекта. Форма выражения движения знания всегда принимает для субъекта конкретный вид как знак, который свидетельствует, скажем так, о многом. Человек как субъект, всегда воспринимает мир чувственно, посредством квантов информации, выступающими физическим носителем содержания информации. И каждый квант информации находит в сознании человека свое строго определенное место, которое позволяет сознанию его идентифицировать строго определенным образом. В противном случае квант информации оказывается незадействованным и переходит в разряд невостребованного знания. Другими словами, мы эту информацию активно не воспринимаем. Об этом мы уже говорили.

Понятно, что и в сознании ничто не существует без своего обозначения. Любое явление, будучи неопределенным как квант информации, попадая в поле зрения человека, сразу же приобретает содержательное значение и свой знаковый эквивалент. Сознание сразу же пытается найти ему некоторое подобие и какое-то название, соответствующее этому подобию, сознание старается его каким-то образом обозначить и тем самым отделить от других подобных и не очень подобных явлений.

Система обозначений очень разнообразная. Это может быть слово, иероглифы, какие-то знаки, формулы и многое другое. И все они выполняют функцию эквивалента, заменителя некоторого реального явления. Особенностью всех знаков является то, что они выполняют всегда двойную роль, выполняют две функции. Так, слово как термин обозначает предмет как единичное явление, и то же самое слово выступает как понятие. Это особенность любого языка как естественного, так и искусственного. Например, в математике, символы обозначают конкретные явления (2 кг яблок), но так же и как некоторое общее понятие (2). Сущность этой двойной функции заключается в следующем. Чтобы определить данный предмет как принадлежность к какому-то классу, роду, виду явлений необходимо прежде всего определить его как конкретное явление. Определение явления одним и тем же словом, показывает не только то, что это конкретный предмет, но и то что он принадлежит к определенному роду, классу явлений. Если бы употреблялись разные термины, то это вызвало бы затруднение в обозначении предмета как понятия и как явления. Так, прежде чем предмет, отнести к понятию, я должен сначала его обозначить словами, как конкретный предмет, например, стол, и только после этого он переходит в понятие «стол», становится принадлежностью этого понятия.

Знаковая система — это как бы перевод мира объективных явлений, в мир субъективного представления. Это тот же самый мир, но существующий посредством обозначения его в сознании человека. Это примерно так же как и деньги, которые являются эквивалентом, заменителем золота. Сами по себе деньги ничего не стоят, и только обеспеченные золотым запасом они приобретают **сущностное** значение, значимость, принадлежащую золоту. Но так же как и с денежными знаками происходят разные метаморфозы (в сознании человека), когда они отрываются от своей предметной сущности, так и со словесными эквивалентами происходят разные чудеса, например, когда слово имеется, а его предметного содержания в объективном мире нет, и сознание оперирует только символами, без их предметной сущности. Или же под словом как обозначение предмета понимают понятие, или **наоборот**, под понятием понимают обозначение единичного предмета и т.д.

То же самое относится к вопросу. Вопрос также выступает в двух видах, разницу и их взаимообусловленность необходимо сознавать: 1. Вопрос, как знаковая система, которая обозначает в сознании человека некоторый реальный процесс, явление. 2. Вопрос, как выражение определенной формы процесса познания.

Как знаковая система вопрос равным счетом не открывает ничего нового и не разрешает никаких проблем. Он только определяет свое отношение к этому новому знанию, выработанному человеком. Вопрос не есть требования нового знания, новой информации и пр. **Вопросительное** отношение к знанию определяется уже после того, как это новое знание в виде концептуального положения выработано в сознании человека. **Потребность** в новом знании и **требование** нового знания. например, в разрешении проблемы или задачи, определяется не вопросом, а противоречием между старым и новым знанием, старым концептуальным знанием и изменением объективной реальности, когда нет возможности решать практически задачи в старых концептуальных положениях, в старом концептуальном знании. Вопрос, как знаковая система, не может быть ни ложным, ни **истинным**. Если концепция не верна, то в этом виновата сама **концепция**, а не то, что **ее** показывает, как возможно истинное, концептуально-гипотетическое знание. Вопрос, как знаковая система нейтрален к **сущностному** содержанию вопроса и по отношению к нему девственно чист. Не заслуга

вопроса в том, что концепция является верной или неверной, не надо знаку приписывать то, что ему не принадлежит и отнимать то, что ему присуще.

Только в силу того, что вопрос обозначает очень много в мыслительной деятельности, ему приписывают все то, что выражает сама мыслительная деятельность. Так же как платье нельзя приписывать достоинства и недостатки человека, также нельзя и вопросу приписывать достоинства и недостатки мышления. Так платье может иметь свою сущность и свои функции и быть обозначением характера, социального положения человека, но само не может быть характером и сущностью человека. Так и вопрос как знаковая система, только выражает определенное положение знания, а именно как концептуально-гипотетическое знание, но не как **сущностное** содержание самого знания. Вопрос, как знак отражения действительности является только знаком и не более того.

Вопрос, как знаковая система, имеет две формы выражения. Первая форма обозначает определенное концептуальное знание, которое имеет форму гипотетического знания. Вопрос здесь обозначает только то, что эта форма знания является гипотетической, возможно истинным знанием. В этом случае вопрос означает, что человек, представивший эту концепцию, обозначает ее как возможно истинную и просит подтвердить ее или не подтвердить, т. е. просит ответа. Вопрос выступает здесь как обозначение определенного отношения между людьми в процессе общения. Таким образом, вопрос в этой форме, выступает как обозначение определенного состояния знания и определенной формы отношений между познающими субъектами и объектами.

Вторая форма — это обозначение требования определения понятия заключенного в вопросе. По своей логической структуре вопрос состоит из вопросного оператора, который указывает форму ответа и некоторого понятия, состоящего из совокупности других понятий. Эти, так называемые, подпонятия не определены как совокупность. Иначе говоря, имеется некоторая объективная реальность, которую надо каким-то образом обозначить, как явление через понятие. Это новое явление описывается в обязательном порядке совокупностью других явлений, и также через понятие. Вопрос, или точнее вопросный оператор, в этом случае показывает, что данная совокупность понятий требует определения. Это общее понятие появляется в процессе выработки концепции, но необходимо его терминологическое и понятийное определение, которое дает спрашивающий или отвечающий. Так, например, в вопросе: «Кто читал эту книгу?», имеется некоторое понятийное образование «читал книгу». Содержание понятий «читал» и «книга» известно, но требуется найти такое новое понятие, которое бы **обозначило** посредством понятия новое явление "читал книгу". Вопрос и указывает на это, определение дает ответ.

Однако, если вопрос **только** обозначает некоторое состояние знания, то **нельзя** ли перенести **проблему** вопроса **только** в знаковую систему? Нельзя ли при этом **полностью** отказаться от содержательного анализа того знания, которое стоит под знаком вопроса? Или же выходя за рамки вопроса, как знаковой системы, изучать его содержательное знание **только** в свете взаимодействия содержания и системы его обозначения?

Безусловно такой подход имеет смысл и конечно необходимо рассматривать вопрос как определенную знаковую систему. Но только такой подход означал бы значительное сужение проблемы вопроса и самое главное не отвечал бы на многие вопросы о вопросах, не раскрывал бы сущностное содержание вопроса как понятия, не раскрывал бы онтологическое и гносеологическое содержания данного явления в процессе познания. И в самом деле, как соотносить вопрос, как знаковую систему с определенным состоянием знания? В этом случае мы неминуемо пришли бы к потребности анализа этого необычного состояния знания, которое

мы называем вопросом, но вынуждены были бы назвать это другими именами, впрочем что нередко и делается при изучении вопроса, отождествляя или подменяя понятие вопроса такими понятиями как проблема, задача и пр. В принципе так тоже можно делать и так делают нередко, но в этом случае произошел бы отрыв системы выражения и обозначения данного явления от содержания самого знания. Система обозначения некоторого состояния знания и само знание являются тесно взаимосвязаны и обуславливающие друг друга. Но тем не менее вопрос, как состояние некоторого знания, первично, по отношению к вопросу, как знаковой системы.

ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ И ОТЛИЧИЕ ЗНАКОВ

В практической деятельности человека всегда возникала необходимость отличия вопросительного предложения от других видов предложений. Это делалось для того, чтобы соответственным образом определить свое поведение и свою ответную реакцию. Отличие это было необходимо еще и потому, что в процессе развития разговорной речи, происходило постоянное извращение вопроса, как вопросительной формы. Так, нередко утвердительное предложение по форме, по своему содержанию фактически выступало вопросительным, и наоборот, вопросительное предложение по форме, по существу было утвердительным предложением и не требовало никакого ответа, например, риторические вопросы.

Первым указателем на вопросительную форму предложения является интонация, когда специальным произношением указывалось, что оно требует ответа. Возможно интонация сохранилась еще с тех времен, когда люди имели ограниченный словарный запас, больше походивший на специальный звуковой ряд. Но тем не менее, тогда уже появилась потребность различать вопросительные и утвердительные предложения. Во всяком случае и сейчас у первобытных племен, не имеющих речи, вопросительные интонации существуют.

Вторая форма - это указание на вопросительное предложение вопросительным словом или словами: кто, где, когда, почему и т.д. Эти вопросительные слова появились по всей видимости в тот период, когда возникла разговорная речь. Одной интонации же не хватало, требовалось более точное определение и указание вопросительных предложений. Многообразная практическая деятельность человека нашла свое отражение в развитии человеческой речи, и в частности, в определении типов и классификации вопросительных предложений и в вопросительных словах. Каждое из этих вопросительных слов отражает определенное отношение к объективной реальности в процессе практической деятельности.

Третья форма - указание вопроса это вопросительный знак (?). По всей видимости он был изобретен во времена письменной речи, когда ни интонацией, ни вопросительными словами (в ряде и довольно большом, случае) нельзя было указать, что это вопросительное, а не восклицательное, не утвердительное и пр. предложение. Например, "Идет дождь?". Это предложение без вопросительного знака можно принять за утвердительное предложение, что соответственно меняет и смысл предложения.

Четвертая форма указывающая, что данное предложение вопросительное, является его контекстуальное определение. В ходе письменного или устного диалога все предыдущие предложения построены таким образом, что к ключевой фразе, они подводят как к вопросительной без указания (формального) вопросительного предложения. Нередко это делается и тогда, когда вопрос представляет собой не одно какое-то предложение, а целый ряд предложений, рассуждений и концептуально устанавливается вопросительный ряд предложений. Естественно, что ни вопросительными словами, ни вопросительным знаком

здесь не обойдешься. Спасает только интонация при разговорной речи или контекст письменной речи.

Кроме того используют специальный порядок слов как в устной, так и в письменной речи, который указывает на вопросительную форму предложения. Как правило, этот порядок слов, а именно то, что он вопросительный, также определяется контекстом разговора или письменной речи. Например: «Если ты не возражаешь, мы пойдем завтра в кино». Без указательного вопросительного знака это предложение можно принять и за вопросительное, и за утвердительное, и просительное. И только из контекста речи, это предложение звучит как вопросительное.

Нередко для усиления указания, что данное предложение является вопросительным, используются одновременно два-три знака. Так употребляется вопросительная интонация и вопросительные слова в разговорной речи. В письменной речи нередко используются одновременно и знак вопроса, и вопросительные слова. Кроме того, может использоваться и специальное расположение слов.

Употребление различных форм указания вопросительного предложения является следствием обогащения языка в ходе усложняющейся целесообразной практической деятельности, потребности в точном и адекватном выражении интересов спрашивающего и соответственным образом и точного определения поведения отвечающего. И тем не менее не всегда в ходе практической деятельности, даже сегодня, при такой разветвленной системе вопросных указателей, можно достаточно точно определить, что это предложение является вопросом. Практика и формы общения настолько оказываются многообразными, что нередко они не могут быть уложены в прокрустово ложе установленных форм общения, в том числе и вопроса. Например, нет указателя на то, чтобы четко определить состояние, когда это еще не утверждение, но уже и не вопрос. Или же как четко определить, что данное предложение одновременно является и вопросом, и утверждением. И таких пограничных и переходных форм в человеческом общении довольно много и возникают они постоянно.

И хотя мы говорили о том, что предложение может быть или вопросительным, как концептуальное знание, которое требуется проверить, или утвердительным, что означает, что оно четко проверено и определено как положительное знание, тем не менее постоянно возникают ситуации, когда оно одновременно и вопросительное и не вопросительное, когда одновременно и утвердительное и не утвердительное предложение или когда оно настолько вопросительное, что ставят даже два или три вопросительных знака, или употребляют два вопросительных слова: «Что, что...?», «Где, где...?» и др. Или имеется настолько слабая форма вопросительного предложения, что и не знаешь ставить ли или не ставить вопросительный знак или вопросительное слово. Не случайно иногда в разговорной речи собеседник спрашивает, ты задаешь вопрос или нет, т. е. отвечать ему или не отвечать, и сам с некоторым сомнением все-таки склоняешься, что это вопрос или не вопрос. Есть вопросы близкие к восклицанию или же одновременно это и вопрос, и восклицание, например: «Как ты сегодня опять идешь в кино?!» Что это вопрос или восклицание, чего здесь больше и на что отвечать, как отвечать, какую давать информацию в ответ и нужен ли ответ вообще?

Как правило, это устанавливается контекстом разговора, а то и вообще остается не установленным. Еще раз можно повторить, что жизнь слишком многообразна и бесконечны ситуации, в которых не всегда удобно пользоваться имеющимися формами указания вопросительного предложения. Поэтому изобретаются новые, употребляются различные сочетания имеющихся знаков и процесс этот бесконечен. Во всяком случае, имеющиеся знаки указания,

не конечные и возможно человечество изобретет еще такие знаки, которые сейчас находятся в стадии зарождения и апробации.

Знаковую роль играют и отдельные частицы и сами слова, чтобы показать то или иное направление мысли при анализе объективной реальности. Так, содержание вопросительного предложения и прежде всего в определении, что же необходимо выяснить, т. е. в обозначении вопросительной части вопроса, употребляются специальные частицы, например, «ли». В разговорной речи вопросительная часть вопроса, или вопросительное слово, как правило, определяется контекстом общения, хотя и здесь имеются определенные трудности. В письменной речи и особенно в различных искусственных языках это указание необходимо поскольку нет контекста общения. Так, например, подставляя к различным словам частицу «ли», мы меняем ударение и тем самым содержание вопроса, меняем предмет вопроса, т. е. то, что мы должны узнать: «Колумб ли открыл Америку?», «Колумб открыл ли Америку?», «Колумб открыл Америку ли?». Понятно, что в зависимости от определения вопросительного слова, т. е. предмета вопроса, меняется и содержание ответа, и его поиск, и вся процедура нахождения правильного ответа. В первом случае мы будем искать имя, во втором случае будем искать подтверждения, что он открыл, в третьем, стараться доказать, что открыта именно Америка.

Насколько это важно не надо доказывать, но нередко этим пренебрегают в формулировании вопроса, например, в социологических вопросах и тем самым меняют или вернее, оставляют без определения содержание вопросительного предложения, вернее оставляя его на [усмотрение респондентов](#), но в этом случае может происходить разночтение с исследователем.

Определение вопросительного слова может происходить различными способами, различными знаками, но каждый раз это определяется содержанием самого вопроса.

Знаковое выражение вопроса, т. е. указание, что это вопрос, что необходимо отвечать, есть первая информация, которую передает спрашивающий, отвечающему. Это звучит как бы так: «Я прошу ответа».

Как и любая другая информация, она может быть полной и неполной, понятной и непонятной, оперативной и не оперативной и пр., т. е. все то, что определяет ее как информацию. Различная знаковая система указания, что это вопрос, выработана в процессе определения того, что не только надо ответить на вопрос, но и как отвечать на вопрос, и по форме, и по содержанию. Требуется ли вопрос полного или краткого ответа, требуется ли вопрос развернутого ответа или можно ограничиться только указанием ответа, необходимо отвечать сразу же или можно обдумать ответ и т. д.

Знаки указания вопроса — это как бы дорожные знаки при движении мысли. Куда можно ехать, а куда нельзя, где повернуть, где остановиться, какую скорость держать и пр. Это оказывается очень сложной и разветвленной указательной системой, без которой невозможно никакое движение мысли. Если будем двигаться без этой указательной системы, то рискуем или заехать не туда или потерпеть катастрофу. Знаки выводят отвечающего на нужный путь из лабиринта возможных входов и выходов без которых можно легко запутаться.

Знаковая система вопроса еще не получила достаточного изучения. Не вдаваясь сейчас глубоко в эту проблему, она заслуживает более внимательного отношения, тем не менее, имеет смысл остановиться на таком важном для нашего исследования моменте, а именно, вопрос, как указание этапов познания. Иначе говоря, здесь уже сам вопрос выступает как знаковая система.

ЭТАПЫ ПОЗНАНИЯ И ФОРМА ВОПРОСА

Процесс познания имеет различные этапы, начиная с поверхностного знакомства с интересующим объектом, до глубокого его понимания, выявления причин законов развития и т.д. Но интересно то, что в процессе такого поэтапного развития познания соответствующим образом меняется и форма вопроса, его формулировка и характер постановки. Более того, оказывается, что каждая определенная форма вопроса, строго закреплена за определенным этапом процесса познания. По всей видимости, это связано с некоторыми общими закономерностями формы и содержания. Кроме того, что каждый этап познания должен быть зафиксирован и выражен в определенной форме, за ним должен быть закреплён определенный знак, обозначающий данный этап познания, чтобы не спутать с другими этапами. Он должен иметь определенную и вопросительную форму, но, по всей видимости, и сама вопросительная форма оказывается выражает те объективные закономерности, присущие данному этапу познания. В каждом конкретном случае, употребляя специальную форму вопроса, субъект тем самым, показывает на каком этапе познания он находится и какого уровня информация (например, по глубине) ему необходима. Не сама вопросительная форма определяет этап познания, она только обозначает, показывает этот этап. Потребность в определенном знании, выражающаяся в некоторых типичных формах, определяет и форму вопроса.

Любое познание начинается со знакомства с интересующим нас явлением. Если мы сталкиваемся с явлением, то это знакомство начинается с вопроса: «А что это такое?» Вопрос, начинающийся с вопросительного слова «что» показывает, что мы ничего не знаем об объекте. Правда, необходимо отметить, что речь здесь идет не о первом попавшемся явлении, а только о таком, которое представляет для нас определенный интерес. Например, в случае, когда мы неожиданно сталкиваемся с таким явлением, которое оказывается противоречит некоторым нашим представлениям, и этим самым вызывает некоторую опасность. Эта опасность возникает тогда, когда данное явление может разрушить выработанные концептуальные представления и которые позволяют решать наши практические задачи и тем самым жить более или менее спокойно. Создание теоретической концепции, видения мира, есть необходимое условие упорядочивания своего поведения и решения своих практических задач. Нарушение, даже самое малейшее, этого упорядочивания, ведет к выведению из равновесия и затруднению решения задач. Вот почему каждое новое явление, несущие такую опасность, вызывает острый интерес человека и которому он сразу же задает свой первый вопрос: «А что это такое?», «Что это за явление?»

Интересно, что в жизни мы постоянно сталкиваемся с новыми явлениями, но большинство из них не вызывают нашего интереса, потребности что-то узнать о них и задать вопрос: «А что это?», поскольку большинство из них спокойно ложатся в русло имеющегося представления о мире или же просто не затрагивают это видение. Простой пример: каждый день мы проходим по улице рядом с сотнями людей и ни один из них не вызывает вопроса: "А что это за человек?" Но только лишь в случае непосредственного контакта для решения какой-то совместной задачи, этот вопрос задается и ищется ответ. Так, находясь в длинной очереди, меня не интересует, кто стоит сзади меня, кто стоит впереди. Нас не волнует сколько и какие люди едут в метро или поезде, автобусе, но нас всегда интересует тот человек, который сел рядом с нами и мы непроизвольно в этом случае задаем вопрос: "Что за человек?", задаем вопрос с той точки зрения, удобно ли будет с ним сидеть, не принесет ли он, находясь в непосредственной близости, какой-нибудь неприятности, можно ли будет с ним решить нашу общую задачу доехать до назначенного пункта и т.д.

Безусловно вопрос: "Что это?" имеет богатую палитру познавательных оттенков. Но в целом данный вопрос носит некоторый описательный характер, требует приблизительную и очень общую информацию об интересующем нас объекте, явлении. И только лишь, имея эту информацию, переходят к более углубленному его изучению и требованию более сложной и разносторонней информации. Начинается новый этап познания и возникает новый вопрос - общий познавательный вопрос - "А почему это?" Начинают выяснять уже глубинные причины и опять же только на том уровне, на каком требуется решение поставленной задачи. Сама по себе проблема не интересует человека, она интересует его только с точки зрения решения своих практических задач.

И только подучив ответ на этот вопрос, переходят к проблеме практического использования имеющегося знания, но для этого необходимо будет ответить еще на один вопрос: "Как это происходит?", "Каков механизм данного явления?", "Как оно функционирует, работает?" и т.д. Вопросительное слово "как" открывает третий этап в процессе познания. Далее идет уже практическое использование данного явления. Выяснение механизма функционирования изучаемого явления позволяет понять не только причины возникновения, но и основные закономерности их взаимосвязи. Познание этого механизма позволяет уже оперировать данным явлением в том направлении, которое необходимо человеку.

Соотношение этих этапов, а соответственно, и форм вопросов очень специфично, они тесно между собой взаимосвязаны и выделение их в чистом виде весьма затруднительно. Вопрос "Что это?" в своем ответе уже несет в себе определенную информацию и по второму, и по третьему вопросу, в то же время как вопрос "почему это?" полностью определяет первый вопрос и является основой для третьего вопроса. По сути дела вопрос "почему" вернее ответ на него, есть и одновременно выяснение и определение механизма функционирования данного явления, но на общем уровне для данного явления. Оно определяет только наиболее общие законы функционирования. Конкретные причинно-следственные зависимости устанавливаются уже на третьем этапе, когда ставится вопрос: "Как это происходит?".

Не случайно любая теория, как правило, требует ответа прежде всего на вопрос "почему", т.е. выяснения причин изучаемого явления. Но как только решены теоретические вопросы, они тут же переводятся в практическую плоскость, или же, как говорят, начинают строить функциональные вопросы. "Значительное множество их (теорий - Л.А.) было представлено вопросом типа "почему", т.е. вопросами о причинах изучаемых явлений. Развитие специальных теорий открывало возможность для "перевода" этих "субстанциональных" вопросов в "функциональные" вопросы. В теории Ньютона, например, вопрос о причинах гравитации "переводился" в вопрос о центральных силах, действующих между небесными телами, так как вопрос типа "почему", трансформировался в вопрос типа "как", имеющий заданную матрицу возможных ответов. Но всегда, когда мы выходим за пределы наличных теорий, мы вновь сталкиваемся с вопросами типа "почему", не имеющими строго фиксированной матрицы возможных решений"⁴². Необходимо только добавить к этой мысли, что выход за пределы имеющихся теорий, некоторого видения, общего представления, начинается прежде всего с вопроса "что": а затем уже "почему", поскольку нельзя ответить на вопрос "почему", не ответив на вопрос "что" и т.д.

Сложность процесса определило множество различных форм, путей и методов познания, соответственно, и различные типы вопросов, каждый из которых оказывается жестко или не жестко привязанный к ее определенной форме. Любая модель и классификация

⁴² Сергеев К.А., Соколов А.Н. Логический анализ форм научного поиска. -Л., 1986, с. 115.

условны, хотя и позволяют в общем верно представить данное явление и использовать это знание опять же для решения своих практических задач.

ВОПРОСЫ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ТИПА

В научной литературе приводится различная классификация вопросов, но безусловно, важнейшей из них является деление вопросов на первый и второй тип или иначе, дихотомические вопросы и "какой -вопросы". Если концепция вопроса четко определена, то отвечающему остается только подтвердить ее, выбрав один из вариантов ответа «да» или «нет». Это так называемый дихотомический вопрос или вопрос первого типа.

Но жизнь многообразна и нередко создаются такие ситуации, когда не представляется возможным четко и однозначно определить свою концепцию, найти свое видение ситуации. Может не хватать знаний, информации, опыта и чего угодно, и тогда человек разводит руками и обращается за помощью к другому человеку. В этом случае описывается только область поиска ответа, которая может быть большей или меньшей, но с обязательным указанием на не всегда достаточные, но исчерпывающие признаки. Я не знаю, кто открыл Америку, мне лень думать, лезть в словарь, чтобы найти ответ и я передаю эту заботу своему сведущему во всем другу: «Скажи, а ты не знаешь, случайно, кто открыл Америку?» В этом вопросе известно только то, что Америка открыта (это я знаю) и неизвестное — кто открыл Америку (этого я не знаю). Понятно, что вопросный оператор Кто (?) определяет до вольно большую область поиска ответа, практически безграничную. Но оно может значительно сужаться контекстом разговора, в котором и определяются основные признаки. Это так же примерно как в кроссворде: «Руководитель испанской экспедиции поиска кратчайшего пути в Индию» и т. д. Если необходимые признаки не будут указаны, или они будут очень неопределенными и тем более неверными, то вопрос теряет смысл, поскольку ответ невозможен.

Все вопросы, начинающиеся с вопросного оператора: кто, что, по чему и др. относятся к вопросам второго типа по логико-формализованному делению. Это вопрос, который предъявляет к отвечающему требования выработки концептуального знания. И пока такое знание не получено, а значит не построен вопрос первого типа, ни о каком логическом рассуждении не может быть и речи.

Поэтому вопрос второго типа с необходимостью соотносится с вопросом первого типа, не важно делается ли это спрашивающим или отвечающим. Указанная в вопросе второго типа область искомого поиска знания содержит в себе варианты ответов или альтернативы, где истинным является только один или несколько из них. Так, например, вопрос второго типа: «Кто открыл Америку?» может быть представлен серией фамилий людей потенциальных открывателей: Колумб, Америго Веспуччи, Васко да Гама, Магеллан и т. д. Введение признака, например, что он испанец, португалец и пр., позволяет отсеять одни имена и оставить другие. Введение второго признака, например, родился в Генуе, позволяет отсеять все варианты, кроме одного, который и будет истинным ответом.

Таким образом, любой вопрос второго типа представляется серией вопросов первого типа: «Кто открыл Америку?» — испанец открыл Америку? (да, нет); португалец открыл Америку? (да, нет); итальянец открыл Америку? (да, нет) и т. д.

Как уже говорилось, возможно один или несколько истинных ответов, но сути дела это не меняет. Вопросы второго типа: «Какие цветы Вы любите?» — переводятся с необходимостью в серию вопросов первого типа: «Любите ли Вы розы?» (да, нет). «Любите ли Вы гвоздики?» (да, нет) и т. д. Разница заключается только в том, что в первом случае

вопрос второго типа содержит единичное понятие, объем которого не делится, иначе говоря только один человек может быть открывателем Америки. Во втором случае понятие «любить цветы» содержит в себе бесконечное количество возможных подпонятий.

Этими двумя типами вопросов, правда нередко в весьма преобразованном виде, в зависимости от той или иной разговорной ситуации, мы пользуемся в естественном языке. Нередко преимущество по форме отдается первому или второму типу вопроса. Так, корреспонденты, комментаторы во время интервью часто пользуются вопросами первого типа. Правда, при этом вопрос превращается в наводящий и требующий только положительного ответа. «В вашей деревне живут люди разной национальности. Они очень дружно живут; не правда ли?» Отвечающим ничего другого не остается сделать, как только подтвердить мнение напористого журналиста.

Следователи так же чаще всего пользуются дихотомическими вопросами, но их вопросы представляют собой логическую цепь зависимостей ответов отвечающего. Это, так называемый, сократовский метод, когда подтверждающий ответ А и подтверждающий ответ Б в обязательном порядке дает ответ В и тем самым приводит, путем логического рассуждения к истинному требуемому ответу или, по крайней мере, позволяет признать отвечающим отклонение от логической цепочки рассуждения и тем самым признать свою неправоту. И это не софистические уловки. Вопросы и ответы в ходе следования есть только отражение логики событий, фактически имеющие место. Задаваемые вопросы и ответы воспроизводят эту логику событий в своей собственной логике мышления.

В научной литературе чаще пользуются вторым типом вопроса, что позволяет развивать диалог и моделировать развитие истины. Используя метод выводного знания, который оперирует только вопросами первого типа, ученые приходят к некоторому искомому знанию, но в обязательном порядке гипотетическому, поскольку оно еще не проверено практикой. Это, так сказать, прогнозное знание. И чем дальше цепочка дедуктивных рассуждений, тем ниже вероятность получения истинного знания.

Социологи в анкетах так же пользуются этими двумя типами вопросов и в этом плане социология не является исключением, ничего нового она не придумала. Правда формальная интерпретация этих двух типов вопросов в социологических исследованиях оказалась весьма своеобразной, что диктовалось особенностями вопросно-ответных отношений социолога и респондента посредством анкеты, и специфической системы анализа получаемых ответов.

Особенности вопросно-ответных отношений определяются прежде всего контекстом вопроса, а соответственно, и его содержание чаще всего определяется в виде специального набора альтернатив осуществляемого в явном или неявном виде. Это определяет и форму его построения. Например:

Кто открыл Америку?

Колумб открыл Америку.

Васко да Гама открыл Америку.

Америго Веспуччи открыл Америку.

Магеллан открыл Америку.

Это обыкновенный вопрос второго типа, только с указанием области поиска истинного ответа (ответов). Но в этом вопросе произведена еще одна интересная операция. Указывая область поиска истинного ответа, субъект фактически произвел операцию перевода вопроса второго типа а серию дихотомических вопросов или вопросы первого типа. Единственное, что не было сделано, это не указал варианты ответов к альтернативам.

И в самом деле, если в данном вопросе к альтернативам добавить варианты ответов «да» и «нет», то получим серию дихотомических вопросов.

Кто открыл Америку?

Колумб открыл Америку (да нет)

Васко да Гама открыл Америку (да нет)

Америго Веспуччи открыл Америку (да нет)

Магеллан открыл Америку (да нет)

Отвечающий, выбирая ту или иную альтернативу, мысленно говорит: «Да, согласен». Если он не выбирает предложенную альтернативу, то мысленно говорит: «нет, не согласен». Отвечающий мысленно переводит вопросы II типа в серию дихотомических вопросов и там уже выбирает варианты ответа, т. е. согласен ли он с предложенной **альтернативой** (концепцией) или не согласен.

Но далее возникает довольно любопытный момент. Когда альтернативы сформулированы, оказывается можно вообще обойтись без общего вопроса второго типа, а альтернативы сразу же представить как дихотомические вопросы. Общий вопрос второго типа был нужен только на первоначальном этапе разработки концепции для определения области поиска ответа, определения нужного набора альтернатив, но как только область поиска ответа определена, он оказывается уже лишним

Колумб ли открыл Америку?

да нет

Васко да Гама открыл Америку?

да нет

Америго Веспуччи открыл Америку?

да нет

Магеллан открыл Америку?

да нет

Предложенная в научной литературе классификация и типология вопросов и ответов не являются искусственным приемом исследователя, а отражают определенную область деятельности субъекта и уровень познания исследуемого объекта. Чем выше уровень познания объекта, тем **определеннее** и детальнее выступает разработанная концепция движения объекта.

В конечном итоге анализ вопроса как формы концептуального знания, вполне естественно сосредотачивается на его логической структуре, со всеми вытекающими требованиями. Понять природу вопроса означает понять его логическую структуру, что в свою очередь, означает понять логику движения понятий в структуре вопроса. Другими словами, **необходимо** определить как соотносятся понятия между собой в системе вопроса, благодаря чему образуется новая форма выражения концептуально-гипотетического знания. Все многообразие содержания концептуально-гипотетического знания от частичного к полному знанию имеет многообразие форм выражения, но все это содержится в едином понятии «вопрос».

Таким его рассматривали совсем не давно. Но дальнейшее исследование **показало**, что это понятие имеет довольно сложную структуру и требует уже исследования его элементов, в качестве которых, в частности, и выступают типы вопросов, каждый из которых имеет свою логическую структуру. Так, **вопрос** первого типа имеет отличную логическую структуру от вопроса второго типа, о чем мы более подробно будем говорить в следующей главе. Попытаться представить вопрос в процессе его исследования как имеющий единую

логическую структуру, означает закрывать себе дорогу к пониманию логической природы вопроса вообще и его выражений в конкретных формах. Так же особую логическую форму имеет структура вопроса и ответа и соотношение их между собой, чему в научной литературе уделяли очень мало внимания.

СООТНОШЕНИЕ ВОПРОСА И ОТВЕТА

В научной литературе нет достаточно четкого структурного деления вопроса как системы формального выражения концептуально-гипотетического знания, не дается и четкого определения **соотношения** собственно вопроса или по другому вопросительной части и ответа. Нет также приемлемого определения понятий вопроса и ответа.

Под вопросом нередко понимают только вопросительную часть или содержание вопроса без обращения ко второй ее части — ответ. Так поступают, когда анализируют логическую структуру вопроса, исходя только из внутренней структуры вопросительной части. Но нередко в логическом анализе вопроса ответная часть включается, точнее поглощается вопросительной частью системы, при этом ответную часть не рассматривают как самостоятельное структурное образование. Так, например, происходит, когда говорят о типологии вопроса по принципу ответа, например, «**ли-вопрос**» и «какой — вопрос», как это делает **Белнап Н.** и **Стил Л.** в известной работе «Логика вопросов и ответов».

В целом соотношение вопроса и ответа рассматривается как независимые структурные образования, где вопрос в обязательном порядке принадлежит субъекту, а ответ — объекту, при этом и **содержательная**, и логическая структура вопроса выступают независимыми от содержательной и логической структуры ответа. Но ответ, как правило, не рассматривают как самостоятельную структуру, и тем более определяющую логическую структуру вопроса.

О природе вопроса мы уже говорили; это форма выражения концептуально-гипотетического знания, содержащая имплицитно и ответ. Само содержание вопроса является одновременно и **ответом** или точнее возможным ответом. Выработанная концепция становится знанием для самого себя и в этом плане о **вопросительно-ответном** процессе не идет **речь**. Но знание того, что представленная концепция может быть неверной, приобретает форму вопроса для другого субъекта, как требование проверки своего знания.

Для объекта или другого человека, к которому обращаются, вопрос — это форма выражения определенного состояния знания, а именно, того знания, которое говорит о том, что, возможно, представленная концепция является не истинной. Само по себе для субъекта, естественно, выработанное концептуальное знание является абсолютным и точным. Неопределенность заключается в том, что содержание другого моего знания, говорит о том, что возможно концептуальное знание не истинное, хотя, кстати говоря, знание о том, что концептуальное знание возможно не истинное, является так же абсолютным и точным.

Отвечающему, тем самым, показывают два знания с различным содержанием; одно из них предлагает концептуальное видение какого-то явления, другое показывает, что возможно оно не истинное. Когда я спрашиваю: «Колумб ли открыл Америку?», то для меня это знание является точным и полным. Но когда я эту концепцию представляю другому человеку в виде вопроса, то оно сопровождается другим знанием, как биркой, на которой написано, что возможно данный груз не является полным и точным, т. е. представленная концепция не является истинной. Вопрос, как мы уже об этом говорили, выступает только как знаковая система, которая несет в себе свое и строго определенное знание, и которое определенным образом характеризует концептуальное знание. В другом, противоположном случае,

концепция может быть представлена субъектом как истинная не только для самого себя, но и для всего окружающего мира, и в этом случае субъект, в обязательном порядке, вешает на этот груз другую бирку как знак, что это знание истинное и никаких сомнений здесь не может быть. Тогда концепция выступает уже утверждением, а не вопросом.

Когда этот груз, т. е. концепция, поступает к другому человеку, то он воспринимает ее истинность или не истинность в зависимости от прикрепленной бирки. Но речь в этот момент еще не идет о самой концепции. Если на бирке написано, что эта концепция возможно истинная, то объект относительно ее и строит свое движение определенным образом, подвергнет концепцию проверке. Если на бирке написано, что концепция истинная, то объект воспринимает ее как достоверную информацию (впрочем, как известно, представленную концепцию как истинную он может таковой и не признать и подвергнуть ее проверке, т. е. самостоятельно перевести в форму вопроса).

Получив груз и соответствующую бирку, обозначающую сомнение в истинности, объект проводит проверочную работу и строго в той последовательности и в соответствии с теми принципами выработки концептуального знания, как это делал субъект, и о чем мы писали в предыдущих разделах. Вопрос субъекта становится вопросом объекта, но уже к самому себе, к своему прошлому знанию. Происходит процесс идентификации прошлого знания с концепцией, предложенной в вопросе. Если такая идентификация осуществилась, то найденное решение будет ответом объекта на свой собственный вопрос и тем самым ответом на тот же вопрос субъекта. Если субъект меня спросил: «Колумб ли открыл Америку?», то я покопавшись в памяти (спросив самого себя), точно определил, что именно Колумб, а никто другой это сделал, то это стало ответом и на мой вопрос, и на вопрос субъекта. Но если идентификация не прошла, тогда идет процесс выработки нового концептуального знания отвечающим. Вопрос делится на известное и неизвестное, точнее, ищется известное, которое таковым становится в процессе идентификации с прошлым опытом. Например, таким известным становится то, что «Америка открыта», неизвестным остается, кто это сделал. Тогда это неизвестное так же делится на известное и неизвестное, как свои элементы или подпонятия общего понятия Колумб. Объект пытается идентифицировать эти подпонятия или элементы со своим прошлым опытом. Это второй уровень идентификации. Если и на этом уровне остается что-то неизвестное, что не позволяет однозначно получить общий ответ как истинный, то продолжается деление на известное и неизвестное элементов третьего уровня, т. е. деление подпонятий на свои собственные подпонятия. И так в принципе до бесконечности в теории, а на практике доходят до того уровня, когда структурные объекты становятся настолько элементарными, что они наверняка могут быть идентифицированными с прошлым знанием, если в принципе эта область знания у человека имеется. Но даже, если данная область знания и отсутствует, наверняка есть какая-то пограничная, которая и позволяет в принципе построить новую область знания. Так, примерно, проходит обучение чему-то новому.

Таким образом, система вопрос-ответ субъекта и система вопрос-ответ объекта — это разомкнутые системы, независимые как процесс образования нового знания, но абсолютно идентичные по принципу образования нового знания. Получив независимым путем ту же самую по содержанию концепцию, объект этим самым сказал, что их концепции оказались идентичными. И это уже второй шаг к истине, о чем мы уже говорили. Это еще не истина в широком признании, но она уже таковой становится для субъекта и объекта.

Таким образом, вопрос и ответ — это не две стороны одной медали, не два этапа и не две формы познания. Разница между ними заключается в том, что объект работает в навязанных концептуальных рамках, работает как бы во втором эшелоне, в то время как

субъект определяет основную концепцию и линию поведения. Форму ответа концепция принимает в ситуации необходимости подтверждения предложенной субъектом концепции. В этом и заключается специфичность процесса образования концепции в ситуации ответа и его (процесса) отличия от ситуации вопроса.

В литературе ответ часто понимается как истинное положительное знание и по форме он и в самом деле выступает как утверждение. На самом деле он таковым, все-таки не является. Если исходить из того, что ответ это точно такой же процесс выработки концепции как и вопрос, то в этом случае правомерно предположить, что и концепция в ситуации ответа имеет все особенности концептуального образования и прежде всего, что она является гипотетической.

И в самом деле, момент образования концепции, являясь собственностью объекта, ни в коем случае не может претендовать на абсолютную истину, так же как и момент образования концепции субъектом. Это только для каждого из них в отдельности она является абсолютно истинной. Когда субъект кинул шар в виде вопроса объекту, последний приняв, возвращает его субъекту так же в виде вопроса.

Концепция отвечающего остается вопросом до момента идентификации ее с концепцией субъекта в сознании объекта. Но и после этого она остается в состоянии возможно истинной, ибо должна произойти вторая идентификация уже в сознании субъекта, т. е. должна произойти идентификация концепции субъекта с концепцией объекта, но уже самим субъектом. Если и в этом случае концепции оказались одинаковыми, то можно сказать, что они являются истинными, но только для них двоих.

Другими словами, отвечающий, получив от субъекта его концепцию как возможно истинную, кладет ее на какую-то полочку своего сознания, и приступает к поиску в своем прошлом опыте той области знания, которая могла бы подтвердить предложенную концепцию. Момент поиска — это постоянный процесс идентификации того, что имеется в прошлом опыте и предложенной концепции в системе вопрос-ответ. Концепция субъекта становится вопросом для прошлого опыта объекта. Если прошел процесс идентификации, т. е. в прошлом опыте был найден аналог предложенной концепции, то последний передается субъекту вместе с его концепцией-вопросом. Но поскольку он также основан на прошлом опыте, то с неизбежностью приобретает характер возможно истинный, даже если эта идентификация происходит в устойчивых понятиях и неизменной ситуации. Принимая аналог, субъект идентифицирует его со своей концепцией так же в системе вопрос-ответ, и если они сходятся, то принимаются как идентичные. Вторичная идентификация не лишняя, поскольку процесс выработки аналога может быть довольно длительным, в результате чего может измениться ситуация концепция-вопрос. Действовать, во всяком случае эффективно, можно только в случае единства времени и пространства. Процесс выработки концепции-вопрос и концепции-ответ всегда проходят в разные временные интервалы, а значит, и изменившемся пространстве. Их необходимо свести, чтобы получить момент истинности, что и происходит в процессе второй идентификации при сравнении аналогов.

Таким образом, явление идентифицируется двумя независимыми методами или двумя субъектами, что и позволяет утверждать о правильном понимании исследуемого явления как субъектом, так и объектом и возможность правильно строить свои действия. Данное положение несколько отличается от того, о чем говорилось ранее, а именно, что субъект концептуально определяет свое движение относительно объекта, что и является вопросом к объекту в целом. Соответственно, движение последнего есть ответ на вопрос субъекта. Приведенное в данной главе положение не меняет ранее высказанного, только уточняется

понятие объект. Двумя независимыми экспертами выступают прошлый опыт субъекта и объекта относительно какой-то определенной формы движения объекта, которая и выступает третьим субъектом или тем явлением, относительно которого и разгорелся сыр-бор или, по-научному, установились вопросно-ответные отношения, чтобы выявить его сущность и соответственным образом определить движение как субъекта, так и объекта. В этом ничего необычного нет, если вспомнить известное положение, что субъект и объект и любое явление представляют собой сложную систему взаимодействия структурных элементов, каждый из которых обладает определенной степенью независимости и каждый из которых требует постоянной идентификации в рамках общей системы, в качестве которой и выступают субъект и объект.

Знание ответа есть по существу знание вопроса»
Белнап Н.. Стил Т.

Глава V. ЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ВОПРОСА

Логическая природа вопроса может быть представлена в качестве центральной во всей проблематике вопроса и вопросно-ответных отношений. Определение природы логической структуры вопроса позволяет понять процесс познания. Именно поэтому логическая структура вопроса привлекает к себе большое внимание исследователей и прежде всего логиков.

Из всего комплекса наиболее сложными оказываются проблемы связи вопроса и суждения, соотношения вопросов первого и второго типа, известного и неизвестного, наконец определения элементов вопроса и их взаимосвязи и др. Все этим проблемам и посвящена настоящая глава.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ВОПРОСА

Попытки решения логической структуры вопроса по существу сводились к двум направлениям. Первое, имевшее место на ранних этапах изучения, было связано с полным редуцированием вопроса к суждению. Второе, наиболее заметное в последнее время: рассмотрение логической структуры вопроса как самостоятельной и полностью отличной от логической структуры суждения. Однако, результаты исследований показали, что оба направления не стали плодотворными. Логическая структура вопроса оказалась не сводимой полностью к логической структуре суждения в силу неопределенности отдельных элементов вопроса. Но вопросу, как специфической форме мышления, не находили места в логической структуре познания, поскольку от дедуктивной системы познания никто не собирался отказываться. Однако, если исходить из единого принципа познания, каковым является концептуальное отражение мира и построения отношений с ним, наличия различных этапов, форм в этом едином процессе, когда наше знание сначала принимает форму концептуально-гипотетического знания, а затем объективно-истинного, с неизбежностью можно прийти к выводу, что логическая структура и вопроса, и суждения по существу идентичны. Данное обстоятельство обуславливается тем, что в них, как в различных формах одного познавательного процесса, должен быть заложен единый логический принцип, заключающийся в соответствии элементов той и другой форм познания. Таким единым принципом выступает концептуальная основа познания. В первую очередь нас интересует специфическое отражение в логической структуре различных форм познания, т. е. в вопросе и в суждении.

Любой процесс находит свое отражение в свернутом виде, в своем результате. Как известно, сущностью импликации в логике называют взаимосвязь двух элементов. «Импликация $p \rightarrow q$ говорит об определенной связи двух объективных явлений, а именно: если имеет место явление, выраженное p , то имеет место и явление, выраженное q »⁴³. В естественном языке все это выражается союзом «если, то...», и показывает характер следования, т. е. если имеется явление А, то обязательно имеется и явление В. Перед нами — выраженный в самой общей форме принцип взаимосвязи явлений.

В языке имеется довольно много союзов, соответствующих союзу «если, то...», т. е. союзов следования. Древнегреческие грамматики не без основания называли их

⁴³ Зегер В. Элементарная логика.— М., Высшая школа, 1985, с. 60.

«силлогистическими союзами». Это и не удивительно, а закономерно, если исходить из всеобщности принципа следования, и вывода, принятого во всех языках.

В русском языке можно обнаружить такие силлогистические союзы как «следовательно», «стало быть», «поэтому», «и так», «но», «но однако», «если», «если только», «напротив того», «так как», «например» и др.

Эти союзы указывают на следование одного явления за другим или из другого, на причины возникновения явлений, на их взаимозависимость и т. д. В данном случае мы не рассматриваем простого, не связанного с причиной, следования явлений одного за другим в пространстве и во времени.

Но импликация или силлогистические союзы отражают не прямо закон причинно-следственных зависимостей, а опосредованно; логический союз же, в свою очередь, отражает только причинную связь **понятий**. В отличие от естественных связей природных явлений, когда имеет место их непрямое следование, в импликации причинная связь между субъектом и объектом обязательна. Это означает, что если имеется понятие *p*, то оно выступает основанием существования *q*.

Суждение, как форма мышления, безусловно отражает объективную связь предметов и явлений, но отражает ее специфическим образом в виде связи двух понятий. Если мы возьмем суждение «все люди смертны», то в нем в качестве субъекта выступает понятие «все люди», а в качестве предиката — понятие «смертны», логическая структура которого выступает как «*p* → *q*». В этом суждении мы не оцениваем социальное явление о смертности всех людей, а лишь говорим, что понятие «смертны» имеет следственную связь с понятием «все люди», и что содержание понятия «смертны» зависит от понятия «все люди». Понятие «смертны» — производное от понятия «все люди», ибо только понятие «люди» определяет понятие «смертны», и без понятия «люди» второе понятие в данном суждении не имеет смысла.

Иногда бывает сложно определить причинно-следственную зависимость в суждении, и в результате оно рассматривается как простое следование одного явления за другим. Например, в суждении: «Когда я к тебе прихожу, то никогда не застаю тебя дома». Отсутствие приятеля дома может быть не связано с моим приходом; в этом примере нет причинно-следственной связи. Но если рассматривать это суждение как единое и цельное, как концептуальное образование, то причинно-следственная зависимость прослеживается довольно четко и определенно. И в самом деле, понятие «когда я к тебе прихожу», безусловно связано с понятием «то никогда не застаю тебя дома», т. е. понятие «приходить» связано с понятием «отсутствие». В данном случае понятие «отсутствие» связано следствием с понятием «приходить». Иначе говоря содержание понятийного образования «когда я к тебе прихожу» обусловлено понятийным образованием «никогда не застаю тебя дома».

Еще один пример. Когда мы рассматриваем суждение: «Колумб открыл Америку», то в нем содержание понятия «Колумб» выступает основанием образования содержания понятия «открыл Америку». Если мы возьмем суждение: «Колумб — это генуэзец», то содержание понятия «Колумб» определяет содержание понятия «генуэзец» для данного суждения, в данном концептуальном положении. Каждое понятие имеет свое содержание лишь в системе других **понятий, представленных** в качестве системы, имеющей концептуальное построение и обусловленной причинно-следственной зависимостью. Только в этом ракурсе необходимо каждый раз рассматривать содержание того или **иного** понятия, и только в этом случае оно и имеет какое-то определенное содержание. Между тем, каждое понятие не может иметь бесконечное множество содержаний; имея бесконечное множество вариаций, его содержание всегда сохраняется. Так понятие «Колумб», как открыватель Америки — это одно, но понятие

«Колумб», как генуэзец — это другое. Они могут пересекаться и иметь некоторую основу, но в разных контекстах у них различное понятийное содержание. Импликация $p \rightarrow q$ показывает зависимость двух понятий.

Таким образом, логической основой любой формы познавательного процесса служит определенная взаимосвязь понятий, которая выражается причинно-следственной зависимостью: любое рассматриваемое понятие может быть образовано только на основе другого, других понятий. Чисто формально эта зависимость принимает вид $p \rightarrow q$.

Эта логическая форма присуща всем высказываниям и вопросительным, и утвердительным. Однако в каждой из них она имеет свою интерпретацию, которая определяется содержанием знания. Структура причинно-следственной зависимости в вопросительном предложении имеет не утвердительный, как в суждении, а гипотетический вид. Это означает, что как концепция, она имеет полное утвердительное звучание и причинно-следственную связь, но по сути остается возможно истинным знанием; и до тех пор пока не будет проверена или доказана, она остается гипотетической связью.

В вопросительных предложениях нередко под сомнение ставится именно причинно-следственная связь, т. е. выступает ли понятийное содержание предиката производным от понятийного содержания субъекта, хотя и предикат, и субъект как понятия известны, они нашли свое выражение в концептуальном знании. В суждении «Колумб открыл Америку» определена эта связь: понятие «открыл Америку» оказывается производным от понятия «Колумб». Но если данное суждение получает вопросительную форму — «Колумб открыл Америку?», то эта связь ставится под сомнение.

В таком случае нельзя говорить о первичности или вторичности одного из них. Выражение содержания явления в понятийной форме возможно лишь в случае, если определена взаимосвязь понятий в их некоторой системе, т. е. в концептуальном знании. И характер взаимосвязи понятий определяется содержанием самого явления. Разрешение этого противоречия оказывается возможным в случае, если представить то или иное понятие в качестве такой же системы рассуждений, но в свернутом виде, в результате чего она и приобретает свою определенность. Но в связи с другими понятиями ее определенность как элемента этой системы становится гипотетической, и таковой остается до тех пор, пока не установится истинность взаимосвязи этих понятий, как элементов этой общей системы. Чаще всего путаница происходит тогда, когда смешиваются явление как элемент большей системы, и как самостоятельный объект в виде этого элемента; и те законы, которые действуют на уровне его как элемента, не действуют на его уровне как целостного объекта.

КАК РЕШАЕТСЯ ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВОПРОСА?

Мы выяснили, что логическая структура вопроса оказывается полностью идентичной логической структуре суждения. Таким и представляет собой выражение: если S, то P, или ($S \rightarrow P$).

В принципе, эта мысль не нова, и такие попытки уже были. «Вопрос представляет особое суждение, в котором различаются субъект, предикат и связка. Характерной особенностью этого рода суждения является наличие элементов неизвестности. Порою эта неизвестность порождает связку между субъектом и предикатом..., порою субъект..., порою же

предикат...»⁴⁴ Мы видим, что перед нами, можно сказать, самое непосредственное сведение вопроса к суждению. В последствии об этом стали говорить более осторожно; но самое главное в последующих исследованиях стали искать некоторую общую основу для такой редукции.

Отличие нашего сведения вопроса к суждению заключается в том, что здесь нет никакого сведения, они выступают как одно и то же выражение, но только приобретают различные формы в едином процессе сознания. Редукция вопроса к суждению была приемлема для вопроса первого типа, но оказалась полностью неприемлемой для вопроса второго типа. И в самом деле, если в вопросе «Колумб открыл Америку?» можно выделить все три части логической структуры суждения с элементом неопределенности одного из них, то в вопросе «Кто открыл Америку?» один из элементов трехчленной структуры полностью отсутствует. Это послужило поводом к тому, чтобы отказаться от сведения логической структуры вопроса к логической структуре суждения и рассматривать первое как полностью самостоятельное и специфическое образование. Но при анализе логической структуры вопроса и в попытках рассмотрения ее через суждение нередко забывали о том, что вопрос обязательно соединен с ответом, что они вместе выступают как единое целое. Об этом вспоминали только при анализе второго типа вопроса. Чаще всего получалось так, что вопрос рассматривался как предложение, имеющее вопросительный характер. Ответ находился по другую сторону вопроса — у отвечающего и имел свою независимую логическую структуру; он связывался с тем, что снимал неопределенность неизвестной части вопросительного предложения. Сам же по себе ответ имел логическую структуру полностью идентичного суждения; таким он рассматривался, и ни у кого не вызывало никаких возражений.

И в самом деле, ответ — это утвердительное положение, которое так выступает в системе вопроса и ответа. Однако, сразу же возникал целый ряд сложностей: почему вопрос, как форма мысли, рассматривается в качестве вопросительного предложения без ответа?; если вести речь о вопросно-ответных отношениях, то почему в логической структуре вопроса нет места логической структуре ответа?; наконец, почему вопрос имеет один логический статус, а ответ другой?; имеются и другие сложные, неясные моменты.

Мы выяснили, что ответ имеет относительную самостоятельность и обладает своей собственной структурой, что природа его связи с вопросом оказывается довольно сложной и что она значительно сложнее, чем это предполагали логики, когда решали логическую природу ответа. Все это привело к попыткам каким-то образом соединить вопрос и ответ в единую логическую структуру вопросно-ответных отношений, в частности, в связи с попытками логического исчисления вопросов, т. е. представления последних в некоторой взаимосвязи. Эту проблему нельзя было решить без обращения к ответу, к его логической структуре и его взаимосвязи с вопросом.

Логическая интерпретация системы вопроса и ответа осуществлялась, довольно интересно, хотя и упрощенно: вопрос рассматривался как элемент общей логической структуры вопроса и ответа без обращения к собственной логической структуре. Аналогично рассматривался и ответ, т. е. без своей внутренней структуры. Так вопрос первого типа рассматривался как $Q?$ (X, X_n), вопрос второго типа как $(X_1 \dots X_n) Q?$ В приведенных примерах, вопрос первого типа состоит из двучленной матрицы ответа; во втором типе вопроса матрица ответа остается неопределенной. Но в любом случае ответ рассматривается

⁴⁴ Филлипов А. О. О сущности суждений. Наукові записки катедриш історії європейської культури. Харків, 1929, вып. 3, с. 183.

как нечто отличное от вопроса, даже в вопросе первого типа, когда матрица ответа по существу полностью повторяет матрицу вопроса.

Нет сомнения в том, что ответ отличается от вопроса (не только первого типа), и что они между собой взаимосвязаны. Но если отличие их понятно и объяснимо, то проблема логической взаимосвязи вопроса и ответа остается далекой от своего решения; и представление о логической структуре вопросно-ответных отношений, как состоящей из вопроса и ответа (матрицы определенных ответов), конечно явно недостаточное.

В литературе по логической структуре вопроса, в нашем представлении, лишь, однажды было сделано замечание, показывающее зависимость вопроса и ответа, которое позволяло сделать необходимый нам вывод. К сожалению, этого не произошло. Для того, чтобы понять суть этого замечания, мы приведем выдержку из книги К. А. Сергеева и А. Н. Соколова «Логический анализ форм научного поиска»: «Элементарный (или матричный) ответ — это такое предложение, которое имеет структуру вопроса. Элементарным ответом на вопрос первого типа является сама матрица этого вопроса или ее отрицание; так на вопрос U элементарным ответом является U или $\neg U$ »⁴⁵.

Иначе говоря, этот дихотомический вопрос содержит в себе ответ, а точнее, содержание ответа такое же, как и вопроса. Однако в вопросе оно находится в неопределенном состоянии, или как возможное истинное знание, в отличие от положительного знания, содержащегося в ответе. Отсюда следует, что ответ представляет собой лишь подтверждение или отрицание содержания вопроса, а в конечном итоге подтверждение или отрицание и нашей концепции. Как следует из приведенной выдержки (в неявной форме у авторов это есть), и вопрос, и ответ по своему содержанию — идентичны.

Сказать, что вопрос и ответ представляют одно и то же, еще не достаточно (как впрочем и утверждать, что они различаются). Если мы сказали, что вопрос и ответ по своему содержанию одно и то же (а в дихотомических вопросах, или вопросах первого типа это видно невооруженным глазом), то соответственно и их логическая структура также должна быть идентичной. Ответ представляет собой суждение с утвердительным значением, со своей логической формой ($S \rightarrow P$), т. е. содержит субъект, предикат и связку; и какой бы ответ мы ни взяли, он будет иметь эту логическую трехчленную структуру, если S , то P . Следовательно, если ответ имеет логическую структуру суждения, и если его содержание полностью идентично содержанию вопроса, то значит и логическая структура их одинакова т. е. $S \rightarrow P$. Тем самым мы подошли к решению поставленной проблемы, и логическую форму вопроса (во всяком случае без сомнения для первого типа вопроса), можно записать следующим образом:

$$[(S \rightarrow P) \vee (S \rightarrow P)] ?$$

Читается таким образом: («Колумб открыл Америку» или «Колумб не открыл Америку?»). В таком виде вопрос предстает перед отвечающим, который и выбирает один из вариантов ответа, т. е. соглашается или не соглашается с мыслью о том, что Колумб открыл Америку. Как видно из приведенной логической структуры, она практически идентична для первой и второй половины.

В научном обиходе существовало мнение о том, что исходя из природы дихотомических вопросов можно считать вопрос и суждение идентичными по своей логической структуре. Все было бы хорошо, однако подобное мнение не укладывалось в

⁴⁵ Сергеев К. А., Соколов А. Н. Логический анализ форм научного поиска.— Л., Наука, 1986, с. 12—13.

структуру вопроса второго типа, например: «Кто открыл Америку?». Здесь ответ вроде бы и имеется в вопросе, во всяком случае его **элементы**, но представить его как логическую структуру ответа и таким образом идентифицировать их содержание, как в вопросе первого типа, практически не удалось. Впрочем попытки такие были. Авторы, на исследования которых мы ссылались, далее писали: «Элементарный ответ на вопрос второго типа есть предложение, которое образуется в результате подстановки постоянных (C1 ... Cn) на место (X1 ... Xn) в матрице вопроса при условии, что такие постоянные относятся к объему неизвестных в данном вопросе, т. е. элементарным ответом на вопрос (X1 ... Xn) является выражение и (C1 ... Cn). Например, на вопрос: «Кто открыл Америку?» элементарными ответами являются следующие предложения: «Колумб открыл Америку», «Магеллан открыл Америку» и т. д.⁴⁶

В вопросе второго типа на место неизвестного, обозначаемого вопросительным оператором, подставляются какие-то постоянные, которые (во всяком случае потенциально) могут быть ответом на данный вопрос.

Но ведь по сути дела здесь речь идет о переводе вопроса второго типа, или сложного вопроса, к дихотомическому. Вопрос: «Кто открыл Америку?» можно представить серией дихотомических вопросов, например: «Магеллан открыл Америку?» (с альтернативами «да», «нет»); «Колумб открыл Америку?» — («да», «нет») и т. д. И хотя авторы об этом не говорят, тем не менее по существу они подталкивают нас к правильному ответу.

Встречаются и прямые высказывания о сведении вопроса второго типа к вопросу первого типа. В частности, можно встретить следующее положение у Ю. И. Зуева: «Поскольку в многочленном вопросе требуется избрать один из нескольких элементов предиката, поскольку он может быть представлен как такой вопрос, который включает в свой состав в каждом данном случае строго определенное количество известных двучленных вопросов. Вот почему ответ на многочленный вопрос сводится в конечном счете к ответам на соответствующий двучленный вопрос. На самом деле, чтобы ответить на вопрос «это слово — дополнение или обстоятельство места?» мы должны ответить на соответствующие двучленные вопросы: «Это слово — дополнение?», «Это слово — обстоятельство места?»⁴⁷

К сожалению, автор только высказал эту мысль, но не обосновал природу этого явления. Не показал, почему элемент предиката в многочленном вопросе (или вопросе второго типа) может быть представлен как содержащий определенное количество двучленных вопросов и каким образом этот многочленный вопрос может быть сведен к серии двучленных вопросов. Ограничившись дизъюнктивным вопросом (который и в самом деле очень хорошо и просто раскладывается на два дихотомических вопроса), мы не сможем понять каким образом другие многочленные вопросы (недизъюнктивного характера) могут быть выражены через двучленные вопросы. А на самом деле это очень важно, поскольку не всегда можно однозначно свести вопросы первого типа ко вторым, если не вскрыть их логическую природу.

Если же количество возможных ответов будет хоть каким-либо образом ограничено, то так можно было бы поступить и это был бы хороший выход из сложного положения по определению логической структуры вопроса. При неограниченном количестве возможных ответов, как в выше приведенном примере, сведение вопроса второго типа к дихотомическому по существу теряет смысл. Поэтому вопрос второго типа стали рассматривать как особый

⁴⁶ Сергеев К. А., Соколов А. Н. «Логический анализ форм научного поиска», -Л., Наука, 1986, с. 12—13.

⁴⁷ Зуев Ю. И. К логической интерпретации вопроса. *Логико-грамматические очерки.* —М., Высшая школа, 1961, с. 121.

специфический вопрос, имеющий свою структуру и по существу определяющий всю логическую природу вопроса.

И тем не менее сведение вопроса **второго типа** к вопросу первого типа, т. е. к дихотомическому, имеет большой смысл и **принципиальное** значение, поскольку в нем находится решение проблемы логической структуры вопроса. Но для этого необходимо определить природу вопроса второго типа, пути его образования, соотношение в нем известного и неизвестного и др.

ПРИРОДА ИЗВЕСТНОГО И НЕИЗВЕСТНОГО В ВОПРОСЕ

В литературе по **эротетической** логике в качестве центрального момента при анализе логической структуры вопроса является соотношение известного и неизвестного или ассерторической и гипотетической частей. Основная трудность заключается в установлении того, что считать известным и неизвестным в вопросе и каково их соотношение.

Мы уже говорили, что вопрос не содержит в себе как самостоятельные части известное и неизвестное (факт очевидности не позволил решить эту проблему) поскольку он представляет собой такое же концептуальное образование, как суждение, но носящее возможно истинный характер. Однако если верить своим глазам, то вопрос явно содержит в себе неизвестное, поскольку содержит вопросные операторы — «кто», «что», «почему» и т. д., что и свидетельствует о наличии неизвестного.

И в самом деле трудно не согласиться с тем, что вопрос содержит в себе и известное, и неизвестное. Однако, известное и неизвестное имеется в вопросе не в качестве самостоятельных частей его структурного построения. Более того, можно высказать и парадокс: известное и неизвестное в нем — это одно и то же, но имеющее различное **сущностное** выражение. Основной слабостью в литературе по эротетической логике — в анализе соотношения известного и неизвестного в вопросе стала их неопределенность.

Если в русле нашего исследования посмотреть внимательно на вопрос второго типа, то можно обнаружить интересную зависимость от вопроса первого типа. Например, прежде чем ответить на вопрос: «Кто открыл Америку?», необходимо сначала получить положительный ответ на вопрос первого типа: «Америка была открыта?». Получается так, что вопрос второго типа представляет собой некоторое продолжение вопроса первого типа; и первый оказывается основным для второго. После того, как наше концептуальное положение, заложенное в вопросе первого типа, получило положительное значение, я могу задавать целую серию дополнительных углубляющих, уточняющих, развивающих вопросов, например: «Кто открыл Америку?», «Как ...?», «Когда ...?», «Почему ...?» и т. д.

Но определяющим концептуальное положение как положительное может быть не только вопрос первого типа. Так, например, вопрос: «Кто открыл Америку?» может устанавливать общее концептуальное положение о том, что Колумб открыл Америку, а последующие вопросы развивают его. Более того, любой последующий вопрос развивает концептуальное положение, наполненное предыдущим. В вопросах: «Кто открыл Америку?», «Когда ...?», «Как ...?» и т. д. происходит в одно и то же время развитие общей концепции. Очень важно заметить, что при одних и тех же терминах: «открыл Америку» концептуальное понятийное содержание каждого отдельного вопроса меняется.

Положение о соотношении вопросов первого и второго типа рассматривалось в нашей литературе. Так, Зуев Ю. И. писал: «Все рассмотренные виды альтернативного вопроса (двучленные и многочленные) образуют стройную систему: каждый из них определенным

образом связан с вопросом другого вида, фиксируя собой определенный этап познания фактов действительности, каждый последующий вид двучленного вопроса в качестве своей основы предполагает утвердительный ответ на двучленный вопрос предыдущего вида, т. е. предикат вопроса предыдущего вида включается в субъект вопроса последующего вида. И, наконец, постановка многочленного вопроса предполагает утвердительные ответы на **соответствующие** двучленные вопросы»⁴⁸. Автор фиксирует внимание на том, что каждый вопрос — определенный этап познания, что каждый последующий этап познания (постановка вопроса и ответ на него) возможен только в случае получения ответа на предыдущий вопрос, получения — и это необходимо специально подчеркнуть именно утвердительного ответа. Лишь при соблюдении этих условий знание получает статус положительного, только после этого исследователь может двигаться дальше и развивать цепочку познания. Интересна мысль о причинно-следственной зависимости вопросов, когда предикат предыдущего включается в субъект последующего вопроса; т. е. только получив ответ на вопрос, определив некоторое следствие, сделав вывод (получив положительный ответ), этот ответ становится, основой для построения последующего вопроса и т. д. В контексте приведенного результата исследования подразумевается, что ответ на предыдущий вопрос обязательно принимает форму суждения. Не менее интересна и мысль, подводящая к положению о том, что постановка многочленного вопроса представляет собой развитие решения двучленного вопроса; это означает, что любой последующий вопрос (как и вообще любой вопрос, поскольку он всегда последующий) основан на прошлом знании, получившем статус утвердительного концептуального знания.

В нашем исследовании мы подчеркивали, что любое концептуальное знание имеет статус отдельного самостоятельного образования и находится в определенной взаимосвязи. Здесь необходимо отметить зависимость между суждением, как цельным образованием, и его элементами.

Суждение, содержащее в себе субъект, предикат и связку, в условиях деления (например, выделяется предикат, как самостоятельное понятие) сразу же принимает форму полного суждения (т. е. содержит в себе также субъект, предикат и связку). И сколько бы бесконечно долго мы не производили деление, каждый раз в обязательном порядке оно сохраняет логическую структуру полного суждения. Именно поэтому можно сказать, что в любом понятии содержится, как в капле воды, весь мир, все его прошлое; и точно такой же процесс происходит и при создании новых понятий. Если мы соединим два понятия, которые выступают в виде суждения, то их совокупность обязательно принимает форму отдельного и самостоятельного суждения, а соответственно имеет субъект, предикат и связку; и такой процесс может продолжаться до бесконечности. Поэтому можно сказать, что любое понятие обязательно содержит в себе и все будущее, что оно — это как бы фокус, в котором сконцентрировано все прошлое знание человечества, что дает возможность образовываться новому знанию. Бесконечно большое находится в бесконечно малом.

Но как только мы соединили два понятия, и они сразу же приняли форму самостоятельного и полного суждения, то в этот же самый момент возникает необходимость обозначения его в нашем сознании, т. е. определения его, как нового понятийного образования. Тем самым мы затрагиваем главную задачу вопросно-ответных отношений: получается, что концептуальное знание, как новое знание, становится таковым тогда и только тогда, когда некоторые понятия, представляющие собой старое знание, оказываются связанными между собой определенным образом и представляют собой новое понятийное образование; или, **если** мы определяем связь каких-либо старых понятий, то тем самым

⁴⁸ Зуев Ю.И. Указ. соч., с. 121.

создаем новое понятийное образование, обозначающее принципиально новое знание. В принципе ничего нового в этих рассуждениях нет, именно таким образом строится силлогизм, образуется некоторое третье понятие, имеющее статус принципиально нового выводного знания. Но сам вопрос второго типа: «Кто ...?» еще не содержит в себе нового концептуального знания даже в гипотетическом виде. Здесь имеются лишь прошлые концептуальные построения в виде понятий. Концепция будет заложена в ответе, т. е. в новом концептуальном выражении элементов прошлого знания и образовании нового понятия. Концептуально-гипотетическую форму она примет в вариантах ответов, которые фактически выразят эту концепцию в форме вопросов первого типа.

Вернемся к вопросу: «Кто открыл Америку?». Вопросный оператор здесь не является частью вопросительного предложения, он только указывает, что нам необходимо узнать нечто, а именно то, что заложено в ...известной части. И в самом деле, нам известны, понятия «открыл», «Америка» (в данном случае мы берем их как известные). Взятые понятия нам известны только как отдельные и самостоятельные, но нам неизвестно, что образовалось при их соединении.

Мы уже констатировали, что в сознании человека ничто не может существовать, если не обозначено каким-либо образом в речевом выражении, принимающем знаковую (словесную) форму, которая впоследствии примет понятийную форму. Если мы соединили вместе несколько известных понятий, то с необходимостью **появляется** потребность дать определение этому новому образованию, которое впоследствии примет форму нового понятийного образования. Это проделает если не спрашивающий, то отвечающий; и на это по существу указывает вопросный оператор «Кто...?», т. е. просит дать определение новой совокупности понятий. Давая определение этому новому понятийному образованию, мы фактически получаем ответ на вопрос. Получается так, что ответ на вопрос второго типа **заклучен** фактически в нем самом. Правда — не сам ответ, а его возможность, заложены только исходные данные для него, как некоторые признаки нового знания, как элементы некоторого старого знания или известных понятий, которые и позволяют по признакам найти ответ (как преступника находят по некоторым полным или неполным данным). Чем полнее основные признаки, чем их больше, чем они точнее, тем быстрее можно найти ответ и наоборот. Если имеется необходимое и достаточное количество признаков, то вопрос строится спрашивающим как дихотомический; если нет их полноты, то вопрос принимает форму второго типа.

Как правило, известным в вопросе бывает наше прошлое знание, выраженное в понятиях. Новое знание может заключаться в совокупности понятий, которую необходимо каким-то образом **определить**. Это можно сделать примерно, так как делается в кроссворде.

Например: «Мореплаватель, открывший Америку? В данном вопросе имеется некоторая совокупность понятий, выступающая нашим прошлым знанием. Элементы этих понятий, как признаки, позволяют найти, если оно имеется в нашем прошлом знании новое понятие, то новое, которое в полной мере будет характеризовать представленную совокупность понятий в вопросе. Если его нет, то оно будет с необходимостью определено. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае, как и во всех других, речь идет, как правило, об элементах предлагаемых в вопросе понятиях. Так, понятие «Америка» в данном случае воспринимается как географический материк, понятие «открывший» воспринимается как географическое открытие, а «Мореплаватель» — только в контексте географических открытий. Если указанных признаков оказывается недостаточно, то спрашивающий волен ввести новые признаки уже имеющихся или новых общих понятий.

На основании приведенных аргументов, суждений, доказательств мы приближаемся к тому, чтобы внутренне согласиться с положением о том, что новое и старое знание или известное и неизвестное — это по существу не две части вопроса, а его **сущностное** выражение в двух формах: как прошлое знание — в виде отдельных понятий и новое знание — как некоторая совокупность прошлых знаний, **обозначенных** новым понятием — ответом.

Однако старое понятие нельзя использовать для образования нового понятия, если характер последнего не включает в себя элементы старого понятия, если только оно не оказалось каким-либо образом трансформированным изменением объективной реальности. Нередко так оно и получается, когда из понятий, вроде бы никоим образом не **стыкующихся** друг с другом, образуется новое, способное отражать какую-то новую связь, форму проявления и т. **д.** объективной реальности.

Необходимо также отметить, что понятийное деление, которое мы производим, можно проводить до бесконечности долго, давая развернутое определение все новым и новым понятиям. Если **вопрос** очень сложный, то примерно так и делается; если — не очень сложный, то ограничиваются определением исходных и первичных понятий. Однако, когда определена совокупность исходных понятий, тогда встает задача по терминологическому определению этой совокупности.

Уместно **обратить** внимание на то, что в новое понятие вводятся такие элементы, которых не было в старых понятиях. Это означает, что новое понятие — это не только совокупность старых понятий, но и введение в него новых элементов, которые не были существенными для старых или вообще отсутствовали в них. Если теперь сравнить содержание нового и старых понятий, то окажется, что они почти полностью идентичны — но только почти, что и делает совокупность старых понятий новым знанием.

При поиске обобщенного понятийного определения, т. **е.** ответа, можно идти двумя путями:

1. он находится в нашем прошлом знании;
2. если его нет в прошлом знании, создается новое понятийное определение.

Процедура такова: находится новое понятийное определение, сравнивается с имеющимся, заложенным в вопросе, и если оно полностью совпадает, то принимается как истинное; **если** не совпадает или совпадает частично, то отбрасывается как неверное. Есть такие элементы в понятии, которые сразу же отсекают возможность введения их в новую совокупность понятий. Если понятие известно, как в кроссворде, то в наличии имеется простой информационный вопрос, если не известно, то он приобретает статус проблемы, задачи.

Таким образом, ответ — это процесс нахождения, определения нового обобщенного понятия, а вопрос — искусство соединения в **себе** некоторых старых понятий. Однако необходимо подчеркнуть, что речь идет не о простом соглашении людей, договаривающихся между собой о том, как они будут называть совокупность старых понятий; если посмотреть вглубь этого процесса, то можно сразу заметить, что речь идет об отражении в новых понятиях постоянно развивающейся **объективной** реальности.

ВОПРОС БЕЗ КОНЦЕПЦИИ

Нами установлено, что набор возможных ответов на вопрос второго типа, представляет собой выработку определенного концептуального знания. Количество вариантов ответа, также как и возможных концептуальных построений, не может быть бесконечным, даже при

потенциальной возможности бесконечного количества вариантов ответа. Их конечность определяется тем прошлым знанием, которое было заложено в используемые понятия, а, следовательно, изменением описываемого фрагмента объективной реальности. Когда задают вопрос: «Кто открыл Америку?», то область поиска ограничена понятиями «открыл» и «Америка», которые определяются контекстом общения спрашивающего и отвечающего. И если для спрашивающего область поиска ответа является безграничной, как например, для познающего ребенка, то ответ может не состояться. Это означает, что спрашивающий не обладает необходимым уровнем знания ни для формулирования основного вопроса, ни для ответа. Для того, чтобы сформулировать вопрос необходимо предварительно найти ответ на серию уточняющих **частных** вопросов. Именно таким образом решаются глобальные вопросы типа проблема, задача, выработка новой теории и т. д. Область поиска таким образом всегда ограничена, и вариантов ответа всегда имеется конечное число.

Если отвечающий не дал свой ответ, то это означает, что для него он был сформулирован или построен неправильно. Предлагаемое ему прошлое концептуальное знание оказалось вне поля его деятельности.

Но и отвечающий всегда выдвигает варианты ответа, которые строятся на основе его прошлого знания. Однако еще не могут рассматриваться в качестве ответа на вопрос, они представляют собой лишь варианты возможных ответов, которые могут и остаться таковыми, пока не будет найден единственно правильный ответ (или несколько правильных ответов). В вопросе второго типа спрашивающий и отвечающий меняются местами, но суть остается той же самой. Спрашивающим строится общий вопрос с предельно допустимой областью поиска ответа на него. В свою очередь, отвечающий предлагает ряд возможных ответов, который может быть также довольно большим, но всегда конечным. Затем идет сужение области поиска и сокращение **вариантов** ответа до того момента, пока не будет определен единственный **истинный** ответ или сразу несколько истинных ответов.

Сужение области поиска и нахождение **истинного** ответа происходит путем уточнения исходных понятий, тех понятий, которые выступают элементами нового понятийного образования. Причем даже не столько самого понятия, сколько его части, той части, которая входит в общее понятийное образование. Этот процесс — наиболее трудное дело. Если общее понятие обладает более или менее широкой известностью, то такой особенностью может и не обладать какая-либо часть, которая вошла в новое понятийное образование. Уточнение того или иного аспекта данной («какой-либо») части общего понятия происходит тем же самым способом, что и выработка концепции, т. е. посредством системы вопросно-ответных отношений. Каждый раз это оказывается самостоятельным актом выработки определенного концептуального знания для данной системы отношений субъекта познания и некоторой **объективной** реальности. Именно таким путем идет поэтапная отработка каждого варианта ответа.

Ответ всегда представляет собой один из вариантов дихотомического вопроса. Даже если вопрос второго типа подразумевает несколько истинных ответов, то и в этом случае каждый ответ будет представлять собой в свернутом виде вопрос первого типа.

По сути дела вопрос второго типа — это псевдovoпрос, который не содержит в себе полной концептуальной установки, а заключает в себе лишь предпосылки концептуального знания, причем нередко весьма неопределенные. Вопрос второго типа служит лишь показателем нашего незнания. Поскольку ответ всегда представляет собой положительное суждение со всеми присущими ему атрибутами **концептуального** знания, вопрос второго типа практически не может иметь такого ответа. Сама постановка лишь указывает на область

поиска ответа для отвечающего и в лучшем случае она бывает небольшой. И только отвечающий приводит этот псевдovoпрос к концептуальной форме вопроса, т. е. к формулировке **определенного** концептуального знания, которое возвращается к спрашивающим уже в виде вопроса первого типа. Именно поэтому любой вопрос второго типа через серию превращений всегда сводится к дихотомическому вопросу, одна из частей которого обязательно истинна, или обладает большой долей вероятности этой истинности. Само по себе появление ответа, даже если он не будет истинным, возможно только посредством сведения вопроса второго типа к дихотомическому.

И хотя вопрос второго типа мы называем псевдovoпросом, во всяком случае с позиций определения содержательной сущности вопроса как концептуально-гипотетического, он тем не менее существует как форма выражения определенного знания. Вопрос второго типа представляет собой выражение частичного знания, в то время как вопрос первого типа — полного концептуального знания.

На наш взгляд, имеются все основания, чтобы вопрос второго типа считать вопросом, выражающим только прошлое знание. Он не содержит в себе момент неизвестного. Вопросный оператор, только указывает на то новое, что и необходимо получить, но уже в дихотомическом вопросе, и в ответе. Если в вопросе первого типа искусственно снять знак вопроса, то он сразу же может превратиться в полноправное суждение. Однако, в вопросе второго типа этого сделать нельзя; и если в нем снять вопросный оператор (и соответственно знак вопроса), то оставшееся предположение окажется незаконченным, т. е. не будет иметь статуса полноправного суждения. Сравним, к примеру, выражения — «Кто открыл Америку?» и «открыл Америку», или же оно может приобретать совершенно другой смысл: «Почему звезды падают на землю?» — «Звезды падают на землю».

Следовательно, наш анализ показывает, что вопрос второго типа не имеет нового законченного и полного знания, а соответственно и структуры, адекватной этому полному знанию. На деле имеется лишь указание на неполное знание.

Вопрос второго типа это как бы промежуточный этап между незнанием, частичным знанием и полным концептуальным знанием (В этом смысле перед нами — очень интересное образование). Если внимательно посмотреть на постепенное преобразование этого вопроса, то можно увидеть весь путь прохождения сознания в познавательном процессе — от концептуального незнания ко все более большему приближению к завершеному знанию. Этот процесс будет проходить до тех пор пока не будет образован дихотомический вопрос. Первая форма такого вопроса: «Что это?» применяется тогда, когда поле поиска практически неограниченно. Затем образуется широкий круг возможных ответов. По мере анализа менее вероятные ответы отбрасываются и круг возможных ответов сужается, хотя и остается довольно большим. И только на последних этапах количество вариантов ответа сводится к двум, трем или нескольким, каждый из которых имеет дихотомическую структуру, фактически — это уже не ответы, а дихотомические вопросы. Процесс сужения количества вопросов ответов в вопросе второго типа происходит путем образования системы вопросно-ответных отношений.

Таким образом, сведение вопроса второго типа к дихотомическому представляет собой процесс сокращения возможных вариантов ответа. Конечный результат этого поискового процесса — выработка единственного концептуально-гипотетического вопроса, имеющего дихотомическую форму. Сведение вопроса второго типа к вопросу первого типа рассматривается как движение от полного (относительного) незнания к полному (относительному) знанию. Мы всегда начинаем наши рассуждения (независимо с самим собой

или с другим собеседником), с момента полного незнания и вопроса: «Что это?» или «Кто это?», и всегда заканчиваем этот процесс полным концептуально-гипотетическим знанием и вопросом первого типа, т. е. в конечном итоге задаем вопрос: «Это то?»

В свою очередь, и дихотомический вопрос начинает движение познания, в котором ответ выступает в виде аксиоматического знания. И здесь нет противоречия с положением высказанным выше. Вопрос второго типа лишь указывает на то, что мы не имеем знания, но сам процесс выводного знания начинается только с ответа на дихотомический вопрос. Вопрос второго типа лишь обозначает процесс движения мысли от незнания к знанию, от менее полного знания к более полному. Протекание этого процесса осуществляется лишь в системе дихотомических вопросно-ответных отношений и только в результате специального соотношения ответов на дихотомические вопросы. Вопрос второго типа не участвует в системе выводного знания, поскольку не имеет **концептуального** знания. Непонимание принципиального различия между вопросами **первого** и второго типа возникает тогда, когда одними и теми же понятиями описывают различные проявления объективной реальности или когда разными понятиями описывают один и тот же объект. Так, известное в вопросе первого типа и в вопросе второго типа — это различные формы знания (и в нашей работе мы уже обращали внимание на данное обстоятельство), но они описывают порой их одним понятием — «знание»⁴⁹.

Как понятия, вопросы первого и второго типа различаются, поскольку они описывают различную объективную реальность. В первом случае понятием описывается полное концептуальное знание, хотя и как гипотетическое, во втором — наше прошлое знание, но не имеющее нового концептуального выражения. В литературе эти понятия, как правило, отождествляются, т. е. и тот, и другой вопрос рассматривают как, требующие информации и содержащие наряду с известным и неизвестное; были также попытки рассмотрения их структуры как идентичной, но имеющей свои модификации. А на деле получилось, что именно эти модификации позволили, с одной стороны, свести один тип вопроса к другому, а с другой — сделать акцент на их принципиальном различии.

Уместно сделать и еще одно замечание. Оно о том, что по существу термин «сведение» вопроса второго типа к дихотомическому в принципе неправильный. В действительности происходит не сведение одного вопроса к другому, а описание объективной реальности в дихотомических вопросах, с помощью которых она изучается, и тем самым получается новое знание. Можно сказать, что вопрос второго типа — это только область действия дихотомических вопросов. Когда задается вопрос: «Кто открыл Америку?» с требованием назвать имя человека, то это не вопрос в его прямом и истинном понимании, а лишь указание на то, что имеется определенная область, которая описывается, очерчивается конкретным прошлым знанием и которая представляет собой совокупность признаков для поиска ответа, т. е. для выработки концептуального знания. Эта область описывается некоторыми понятиями, на основе которых и определяется концептуальное знание. Но это не ответ на вопрос: «Кто...?», а на вопрос первого типа, после серии возможных вариантов ответа: **Магеллан**, Колумб, **Америго Веспуччи** и т. д. открыли Америку. Это будет ответ на вопрос: «Колумб открыл Америку?» с альтернативами: «Колумб открыл Америку?» и «Колумб не открыл Америку?».

Однако данная парадоксальность необычна только с точки зрения обычного представления о вопросе как о требовании информации. Получается, что вопрос второго типа по форме как бы существует, а по содержанию как бы нет, поскольку не требует ответа.

⁴⁹ Нередко мы пытаемся найти за **нашими** понятиями такую объективную реальность, которой на самом деле не существует, или же пытаемся описать объективную реальность в старых понятиях.

И тем не менее вопрос второго типа так же остается вопросом, поскольку он так же требует информации. Однако требуется совсем другого рода информация, чем при ответе на вопрос первого типа. Фактически это — псевдovoпрос, понимаемый в том смысле, что не содержит концептуально-гипотетического знания. Но он остается вопросом, в качестве требования определить это концептуально-гипотетическое знание. Получается, что это вопрос из серии дихотомических вопросов, но его природа отличается от последних.

Чтобы понять природу и того, и другого вопроса надо понять их соответствие, а так же соотношение понятий между собой внутри того и другого типа. Вопрос первого типа может входить в вопрос второго типа так же, как и наоборот. Отношение между ними внутри и во вне определяются уровнем их общности. Если не принимать во внимание данное обстоятельство, то тогда нельзя понять различную природу вопросов и выполнение ими различных функций. Так в вопросе: «Колумб открыл Америку?» определяется область познания, которая описывается концептуально. Этим вопросом дается подтверждение о существовании определенной области концептуального знания. И при получении положительного ответа будет сформулирован следующий вопрос второго типа: «Кто такой Колумб?» Тем самым происходит развитие этого концептуального знания, но уже на втором уровне. Но этот второй уровень представлен некоторой областью нового знания. Это — тоже область знания, но его содержание, и общность и форма выражения отличается от того, которое заложено в первом типе вопросов. Следующая серия дихотомических вопросов описывает область поиска знания.

Имеется две разновидности вопроса второго типа: 1) когда область концептуального знания обязательно существует. Например, если получен положительный ответ о том, что Америка открыта, то обязательно возникает необходимость поиска концептуального знания о том, кто именно сделал такое открытие. Все вопросы второго типа, развивающие концептуальное положение вопроса первого типа (которые раскрывают, углубляют, уточняют и т. д. область знания, более общую по отношению к ним), обязательно имеют ответ. А он, в свою очередь, выступает частью этого концептуального знания, ее необходимым элементом.

Когда область поиска не содержит в себе ни одного истинного ответа. Так на вопрос: «Кто живет на Марсе?» истинного ответа не может быть, поскольку не определена область поиска концептуального знания: «Есть ли жизнь на Марсе?» Для того, чтобы ответить на него, необходимо задать серию дополнительных вопросов («Есть ли растения на Марсе?», «Имеются ли живые существа на Марсе?» и т.д.). И лишь при положительном ответе хотя бы на один из таких вопросов можно задавать другую серию вопросов второго типа, уточняющих концептуальное знание вопроса первого типа.

Необходимо отметить еще один важный момент. Сколько бы ни было в вопросе второго типа дихотомических вопросов, все они содержат в качестве неизвестного только один элемент: или предикат, или субъект, или связку. Именно данное обстоятельство и объединяет их в один вопрос; оно позволяет представить их в качестве единого вопроса второго типа. Это касается и такого многочленного вопроса, в котором возможное число членов не установлено; в принципе их может быть бесконечное количество, но при обязательном условии: среди них хотя бы один должен быть возможно истинным.

Таким образом, логическая структура вопроса определяется концептуальным знанием, которое имеет полный состав своих элементов. Иначе говоря, логическая структура вопроса определяется только дихотомическим вопросом или вопросом первого типа. Вопрос второго типа не имеет своей логической структуры, поскольку он представляет собой лишь выражение

серии дихотомических вопросов; причем не простого их собрания, а такого, которое имеет специфическое соотношение.

ОГРАНИЧЕННОЕ МНОЖЕСТВО

Соотношение в вопросе второго типа дихотомических вопросов, получивших название альтернативы, имеет целый ряд особенностей, о которых в научной литературе практически не говорили. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что совокупность альтернатив — это единое поле понятийного пространства, которое и позволяет определить тот участок общего понятия, который и будет истинным ответом. Можно выделить несколько принципов построения системы альтернатив. Вопрос второго типа может быть с неограниченным и ограниченным набором альтернатив, с полным и не полным понятийным делением, с **правом** ограниченного или неограниченного выбора и т. д. В зависимости от той или иной ситуации, описываемой вопросом второго типа, меняется и структура ответа и нередко весьма кардинально.

Вопросный оператор «кто», «что», «какой» и др. в вопросе второго типа предполагает бесконечное количество альтернатив. На самом деле бесконечного перебора возможных вариантов ответа никогда не бывает и на практике всегда происходит ограничение возможного выбора. Но для вопроса второго типа важно и это является принципиальным моментом, сохранение возможности бесконечного количества вариантов ответа, что позволяет иметь безграничное количество вариантов ограниченного множества альтернатив.

Ограничение возможных вариантов ответа происходит как в неявной, так и в явной форме. В естественном языке ограничение осуществляется контекстом общения. В искусственных языках, как например, социологическом, этот набор присутствует в явном виде и всегда в некотором ограниченном наборе. Принцип ограничения всегда присутствует, который определяет и особенности построения набора альтернатив. В зависимости от поставленной задачи, количество альтернатив и принцип их выбора может существенно меняться, а вместе с ними меняться и формулирование вопроса. Так в вопросе: «Кто читал эту книгу?» обязательно соблюдается правило возможных читателей данной книги, а не их бесконечное множество. Но кроме этого, вопросный оператор может не предполагать область собственных имен, а, например, область принадлежности по признаку.

Вопрос II типа может предлагать не один выбор из ряда предложенного, а два, три и бесконечное количество. Это класс вопросов с возможными ответами больше двух. Если мы спрашиваем, какие цвета или **цветосочетания** вы любите, то здесь может быть выбрано количество ответов больше двух. При этом количество выборов может быть ограниченным и совпадать с предложенным рядом. Но, возможно, что ограниченное количество выборов ответов (но больше двух), может не совпадать с предложенным рядом. Например, в вопросе: «Какая сегодня погода?», возможных вариантов ответа может быть три: плохая, хорошая и не очень хорошая, с правом выбора только одной альтернативы. Если спрашивается: «Какая художественная литература имеется в Вашей библиотеке?» с ограниченным рядом возможных ответов, то как бы велик он не был, возможные варианты выбора в принципе не ограничены и может совпадать с предлагаемым рядом альтернатив. Когда я спрашиваю: «Какие цветы растут у Вас в саду?», здесь возможен ограниченный выбор при ограниченном предложенном варианте ответов, которые могут **не** совпадать. Но каждый раз и количество **предложенных** вариантов ответов и возможные варианты выбора ответов диктуются задачами исследователя.

Варианты ответов по существу есть раскрытие основного понятия, заложенного в вопросе. В разговорной речи данное понятие раскрывается контекстом общения, в искусственных языках набором альтернатив. И в самом деле, без контекста общения содержание вопроса остается неясным и только обозначив его специально выбранными альтернативами, можно раскрыть, расшифровать понятийное содержание вопроса.

В этом плане набор альтернатив может полностью описывать понятийное содержание вопроса или его большую часть при неполном наборе альтернатив, часть или какой-то аспект данного в вопросе понятия. В каждом из этих случаев дается специальный набор альтернатив как по содержанию, так и по количеству возможных вариантов выбора.

Так в вопросе: «Какая литература имеется в Вашей библиотеке?», набор возможных вариантов ответа (художественная, историческая, политическая и т. д.) описывает строго определенное и специальное понятие «литература», заложенное в вопросе. Но если мы дадим другой набор альтернатив, например, отечественная и зарубежная литература, то этим самым мы изменим содержание понятия «литература».

В указанном вопросе можно дать перечисление всей возможной литературы, которая может быть в домашней библиотеке и тем самым исчерпать это понятие, но можно ограничиться специальным набором альтернатив, что чаще всего и делается и тем самым ограничить само понятие литературы.

Необходимо еще раз сказать, что в естественном языке содержание понятия определяется контекстом разговора и явного набора альтернатив не дается, он подразумевается. Если я спрашиваю приятеля какие книги он читает, то из контекста нашего общения обычно бывает ясно (а если не ясно, то отвечающий уточняет), какое содержание вкладывается в понятие «литература», например, художественная, учебная, специальная и т. д. В искусственных языках такого контекста общения не имеется и поэтому приходится давать набор альтернатив в явном виде, чтобы раскрыть содержание понятия, заложенного в вопросе.

Варианты ответа имеют еще одну особенность, то что они, как правило, строятся по единому основанию. Это так же **вытекает** из понятийного содержания вопроса. Только, строя их по единому основанию, можно раскрыть содержание вопроса. Если мы будем строить варианты ответа по различному основанию, то в этом случае понятие, заложенное в вопросе, может расширяться или сужаться. Это один из принципиальных моментов в построении вариантов ответа. Так в вопросе: «Какую литературу Вы читаете?», альтернативы: отечественную и зарубежную полностью исчерпывают содержание понятия, поскольку они построены по единому основанию. Но как только мы поставим третью альтернативу, «читаю специальную литературу», то понятие «литература» будет уже другим, возможно не таким, каким оно было заложено в вопросе.

Содержание понятия, например, «литература», может быть различным, но в обязательном порядке, если оно было определено, предлагаемый набор альтернатив должен быть выстроен только в соответствии с данным понятийным содержанием вопроса. Но есть случаи, когда в вопросе предлагаются альтернативы, построенные на различных основаниях. В этом случае происходит значительное расширение понятия, позволяющее включать в себя довольно большое количество разнообразных вариантов ответа.

Структура альтернативной системы может быть **очень** сложной и довольно разнообразной, в зависимости от тех задач, которые ставит перед вопросом II типа исследователь. Но в каждом случае все возможные варианты построения системы ответов есть вариации одной темы, и именно, представления альтернатив в рамках понятийного содержания вопроса и в целом понятийного содержания поставленной задачи. Это вполне понятно,

поскольку ответы сами по себе не существуют, они представляют собой только строго определенную часть вопросно-ответных отношений. Решение структуры ответа только в понятийных рамках вопроса, а шире в понятийных рамках вопросно-ответных отношений, позволяет получить ответ на поставленный вопрос.

По сути дела оказывается, что понятийное содержание вопроса II типа и понятийное содержание вариантов ответа одинаково, только по-разному выраженное. То же самое у нас было и с вопросом I типа, когда ответ в концептуальном выражении был равен содержанию вопроса.

И в самом деле, если я спрашиваю: «Какую литературу Вы читаете?» и из контекста ясно, что речь идет о художественной литературе, то это означает фактически, что спрашивающий просит подтверждения, «читаю ли я художественную литературу или не читаю», предлагая мне ответить на ряд альтернатив по видам художественной литературы, получив, хотя бы один ответ из ряда предложенных, например, что я читаю историческую литературу или мемуарную, я тем самым подтвердил понятийное содержание вопроса. В том виде, в каком поставлен вопрос: «Какую литературу читаю...?», по сути дела произошло обозначение понятия, того понятия, которое заложено в контексте разговора. Общий вопрос II типа только указывает на контекст разговора.

КОНЦЕПЦИЯ БЕЗ ВОПРОСА

Но, как мы уже говорили, процесс познания вопросом первого типа не заканчивается. Последний является только одним из звеньев цепочки и условным концом, который является началом образования вопроса второго типа. Но каким образом вопрос первого типа переходит в вопрос второго типа, каким образом полное законченное и доказанное знание порождает новое возможно-истинное знание, другими словами, каким образом нечто известное становится неизвестным?

В вопросе второго типа: «Кто открыл Америку?», возможна серия имен потенциальных по своим показателям открывателей, как вариантов выбора истинного ответа. Перебор альтернатив, как мы говорили, проходит в системе вопрос-ответ. Но получив истинный ответ, что Америка открыта Колумбом, т. е. получив полное концептуальное доказанное знание, мы имеем право задавать следующий вопрос, например, «А кто такой, Колумб?» Имея общее понятие «Колумб», мы знаем в данном случае только одно, что это открыватель Америки, т. е. мы вернулись опять к тому соотношению известного и неизвестного в вопросе. Но вполне понятно, что общее понятие «Колумб» имеет и другие показатели или подпонятия, некоторые из них мы знаем, что и позволило нам ответить на вопрос: «Кто открыл Америку?», например, что он генуэзец и мореплаватель. Но нас может интересовать Колумб и в более широком аспекте, например, когда и где он родился, был ли женат, имел ли детей, как осуществлял свою экспедицию и пр., и пр. Включения такого явления как Колумб в различные ситуации дает в принципе бесконечное множество вариантов его проявления и определения и каждый из них становится возможным выражением вопросно-ответных отношений субъекта и объекта. И вопросный оператор: «Кто...» в вопросе: «А кто такой Колумб?», предполагает множество вариантов ответа. Но всегда ограниченное множество и ограниченное прежде всего прошлым знанием, имеющимся в предыдущем вопросе, что это прежде всего открыватель Америки.

Если следовать логике рассуждения, то вопрос второго типа оказывается в принципе не возможен. Он и в самом деле не возможен, если будет взят вне системы рассуждения,

выступающей контекстом общения субъекта и объекта, которые и определяют те подпонятия и интересуют спрашивающего и отвечающего. Но они могут сделать это только в том случае, если будет сохраняться возможность выбора соответствующих подпонятий и соответственно будет сохраняться сам вариант выбора. Но характер подпонятий и соответственно возможность выбора, оказывается реальной только в том случае, если они будут входить в общее понятие, принятое в вопросе первого типа и соответственно ответа на него как истинного и доказанного знания. Все варианты ответа на вопрос второго типа: «Кто...?», определяются в конечном итоге понятийным образованием «географическое **открытие** Америки совершено некоторым человеком по имени Колумб». Соответственно раскрытие понятия: «Кто такой Колумб?» будет определяться понятием «Колумб» и «открытие Америки» со всем шлейфом исходных для них понятий как их прошлого знания.

Мы опять же здесь вернулись к понятию выбора вариантов ответа или в данном случае, точнее, поиска вариантов ответа из вариантов областей поиска ответа, примерно так же как это было в процессе перевода вопроса второго типа в вопрос первого типа. Как вы помните, там вопрос второго типа содержит варианты ответов, которые приобретают характер дихотомического вопроса. Здесь оказывается тоже есть варианты ответа, выступающие как подпонятия основного понятия.

Но имеется и принципиальная разница между вариантами ответа-вопроса второго типа и вариантами ответа-вопроса первого типа. Если в первом случае знание и соответственно варианты **о**твета являются возможно истинным знанием, то во втором случае оно всегда истинное знание, т. е. все варианты ответа имеют истинное значение. Когда мы говорим, что нам известно, что Америка открыта, то варианты подпонятий данного понятийного образования всегда истинны. Например, так же как истинным является то, что Америку открыли в географическом смысле, так же истинно и то, что ее открыл кто-то из людей.

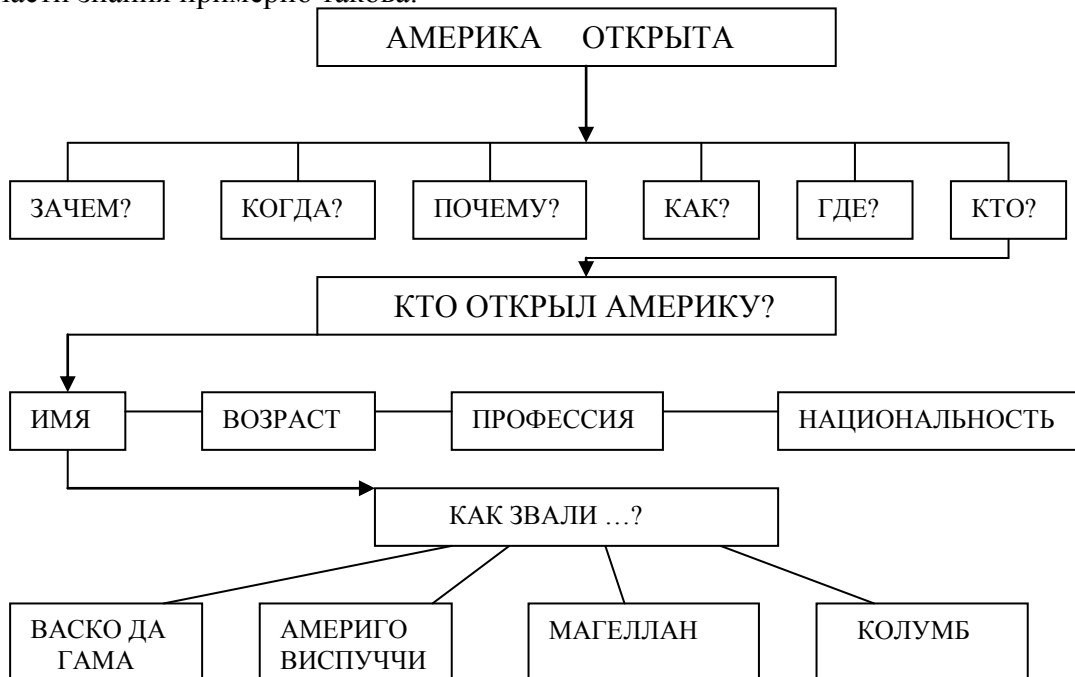
Речь по существу идет не о поиске ответа, в той области истинного знания, которое нам необходимо в данный момент для решения строго определенной задачи. Этим и определяется выбор того или иного аспекта общего истинного знания. Поэтому, когда мы говорим, о переводе вопроса первого типа в вопрос второго типа, то это не совсем верно. Вопрос первого типа может быть переведен в вопрос второго типа только в том случае, если дихотомический вопрос обретет статус доказанного знания и тем самым прекращает свое существование как вопрос. Поэтому правильнее будет сказать, что речь идет о переводе доказанного, определенного знания в недоказанное в возможно истинное знание, которое приобретает для субъекта форму вопроса, т. е. требование того, чтобы оно было отвечающим проверено. Процесс перехода от истинного к возможно истинному знанию осуществляется только в форме вопроса.

Можно больше сказать, что любое знание является положительным, но доказываемое оно как истинное только в системе вопросно-ответных отношений, в форме вопроса и ответа. Поэтому, когда мы имеем истинное знание, что Америка открыта, то области выражения этого истинного знания становятся областями определения их значения при возникновении по отношению к ним той или иной ситуации. Так, например, я всегда знал, что Америка в географическом смысле уже открыта, но меня никогда не интересовало, кто это сделал. Однако в один прекрасный момент, когда мне надо было сдавать экзамен по географии и этот вопрос стоял в экзаменационном билете, тогда данный аспект понятия «Америка открыта» стал меня волновать, и я задал себе вопрос: «А кто же открыл Америку?».

Понятно, что в принципе такое знание имеется, другое дело, что его нет у меня в качестве моего прошлого знания. И вообще любое наше знание, может быть нашим знанием

только в том случае, если оно уже имеется в природе как явление, объект, или по крайней мере, имеет такую возможность. Мышление или сознание человека являются тем инструментом и только инструментом, который переводит знание из возможности в актуальное, т. е. осознанное знание. Неопределенность знания — это только наше знание того, что мы владеем не доказанным знанием, это наше определенное и точное знание, что есть что-то еще, что нам пока неизвестно, но самое неизвестное нам пока неизвестно и как знание не существует. Ибо знание имеет только одну форму существования: оно всегда имеется, всегда определенное и истинное.

Поэтому, когда я задаю вопрос: «Кто открыл Америку?», то этим самым я определил сам для себя потребность в нахождении некоторого знания. Вопрос в этом случае выступает как определенное знание, которое свидетельствует о том, что нам известно, что мне что-то неизвестно, но именно то, нечто определенное, что мне требуется для решения своей задачи. Это нечто определенное и есть область подпонятий некоторого общего знания, в данном случае некоторый человек, имя которого необходимо определить. Схема определения своей области знания примерно такова:

Возможность понятия «Колумб» быть истинным ответом, заключается в том, что оно содержит в себе все предыдущее знание как прошлое свое знание. Другими словами, Колумб — это человек, мореплаватель, генуэзец, совершил географическое открытие и т. д. Понятие Колумб содержит в себе понятие «Америка открыта», хотя первое вроде бы так является частным и производным от второго. На самом деле, ни частного, ни производного, ни основного в соотношении понятий нет. Есть только соотношение их в определенном порядке при решении задачи.

Таким образом, форму вопроса приобретает не вопрос первого типа сам по себе, т. е. его знание, которое без сомнения является для субъекта полным и определенным, а только его подпонятия как элементы знания. Необходимо определить, что и требуется в вопросе, какие подпонятия входят в данное известное знание, входит ли известное мне знание в качестве

подпонятия в известное общее знание, каково содержание данного подпонятия, т. е. дать ему понятийное определение. Другими словами, сделать все то же самое, что мы делали с вопросом второго типа, когда переводили его в вопрос первого типа. И в принципе, как форма, выражения соотношения известного и неизвестного знания, в виде вопроса, не имеет никакой разницы. Различие существует только в содержании концептуального знания.

Поэтому, когда я задаю себе вопрос: «Кто открыл Америку?», я этим самым сразу же перевожу определенное и истинное знание в серию вопросов второго типа, которые приобретают статус вопроса первого типа. И в самом деле, истинное знание: «Америка открыта» можно представить в серию дихотомических вопросов, например: «Кто-то открыл Америку?» (да, нет), «Зачем-то Америку открыли?» (да, нет), «Каким-то образом она была открыта» (да, нет) и т. д. Все эти вопросы различны, но имеют одно общее известное, что Америка открыта. Но как только мы ответили положительно, что кто-то открыл Америку, он приобретает статус вопроса первого типа, ибо его так же можно представить в серии дихотомических вопросов: «Испанец открыл Америку?» (да, нет), «Португалец открыл Америку?» (да, нет) и т. д. Если мы остановились на том, что нас интересует имя человека, который открыл Америку, мы тут же задаем вопрос: «А как его имя?» Собственно этот вопрос и носит статус вопроса второго типа, ибо понятие в данном случае является конкретным, т. е. нам необходимо выяснить какое-то одно имя в ряду их ограниченного или неограниченного множества. Таким образом, область данного знания определена, но ее сегменты или подпонятия не известны. Этим и отличается вопрос первого типа, знание которого является существующим, т. е. оно уже есть, оно уже определено, в то время как знание вопроса второго типа всегда возможно, т. е. оно носит статус возможного знания. Мышление, сознание человека, как мы уже говорили, переводит знание из возможности в определенность. Поэтому правильнее будет говорить не о полном и не полном знании, частичном и абсолютном, определенном и не определенном, а возможном и определенном знании, о знании, которое только возможно в потенциале, знании, которое осознанно и тем самым существует актуально как объективная реальность.

Именно поэтому мы определили вопрос второго типа как псевдovoпрос. Он не содержит концептуального знания, он содержит в себе только возможность концептуального, в том числе и гипотетического знания. Хотя сам по себе, как форма выражения возможного знания, выступает как определенное знание. Другими словами, я точно знаю, что существует человек с определенным именем, или существует имя человека, который и открыл Америку. Но это уже является прошлым знанием, которое и приобрело статус определенного истинного знания.

Таким образом, мы живем в мире определенного знания как нашего прошлого знания, но в тоже время мы живем в мире неопределенного или возможного истинного знания. Но противоречия здесь никакого нет. Это просто различные знания и различные формы существования объективной реальности, которые обуславливают друг друга, что хорошо видно на примере вопроса первого и второго типа и процесс перехода одного в другой.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ЗНАНИЯ И ЗНАНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Вопрос — это форма выражения неопределенного знания, впрочем так же как и проблема, задача, гипотеза. Так во всяком случае их интерпретируют в неявном виде в научной литературе. И наверно с этим можно согласиться, поскольку все это есть

концептуально гипотетическое знание или, другими словами, возможно истинное знание. Но при таком подходе знание приобретает двойственный характер: с точки зрения субъекта, знание является определенным, а с точки зрения объекта — оно является неопределенным. В рамках концептуально-гипотетического подхода к знанию, двойственность снимается разведением субъектов. Что для одного истинно, то для другого возможно истинно. Хотя неопределенное знание так же интерпретируется как возможно истинное знание, тем не менее в рамках этого понятия, возникает явное противоречие. С одной стороны оно вроде бы обладает всеми атрибутами определенного знания, как например, проблема, гипотеза, и в то же время оно фактически имеет статус неполного, неточного или неопределенного знания, причем для одного и того же субъекта.

Как нам кажется, это противоречие порождено, по крайней мере, двумя обстоятельствами. **Первое** заключается в том, что при **характеристике** понятия «неопределенное знание» обычно основывается на прямом наблюдении или, другими словами, здравом обыденном разуме (при этом ни в коем случае не принижая его относительно некоторого теоретического знания). Если человек знает что-то об объекте, но который не полностью описывает его, не раскрыта его сущность, а следовательно, объект нельзя использовать для решения каких-то своих задач, то такое знание становится не полным, не точным или неопределенным. Или же человек имеет знание, но сам сомневается в том, является ли оно истинным, тогда оно приобретает статус возможно истинного знания или так же неопределенного знания. Отказать человеку в истинности такого наблюдения вряд ли возможно, ибо с этим положением мы сталкиваемся, можно сказать, постоянно, особенно в те моменты, когда решаем сложные, не тривиальные задачи.

Сталкиваясь с таким положением, философы и логики пытаются его понять как явление и соответствующим образом интерпретировать. И здесь возникает второе обстоятельство, основанное на том, что человек при интерпретации нового объекта всегда опирается на свое старое или прошлое знание. **Интерпретация** философами данного явления осуществляется в рамках положительного доказанного, истинного знания. Противоречие было определено тем, что **в** существующей философской парадигме, знание всегда интерпретируется как истинное. И другое вряд ли может быть. Это хорошо укладывается и в концептуально-гипотетический анализ понятия знание. Или знание есть, или его нет, другого, как в **двухзначной** логике, не дано. И как только мы заговорили или заявили о каком-то знании, то этим самым сразу же придали ему статус истинного знания, т. е. как такого знания, которое существует.

Попытки решения проблемы неопределенного знания основывались на принятии принципа множественности истины, как движение от относительной к абсолютной истине. В рамках трехмерной или многомерной логики неопределенность приобретает промежуточное значение между истиной и ложью. Но это положение, хотя и имеет видимость решения, в целом по ряду принципиальных моментов вряд ли может быть приемлемым.

Во-первых, оно не приемлемо из разности понятия истинности и ложности как различных объективных явлений. В существующей парадигме понятие ложь есть продолжение понятия истинности, как нулевое значение истинности, как некоторая точка отсчета начала процесса образования истинности. Но нулевое положение вряд ли приемлемо для процесса истинности, это совсем другое состояние объекта и поэтому выступает как другое, даже не противоположное понятие. В данной интерпретации ложь выступает как ничто, как пустота, как явление, которое не имеет абсолютно никакого содержания. В логике понятие ложь приобрело значение мнимой величины, как некоторый искусственный прием,

имеющий содержание противоположности истины. Впрочем, и само понятие истинности рассматривается как противоположность ложности. В этом смысле включение нового понятия, как промежуточного, не полной истинности оказывается вряд ли правомерным, поскольку противоположность не предполагает шкалы истинности или ложности. Другими словами, предполагая шкалу истинности, мы должны естественно предполагать и шкалу ложности, что сразу приводит к абсурду: ничто не может **иметь** никаких значений.

Во-вторых, принятие принципа множественности истинности, как процесс достижения абсолютной истины, оказывается таким образом бесконечным, и приводит к другому абсурду, когда абсолютная истина оказывается в принципе не достижима. Но если это так, тогда человек обречен всегда находиться в состоянии неопределенного, неточного знания, что не позволяет ему решать свои задачи, ибо принятие точного решения, т. е. получение точного знания как надо делать, из неточного знания оказывается практически не возможным.

Понятие абсолютной истины приобретает абстрактный характер. как некоторой условной и мнимой величины, в отличии от понятия относительной истины и множества относительных истин, которые приобретают строго определенное содержание, отражающее определенное состояние знания. Получается, что неопределенное знание становится содержательным и определенным, в отличии от абсолютной истины, которая становится бессодержательным и тем самым неопределенным знанием.

И в-третьих, понятие множества истина становится неопределенным в свете представления истинности как имеющегося знания. Можно **согласиться** с множественностью истины как неполной в процессе достижения полной истины. Но в этом случае мы должны говорить о состоянии знания, как большем или меньшем знании, **которое** и в самом деле всегда относительно, в отличии от понятия истинности знания как абсолютном. Исходя из этого никакого третьего и промежуточного знания вводить нельзя. Такова природа знания и понятия истинности как факта существования знания.

Но знание может быть полным или неполным относительно другого какого-то знания, большим или меньшим относительно другого какого-то знания, определенным или неопределенным относительно другого какого-то знания, но само по себе знание всегда полно, точно, абсолютно и определено. И ни в коем случае не расходится со **здравым** смыслом и нашей практикой действия. Мы каждый раз узнаем все больше и больше, а значит относительно этого большего знания, мы имели ранее неполное, неточное, небольшое знание, что и привело к понятию неполного, не точного, не определенного знания и массе противоречий. Но это противоречие находится в наших понятиях, каждое из которых описывает различные объекты. Более того, не только различные сами по себе как понятия и как объекты, но и находящиеся в различных ситуациях взаимоотношений субъекта и **объекта**, что приводит в принципе как возможность, к бесконечному разнообразию понятийного содержания объекта. Это означает, что имеющееся знание, как точное и определенное, само по себе, может не описывать объект, который нас интересует и который он вроде бы должен описывать. Получается рассогласование между нашим пониманием изменения объекта и его реальным движением. Такое положение возникает довольно часто, если не сказать постоянно, что и приводит к различным логическим парадоксам.

Например, парадокс «куча», сущность которого заключается в следующем. Если мы возьмем песчинку из кучи песка, изменится ли куча? Естественный ответ, что нет. А если мы возьмем две песчинки, тоже нет, а если возьмем три, четыре и наконец, **n-песчинок**. Оказывается, что сколько бы песчинок мы не взяли, куча не меняется. И таким образом мы впали в противоречие: кучи вроде бы нет, т. е. ее не должно быть, а в тоже время как будто бы и есть.

Но это противоречие нашего понятия «кучи» с ее реальным положением. В то время как реальный объект куча постоянно меняется, понятие «куча» остается неизменным. Для разрешения данного противоречия необходимо менять понятие, причем постоянно, чтобы привести его в соответствие с постоянно меняющимся объектом, что сознание не всегда делает вовремя. Это происходит в силу природы концептуального отражения мира и построения отношений с ним, что обуславливает стремление к постоянному сохранению выработанной концепции как принципа своего существования. В отличие от природы и объективного мира, который изменяется постоянно, концептуальное сознание изменяется скачкообразно, что требует определенного времени накопления необходимой исходной информации. И именно поэтому сознание всегда несколько запаздывает, отстает от объективной реальности. Разрешение этого противоречия осуществляется в соотношении понятий как систем, когда общее понятие определяет поведение человека как истинное относительно более широкой объективной существующей системы.

В апории **Зенона** «стрела», когда в одно и то же время стрела летит и покоится на месте, мы так же имеем дело с различными понятиями, характеризующими различные состояния стрелы. **Покоющаяся** стрела и летящая стрела — это различные объекты, находящиеся в различных ситуациях и описываться они должны различными понятиями, а человек пытается описывать их одним понятием — «летящая стрела» или «покоющаяся стрела», что и приводит к парадоксам.

В популярной телепередаче «Что? Где? Когда?» был представлен в форме вопроса парадокс «брадобрей» — кем является брадобрей, когда он бреет самого себя. Был дан ответ, что данный парадокс решения не имеет. На самом деле это не так, решение имеется, но только в разделении понятий, каждое из которых будет описывать свой объект: брадобрея, который бреет всех и брадобрея, который бреет себя, но в различные временные ситуации. Разделение понятий возможно только в различных пространственно-временных параметрах.

Понятие «неопределенное знание» связано именно с противоречием понятий, описывающих различные объекты одними и теми же терминами. Например, выражения: «На Марсе имеется жизнь» и «На Марсе нет жизни» воспринимаются как противоречивые. На самом деле оба эти высказывания содержат определенное, полное и истинное знание, если к ним подходить как к содержащим концептуальное знание. Между этими концептуальными знаниями нет противоречия, поскольку они описывают различные объекты, которые не имеют равным счетом никакого отношения к планете Марс и к жизни на ней. Это только концептуальное описание земного человека по поводу жизни на Марсе и по поводу отсутствия жизни на Марсе и не более того.

Но читатель не философ, который находится в здравом уме вполне спросит: «Так есть ли жизнь на Марсе или нет?» И потребует истинного ответа. И он вправе это сделать и его требования будут логичными и обоснованными. Ибо, если он полетит на Марс, то его поведение на этой планете будет во многом зависеть от того имеется ли там жизнь или нет. Согласитесь, что для астронавта это имеет не маловажное значение и ошибиться здесь не желательно, И когда он слетает на Марс и обнаружит, что там жизнь имеется, а его ученые убеждали, что ее нет, то он вправе сказать, что ему дали неверные сведения, что знание было неверным, не истинным, что ученые зря едят свой хлеб и т. д. И будет тысячу раз прав.

Но о каком объекте как содержании концептуального знания идет речь? Знание «есть жизнь», знание «нет жизни», знание «возможно есть жизнь» или «возможно жизни нет», знание «какое-то подобие жизни» или «необычная жизнь, отличная от земной» и т. д., и т. д.— все они описывают или могут описывать совершенно различные объекты познания. Более

того, они вообще могут не иметь объекта как содержания своего понятия, как это имеет место, например, в фантастических рассказах, как знание об объектах, которые возможно никогда не существовали и, возможно, никогда не будут существовать.

Концептуальное знание — это прежде всего продукт человеческого мышления, которое существует само по себе как объект и которое есть продукт прошлого знания человека и человечества. Поэтому, когда ученый говорит астронавту, что на Марсе есть жизнь или жизнь возможна, или ее нет и т.д., то это только наше земное, человеческое знание. И когда астронавт прилетает на планету и делает заключение о жизни, то он это делает точно так же как это делает ученый на земле, т. е. исходя из того прошлого знания, которое у него имеется, т. е. у них имеется общее понятие «жизнь» или «отсутствие жизни». Если они, т. е. ученый и астронавт, будут расходиться в понятиях, то в этом случае они будут **разговаривать** как **слепоглухонемые**, как люди разных миров и полет **астронавта** ровным счетом ничего не даст, во всяком случае для ученого на земле.

Поэтому истинность положения, что, например, на Марсе имеется жизнь, с которым **астронавт** полетит на планету, на самом деле означает только идентичность понимания наличия жизни и ученым, и астронавтом и не более того. Последний будет искать на Марсе признаки жизни, исходя только из этого понимания жизни и, если он не обнаружит жизнь, то это только означает, что он не обнаружил признаков, которые характеризуют имеющееся у него земное понятие жизни. И не обнаружив жизнь, он только подтвердит или не подтвердит их общее понимание жизни на Марсе.

Конечно, может возникнуть и такая ситуация. Ученый и астронавт имеют общее понятие жизнь, но первый обследовав визуально имеющимися у него средствами планету, **сделал** вывод, что жизни нет, а астронавт, **слетав** на Марс, заключил, что жизнь имеется, тогда он вправе сказать, что ученый сделал свою работу не очень хорошо, что он ошибся, дал не верные, не точные данные. Но меняет ли это все то, что было сказано выше? Ни в коем случае. Как концепция и тот, и другой вывод истинен, но только они описывают разные объекты. Ученый описал только то, что было в его возможностях при исследовании планеты, астронавт имел другие возможности и тем самым они разошлись в объектах исследования, во всем остальном они были абсолютно правы.

Еще раз повторим: является ли знание ученого полным и определенным? Без сомнения, ибо оно очень хорошо описывает жизнь на Земле. Ко является ли оно неопределенным относительно другой планеты, так же без сомнения, ибо понимание жизни на Земле может **совсем** не подходить к другой планете. Наше старое понятие описывает только жизнь на Земле и мы пытаемся его приспособить к другому объекту, другой планете, но которое может ему и не соответствовать. Так, например, во всех фантастических произведениях, **астронавты** ищут жизнь на других планетах, только исходя из ее земного понимания и вряд ли другое возможно, ибо писатели имеют только это понимание жизни и никакое другое. Ученые говорят о параллельных мирах, об антимирах, религия говорит о загробной жизни, о божественной жизни и т.д. и т.п., но всякий раз речь идет только о земном, сегодняшнем нашем человеческом понимании жизни, т. е. жизни, которая существует здесь у нас, в настоящее время, только переселяют ее в другие выдуманные или не выдуманные миры.

Мы прекрасно понимаем, что мы всегда опираемся на наше прошлое знание, которое является точным, полным, определенным, поскольку основано на достоверном знании и совершенно по всем законам логики. Но мы так же понимаем и нам об этом постоянно напоминает практика, когда мы попадаем впросак, что объективная реальность может не совпадать с нашим знанием и наоборот, что точнее, наше знание может не соответствовать

той объективной реальности, к которой мы пытаемся его приспособить. И вот здесь возникает интересный вывод: оказывается мы имеем не одно, а два знания, каждое из которых описывает только свой объект. Первое описывает наш прошлый опыт, например, наше понимание жизни, и второе знание, что оно, первое знание может быть не верным, относительно описываемого объекта. Например, содержанием первого знания является прошлое понимание жизни на Земле относительно планеты Марс, содержанием второго знания выступает, что первое знание может быть не верным, и в тоже время как концептуальное знание они остаются полным и истинным знанием. А что же является неопределенным знанием, о котором так много говорят? Только характеристика одним знанием содержания другого знания. Другими словами, второе знание описывает первое знание, содержанием которого является то, что оно возможно не соответствует описываемому объекту. Понятие неопределенность характеризует только определенное содержание нашего знания, которое говорит о том, что возможно наше знание неверно. Но само по себе знание, что возможно знание не верно, является как концептуальное знание полным и определенным. Эта двойственность природы знания не должна смущать. Речь идет о том, что одно знание всегда определяется другим знанием. Форма выражения всегда одна и та же, концептуальная, но содержание может быть и всегда является различным. Исходя из этого, понятие неопределенность интерпретируется уже не в терминах неполного, не точного и не истинного знания, что как мы показали, вряд ли можно признать приемлемым, а в терминах полного, точного и определенного знания.

Все сказанное, тем не менее ни в коем случае не исключает неопределенность знания как самостоятельного объекта исследования. Необходимо только точно представлять себе природу этого знания.

ВОПРОС В СИСТЕМЕ ВОПРОСОВ

Строго говоря анализ отдельного вопроса проводить нельзя. Отдельного вопроса нет и быть не может. Существует только система вопросов, основой и элементом которой является вопрос. И лишь в системе взаимосвязанных вопросов (в данном случае как вопросно-ответных отношений) каждый отдельный вопрос приобретает свое содержание, имеет свой предмет. В результате взаимодействия вопросов определяется процесс познания. Об этом писал еще Аристотель в «Топике», и мы об этом говорили. Это важнейшее положение в **эротетической** логике еще не получило своего необходимого исследования. К системе вопросов обращаются, как правило, в случае, когда стараются построить систему исчисления вопроса или дать логическую его интерпретацию.

Хотя в философской и логической литературе имеются публикации по проблеме соотношения вопросов между собой как форме специфического логического рассуждения, все же нельзя сказать, что она исследовалась активно. Вместе с тем разрабатываются проблемы проведения диалога, дискуссий, спора, полемики и др. Все эти явления одного порядка по отношению к вопросно-ответным отношениям, однако, природа их пока недостаточно хорошо изучена. Фактически нерешенными являются проблемы о том, каким образом вопрос переходит в вопрос, и каким образом суждение связано с вопросом.

В литературе по данной проблематике были высказаны интересные мысли о том, что связь вопросов осуществляется в процессе решения какой-либо задачи, что каждый вопрос представляет собой определенный конкретный этап решения общей проблемы, и что вопросы обуславливают друг друга только в случае решения каждого из этих Этапов. Так, К. А.

Славская пишет: «Выделив разные функциональные знания в решении задач, Дункер устанавливает (так же экспериментально), что решение возникает не сразу, а проходит ряд фаз, не формально, как у Вертгеймера, но содержательно, связанных друг с другом. Он пытался выразить динамику процесса движения мысли, сформулировав положение, что одна фаза решения в отношении другой является ответом на предыдущий вопрос и в тоже время вопросом по отношению к дальнейшему решению. Таким образом, он вплотную подходит к вопросу о том, откуда берется принцип решения, откуда возникает структура, как связано восприятие свойств конкретных, реальных предметов и их «структурирование»⁵⁰.

В приведенной выдержке была высказана мысль, которая может получить дальнейшее развитие: первое — любое решение имеет фазы своего развития по решению подзадач (в тоже время каждая подзадача может иметь, соответственно, свои подзадачи; этот процесс деления может, в свою очередь, продолжаться до тех пор, пока, решение какой-либо подзадачи не будет выступать как прошлое знание, иначе можно впасть в дурную бесконечность); второе — каждая подзадача выступает как вопрос по отношению к последующей подзадаче: третье — лишь решение очередной подзадачи позволяет перейти к решению следующей подзадачи; четвертое — только положительное решение, т. е. получение утвердительного ответа на вопрос, позволяет перейти к решению следующей подзадачи. Правда, все же остается неясным, каким образом ответ на очередной вопрос входит в следующий вопрос, каким образом ответ превращается в вопрос и каким образом решается общая задача, исходя из подзадачи.

В нашем исследовании мы уже останавливались на том, что вопрос представляет собой концептуально-гипотетическую форму знания, содержащую в альтернативной форме вариант ответа. Если в процессе проверки на любом уровне эта концепция получает подтверждение, то вопрос принимает утвердительное значение и превращается в ответ, принимающий форму суждения. Тем самым заканчивается цикл, и субъект познания получает определенное знание и решение своей задачи.

Решение одной задачи становится основой для постановки (в виде вопроса) другой задачи в единой для них системе знания. Однако решение предыдущей задачи выступает не вопросом как таковым, а лишь его элементом, а именно его прошлым знанием. Это прошлое знание связывает две задачи и два вопроса и делает их единой системой.

В случае отсутствия такого связующего звена эти задачи будут принадлежать к различным системам. И тогда их нельзя решить прямо; это решение будет возможным в случае, если отыщется необходимое промежуточное связующее звено. Однако в рамках общей системы, первая и последняя задачи оказываются связанными даже в случае, если опустить промежуточные звенья между ними.

В диалоговой системе вопросно-ответные отношения решают лишь часть общей задачи связи вопросов в единую систему. Она решает только первую часть этой задачи, устанавливает некоторое утвердительное суждение, как истинное знание, на которое можно опереться и использовать для дальнейших рассуждений. Вторая часть этой задачи заключается в переходе прошлого знания в новый вопрос. Фактически мы имеем дело с переходным мостиком между двумя явлениями, их связующим звеном.

Таким связующим звеном выступает некоторое понятие или понятийное образование. Мы уже отмечали, что новое знание представляет собой некоторую совокупность прошлых понятий или их элементов. То знание, которое было получено в результате решения предыдущего вопроса, входит в качестве элемента в прошлое знание последующего вопроса (именно в

⁵⁰ Славская К. А. Мысль а действи. — М., Политиздат, 1968. с. 40.

качестве элемента). Вместе они образуют ту реальность, которую необходимо отразить в понятийной форме в сознании. Если мы возьмем любой диалог, сколь бы длинным он ни был, то всегда обнаружим в нем эти связующие звенья. Они выступают как общие, для двух, по меньшей мере, вопросов и понятий, и в то же время общими для всех вопросов или для всего диалога. Если частные понятия решают только частные задачи, то общие понятия для всего диалога, для всей системы вопросов решают общую задачу по отношению к этим частным задачам. Однако все частные понятия непременно выступают частью общего, которое, в свою очередь их и определяет. Например, возьмем такой краткий диалог.

- «Скажите, философом может быть только человек?
- Да, только человек.
- Значит ли это, что философ так же смертен?
- Да, значит, что философ смертен.
- А значит ли это, что и его произведения не вечны?
- Нет, не значит, не все произведения философа могут быть не вечными.
- Тогда означает ли это, что есть такие философские произведения, которые **бессмертны**?
- Да, имеются.
- Значит ли это, что все философские произведения бессмертны?
- Нет, не значит, есть произведения, которые не являются бессмертными». И т. д.

Из первого вопроса понятие «философ» переходит во второй, оно и послужило их связующим звеном. Между вторым и третьим вопросом связующим стало понятие «смертен» (не вечны), но, в первом случае, оно относилось к философу, во втором случае — к его произведениям. Понятие «произведения» — общее понятие между третьим и четвертым вопросами, а понятие «бессмертны» для четвертого и пятого. Общим для всего приведенного диалога стало понятие о соотношении смертности человека и его Из произведений. Это — общее понятийное образование или некоторое концептуально-гипотетическое знание, которое необходимо получить (доказать) в процесс анализа диалога. Иначе говоря, необходимо было ответить на общий вопрос, в котором остальные вопросы выступают в качестве его **подвопросов**.

В своем исследовании мы уже останавливались на том положении, что вопросы могут соотноситься по степени общности, что они способны выделяться по этому признаку, что, наконец, любой вопрос всегда выступает в качестве части более общего вопроса и в силу этого вопросы выполняют различные функции. Диалог — это система вопросов, которая всегда описывает некоторую общую реальность посредством частных вопросов. Смысл каждого из них и в целом всего процесса познания можно понять **лишь** в результате анализа диалоговых систем или иначе — через взаимосвязи вопросов.

Описание того, как образуется вопрос и ответ на него, как они переходят друг в друга, какова их природа и механизм взаимосвязи, выдвигает необходимость показать, каким образом понятия переходят из одного вопроса в другой, каким образом происходит этот перелив одних понятий в другие. Решение этой проблемы позволит раскрыть **сущность** диалога.

ОТКУДА БЕРУТСЯ АКСИОМЫ?

Еще Аристотель задавался вопросом, откуда берется аксиоматическое знание, то самое знание, которым оперируют в умозаключениях как истинным. И в самом деле, посылки,

которыми оперируют в умозаключениях, могут рассматриваться истинными или **априори**, или вследствие здравого смысла, или опыта. Когда утверждается, что все люди смертны, то это суждение берется в качестве истинного, в качестве аксиоматического знания. Между тем истинность данного положения, по сути дела, не доказана. Мы лишь предполагаем, что нет такого человека, **который мог бы жить практически вечно**; и это предположение еще не означает того, что такого человека не может быть. Можно доказать, что это положение по меньшей мере спорно, **противоречиво**. И в самом деле, в истории человеческого общества зафиксированы случаи, когда люди жили более 150 лет. Однако если человек прожил 150 лет, то вполне вероятно предположить, что другой может прожить 151 год; или если он прожил 151 год, то возможно будет человек, который проживет 152, 153 года и более — и т.д., до бесконечности.

И все-таки мы берем это положение как истинное и имеем право пользоваться им как аксиоматическим, поскольку оно позволяет нам решать некоторые наши повседневные практические задачи, т. е. относиться к большинству людей, как к смертным, поскольку они могут прожить примерно 75 лет.

Однако, если изменить ситуацию, например, изменить понятие жизнь, то данное суждение окажется не истинным. Так, до недавнего времени умершим считался человек, который не дышит и у которого не бьется сердце. Данные аргументы оценивались как правильные, истинные, поскольку они сотни, тысячи и миллионы раз подтверждались на практике. Однако, когда развитие медицины показало, что человека можно реанимировать, даже если нет дыхания и не бьется сердце, то эти аргументы утратили свою истинность; и как аксиоматической посылкой ими уже нельзя пользоваться в определенной ситуации.

Можно привести и другие аналогичные примеры, которые подтвердят рассматриваемое нами положение. Между тем из него следуют несколько очень интересных выводов. Первое — ни одна посылка не может быть абсолютно истинной. С изменением действительности, обстоятельств, ситуаций, а **соответственно** и понятийного содержания элементов суждения, его аксиоматический статус меняется с истинного на неистинный (хотя может быть и не на ложный — неистинный еще не есть ложный, также как и наоборот) Второе — **аксиоматичность** суждения определяется нашими практическими интересами, потребностью решения каких-либо прикладных задач. Если понятийное отражение реальности позволяет утилитарно решать подобные задачи, то созданные на основе этих понятий суждения позволяют нам пользоваться ими как аксиоматическими, даже если они не проверены практикой или полностью не доказаны. Третье — **аксиоматичность** суждений — это прежде всего движение понятий в соответствии с той реальностью, которую мы и берем как аксиоматическую, т. е. которая отражает наше понимание и наше построение отношений с ней. Если для решения наших задач мы правильно ее отражаем в наших понятиях, то они приобретают статус аксиоматических.

Все эти рассуждения оказываются немаловажными для нашего дальнейшего анализа, ибо непонимание механизма образования **аксиоматических** посылок, понятий, суждений, приводит к мнению, что силлогистические выводы представляют собой простую игру ума, в которой заранее известен ответ. Или же приходят к мнению, что мы всегда оперируем тем знанием, которое имели априори и пр. В конечном **итоге** проблема аксиоматических посылок прямо или косвенно выливается в проблему получения нового знания. Ссылка в таком случае на опыт и практику (и на здравый смысл) — в принципе — верная, но она не раскрывает механизма получения вывода, оставляет открытым вопрос об образовании аксиоматических посылок.

Хотя в данной работе мы не ставим перед собой задачи по решению этой проблемы (она слишком сложна для одной такой работы), тем не менее, если наше исследование поможет продвинуться хотя бы немного вперед в ее решении, мы будем считать, что свою задачу выполнили.

В качестве исходного выдвинем положение о том, что вопросно-ответные отношения — это отношения установления аксиоматических посылок. Мы уже писали, что вопрос — это процесс выработки концептуального знания, принимающего гипотетическую форму, т. е. форму возможно истинного знания. Гипотетической она остается до тех пор, пока не получит подтверждения своей истинности некоторой реальностью или практикой. Первая ступень — проверка с самим собой. Уже на этом этапе она становится для нас истинной концепцией, и мы ее используем как аксиоматическую. Вторая ступень — проверка в диалоговом режиме с оппонентом; и если в нем достигнуто соглашение, то уже для двоих она становится аксиоматической, а следовательно, пригодной и для дальнейших рассуждений и доказательств. Третья ступень — это проверка на основе прошлого человеческого знания, а четвертая — проверка практикой, развитием реальности как более общей системой по отношению к трем остальным. Но каждый раз отношения между субъектом познания и реальностью (т. е. ответом), на каком бы уровне они ни были, выступают вопросно-ответными отношениями; и они позволяют выработать такое знание, которое приобретает положительное, объективное содержание.

Конечно, выработка аксиоматического знания — не простое соглашение между двумя собеседниками, хотя по форме оно так и выглядит; это соглашение представляет собой отражение движения реальности, а потому приобретает аксиоматический характер. Другое дело, что процесс познания может отражать не всю реальность, а только какую-то ее часть, которая становится таковой в результате взаимодействия субъекта и объекта; и в рамках их взаимодействия она становится истинной, хотя может быть неистинной для более широкой общности взаимодействия с реальностью.

Аксиоматичность знания, как мы выяснили, не может быть абсолютной, это лишь некоторая идеализация, когда принимается определенная шкала истинности. Для той или иной ситуации или характера движения реальности она может в одно и то же время быть и истинной, и неистинной, полной истинной или неполной истинной. Но для каждого конкретного случая, например, в рамках нашего взаимодействия субъекта и объекта, она всегда становится абсолютно истинной. Она может быть возможно истинной для другой объективной реальности, например, для другой системы общения субъекта и объекта, но для данной системы общения она абсолютно истинна. Истинной она может быть или не быть, третьего не дано: в данном случае — истинной для самой себя, для данного объекта реальности.

Вот почему в одних случаях посылки в умозаключении принимаются как аксиоматические, а в других (или для других людей, или в другое время, или в других ситуациях и т.д.) — они оказываются или могут быть неаксиоматическими. Мы можем пользоваться посылками как аксиоматическими в случае, если они выработаны на основании анализа данной реальности и применяются только в ней, если они выведены в процессе взаимодействия определенного субъекта познания и объекта и используются лишь в рамках конкретной реальности: за ее рамками они не работают, и необходимо вырабатывать новые аксиоматические положения и т.д.

В силу данного обстоятельства, а также того, что аксиоматические посылки всегда выступают в форме нашего прошлого знания, вывод может быть неверным, даже если он

получен на основании всех законов формальной логики. Это говорит не об уязвимости формальных законов образования силлогизмов, а о том, что знание, которым оперирует формальная логика, может быть неверным. Будучи верными сами по себе, посылки могут быть неверными по отношению друг к другу, т. е. принадлежать к различным системам, обладать различным уровнем истинного знания, зависеть от прошлого знания и т. д.

В формальной логике исследуются лишь формы протекания знания. Она имеет свои законы функционирования, но не зависит от содержания того знания, которое несет в себе. И если, соблюдая все законы формальной логики, мы получили неправильный вывод, то виновата в этом не форма, а содержание, т. е. неистинность аксиоматических посылок и т. д. Проблема **аксиоматичности** знания — довольно сложная проблема, и она определяется не только понятием истинности.

ПОДХОД К ИСТИНЕ

На основании нашего исследования мы имеем все данные для доказательства положения о том, что аксиоматические посылки представляют собой положительный ответ на вопрос, который принимает форму суждения. Задавая вопрос и предлагая оценить концептуально-гипотетическое знание, мы тем самым пытаемся установить некоторую общность наших понятий, их определенное содержание. Если мы задаем вопрос: «Скажите, пожалуйста, вы согласны с тем, что все люди смертны?», то этим самым пытаемся установить единое понимание терминов «люди», «все», «смертны» и истинность концептуального суждения «все люди смертны». Если мы получаем положительный ответ, то данное концептуально-гипотетическое положение превращается в утверждение (и суждение) о том, что «все люди смертны».

Однако в силлогизме: «Все люди смертны — Сократ — человек — значит, Сократ смертен», вывод уже известен или его необходимо было сделать. Если вывод был известен, то силлогизм представляет собой развитие понятий «Сократ», «смертен», «человек». Если вывода не было, то посылки соединяют понятия: «все», «люди», «смертны», «Сократ», «человек». Если задают вопрос: «Сократ смертен ли?», то для доказательства необходимо развернуть это понятие и представить его в некотором силлогизме. Практически любое суждение есть вывод из двух других суждений, и всякий раз каждый из них принимает классическую форму: если S, то P, т. е. форму простого силлогизма. Так, например, суждение: «Все люди смертны» выводится из такого силлогизма: «Все живые существа смертны — все люди живые существа — значит все люди смертны». Можно пойти еще дальше, разложив на отдельные и такое суждение: «все живые существа смертны» или «все люди живые существа» и так можно в принципе до бесконечности. Вот почему можно сказать, что каждое понятие по существу содержит в себе все человеческое знание и всю историю его существования.

Таким образом, переход от вопроса к вопросу происходит лишь через суждение или через ответ, а от суждения к суждению — лишь через вопрос. Вопрос становится ответом и приобретает статус аксиоматической посылки, которая и позволяет оперировать им как суждением, но ответ не может стать вопросом. В формировании вопроса участвует некоторая совокупность прошлого знания, в которой понятийное содержание ответа входит своей частью в новое понятийное образование вопроса. И в цепочке вопрос—ответ—вопрос всегда

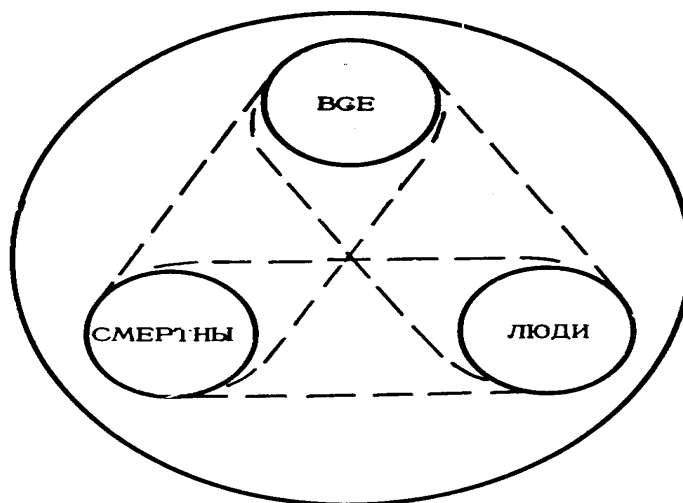
содержится некоторое общее понятие для них. Но сказать, что общие понятия объединяют посылки как элементы силлогизма, явно недостаточно. Необходимо показать, каким образом в силлогизме одно понятие переходит в другое, или вернее понятие первой посылки переходит в понятие второй посылки. При этом следует исходить не из одного ключевого понятия, а их понятийного образования посылки, в котором каждое подпонятие имеет свою относительную независимость и самостоятельность. Когда мы говорим: «Сократ смертен», то в этом понятийном образовании каждое понятие сохраняет свою относительную самостоятельность и независимость.

Возникает противоречие, как при сохранении относительной независимости по элементам вместе они образуют некоторое самостоятельное единство и целостность. Так, например, в процессе вопросно-ответных отношений мы установили, что «все люди смертны». Но это понятийное образование по существу содержит в себе три подпонятия: «все», «люди», «смертны», каждое из которых самостоятельно может принимать различные значения в разных ситуациях — в сочетании с другими понятиями (поскольку понятия не могут существовать изолировано друг от друга и поскольку они приобретают значение только в системе других понятий). Однако лишь при сохранении относительной самостоятельности они могут играть свою роль в образовании нового целого и его изменения.

Свою самостоятельность они сохраняют как целостные понятия, а в понятийном образовании они выступают лишь какой-либо своей частью. И в самом деле понятие «все» относится не только к людям, понятие «люди» связано не только со смертностью и понятие «смертны» характеризует не только людей. По отношению друг к другу они повернуты лишь одной своей стороной, — именно той, которая и составляет их некоторое единое целое, а именно новое понятийное образование: «все люди смертны». Но в любой другой момент эти понятия могут повернуться иной гранью: «все люди живые существа». Но именно данное свойство и позволяет им постоянно переливаться из одного состояния в другое и создавать тем самым новые понятийные образования.

К примеру, можно привести аналогию с калейдоскопом, в котором сохраняется постоянное количество стеклышек: при повороте трубы, т. е. в результате смены их расположения по отношению друг к другу и к зеркалам, получается каждый раз новое сочетание цветов, которое может быть бесконечным. В понятийных образованиях все обстоит сложнее, понятия не только соединяются, но и входят друг в друга, переливаются, переходят одно в другое и т. д. При переходе друг в друга понятия образуют дополнительно подпонятия — понятие «все люди», понятие «все смертны», понятие «люди смертны».

Графически это можно выразить таким образом.

Но опять же понятие: «все люди» состоит из двух понятий: «все» и «люди»; понятие «все смертны» так же состоит из двух понятий: «все» и «смертны»; и понятие: «люди смертны» так же состоит из двух понятий: «люди» и «смертны». Такое представление понятий имеет весьма важное значение: первое — они все автономны; второе — все вместе они образуют новые понятия в различных сочетаниях; и третье — благодаря этому сочетанию они текучи, т. е. могут спокойно переходить из одного понятия в другое.

Мы задаем вопрос: «Скажите, пожалуйста, является ли Сократ, человеком?» Тем самым в вопросе закладывается, что понятие: «Сократ» и понятие «люди» — одно и то же понятие, что они включают друг друга и составляют таким образом единое понятийное образование. В свою очередь отвечающий должен ответить или «да» или «нет», т. е. согласиться с данным концептуальным положением или отвергнуть его. Если он соглашается с тем, то понятие: «Сократ» входит в понятие «люди», то тем самым он сразу же включает их и в понятие: «люди смертны», поскольку в общем понятии: «все люди смертны» понятие «люди смертны» составляет его подпонятие. А если это так, то понятие «Сократ» через понятие: «люди» входит в понятие: «смертны», поскольку понятие: «люди» входит в понятие: «люди смертны», а понятие: «смертны» входит в понятие: «все», вернее образует с ним единое понятие. И таким образом понятие: «Сократ» входит в общее понятие: «все люди смертны». А отсюда естественно следует вывод, что Сократ обладает теми же качествами, что и понятие: «все», т. е. такой же как и все в рамках понятия: «люди» и понятия «смертны».

Логический вывод из аксиоматических понятий был возможен только потому, что все они согласно нашей договоренности, образуют единое понятие. Конечно, как только речь начинает идти о договоренности, то тем самым сразу же происходит упрощение рассуждений. На деле сами понятия, их соотношение не суть изобретение человеческого ума или простое соглашение людей о том, что и как называть. Понятия отражают реальность, и если мы не будем следовать за ней, то можно прийти к неправильным выводам, т. е. они не будут соответствовать реальности, хотя логически будут правильно построены.

Сложность заключается в другом — именно в том, как определить соответствие понятий тем предметам и явлениям, которые они отражают. В свою очередь эти можно сделать лишь тогда, когда мы развернем систему вопросно-ответных отношений. Более того, в плане нашего исследования можно обоснованно сказать о том, что силлогизм — это не просто соотношение суждений, а в скрытой форме — соотношение вопросов и их логическое

развитие. В развернутом (и в чистом) **виде** вышеприведенный силлогизм можно представить следующим образом: «Скажите, пожалуйста, считаете ли вы, что все, абсолютно все, люди смертны, т. е. по достижении определенного возраста они должны обязательно умереть, и нет случая, чтобы нашелся хотя бы один человек, который не умер бы и ныне продолжал жить, т. е. пить, есть, ходить, говорить как и все люди?» В данной серии вопросов уточняются понятия — «все», «смертен», «люди», дается их предельно возможная исключительно однозначная интерпретация. Их можно было представить в серии вопросов, как мы это сделали ранее, а можно и в одном вопросе, как это сделано в данном случае.

Если отвечающий согласен с тем, что все люди смертны и повторяет все сказанное в уточняющих вопросах (т. е. нет ни одного человека, который бы не умер и т.д.), то тем самым не только подтверждает концептуальное положение, **выдвинутое** в вопросе, но и определяет его **аксиоматичность**.

«А если это так, то **считаете ли Вы, что Сократ — человек?**». Данным вопросом спрашивающий предлагает отвечающему подтвердить или опровергнуть концептуальное положение о том, что Сократ **человек**, и тем самым включить его в понятие «люди», «все люди» (и др.), установленное в предыдущем вопросе как аксиоматическом. Отвечающий соглашается, что действительно Сократ — человек; тем самым он устанавливает и второе аксиоматическое положение — то понятие, которое входит в первое понятие.

«А если это так, — продолжает спрашивающий, — то смертен ли он, как и все люди, или же он не является смертным?» В данном случае отвечающий подводится под противоречие. Если он ответит: «Нет, не является смертным», то он сам себе противоречит, поскольку уже установлено, что понятие «Сократ», «все», «люди» и «смертны» принадлежит к общему понятию.

Знаменитые диалоги Платона построены именно таким образом. Если их внимательно прочитать и проанализировать, то можно увидеть очень четкую структуру перехода от вопроса к суждению, когда суждение, заложенное в вопросе и представленное собеседнику в виде некоторого возможного знания, превращается путем согласия собеседника в аксиоматическое знание, служащее основой для дальнейшего рассуждения. И так до бесконечности. Постоянно повторяя одну и ту же схему: вопрос, превращение его в аксиоматическое знание посредством получения ответа, и снова вопрос, можно каждый раз получать принципиально новое знание, то новое знание, которое содержится в каждой аксиоматической посылке. Для наглядности рассмотрим небольшой отрывок из диалога **Сократа с Симмием** (из «Федона»).

«... Скажи как мы рассуждаем: смерть есть нечто?

— Да, конечно, — отвечает **Симмий**.

— Не что иное как отделение души от тела, верно? А «быть мертвым» — это значит, что тело, отделенное от души, существует само по себе? И что душа, отделенная от тела, — тоже сама по себе? Или, быть может, смерть — это что-нибудь иное?

— Нет, то самое, — сказал Симмий.

— Теперь смотри, друг, готов ли ты разделить мой взгляд. Я думаю, что мы сделаем шаг вперед в нашем исследовании, если начнем вот с чего. Как по твоему, свойственно философу пристрастие к так называемым удовольствиям, например, к питью или еде?

— Ни в коем случае, — отвечает Симмий.

— А к любовным наслаждениям?

— И того меньше!

— А к остальным удовольствиям из числа тех, что относятся к уходу за телом? Как тебе кажется, много ли они значат для такого человека? Например, щегольские сандалии, или плащ, или другие **наряды**, украшающие тело,— ценят они подобные вещи или не ставят их ни во что, разумеется, кроме самых необходимых? Как тебе кажется?

— Мне кажется, ни во что не ставят. По крайней мере, если он настоящий философ.

— Значит, вообще, по-твоему, его заботы обращены не на тело, а почти целиком — насколько возможно отвлечься от собственного тела — на душу?

— По-моему там.

— Стало быть, именно в том прежде всего обнаруживает себя философ, что освобождает душу от общения с телом в несравненно большей мере, чем любой другой из людей?

— Да, пожалуй.

— И, наверное, **Симмий**, по мнению большинства людей, тому, кто не находит в удовольствиях ничего приятного и не получает своей доли, и жить-то не стоит? Ведь он уже на полдороге к смерти, раз нисколько не думает о телесных радостях!

— Да, ты совершенно прав»⁵¹.

Далее **Сократ** говорит о том, что если философа не интересуют телесные удовольствия, то смерть не представляет собой ничего страшного, как для обыкновенного человека, когда мысль расстаться с телом останется одна и тем самым наилучшим образом постигает истину и т. д.

Подобный метод, стиль, форма рассуждения характерны не только для **Сократа**. Это — единственно возможная форма мышления и доказательства каждого нормального человека. Подобные рассуждения осуществляются по следующей схеме:

1) построение вопроса на основе своих **аксиоматических** знаний, основанных, в свою очередь, на прошлом индивидуальном опыте;

2) изложение этого вопроса, своего концептуально-гипотетического знания, собеседнику для подтверждения или не подтверждения;

3) создание на основе согласия с ним для обоих аксиоматического положительного знания, т. е. формулировка нового вопроса;

4) высказывание этого нового вопроса собеседнику с целью получения его подтверждения и т. д.

Именно по такой схеме построен вышеприведенный диалог Платона, и каждый может самостоятельно в этом убедиться проанализировав его по предложенной схеме.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ ВОПРОСА

1. Символическая запись вопроса 1 типа

Если исходить из того, что логическая структура вопроса и суждения, идентичны, что принципиальная сущность этой логической структуры подобна логической форме причинно-следственной зависимости, то основной формулой вопроса-суждения выступает ($S \rightarrow P$), т. е. основная формула определяется зависимостью между двумя ее структурными элементами.

Используя эту зависимость, можно построить **эротетический** язык вопросно-ответных отношений, что для установления диалоговых систем имеет принципиальное значение. Учитывая относительную простоту предлагаемого языка, можно надеяться, что он будет

⁵¹ Платон. Соч.— М., Мысль, 1970, Т. 2, с. 22—23.

принят логиками (хотя в настоящем разделе и не ставилась задача по разработке и представлению формализованного языка — языка вопросов и ответов). В формальной записи вопрос можно представить таким образом: _____

$$[(S \rightarrow P) \vee \overline{(S \rightarrow P)}] ?$$

читается так: «Верно ли, по вашему мнению, что S есть P, или вы не согласны с тем, что S есть P». Например, «Согласны ли вы с тем, что все люди смертны?» с альтернативами: «Да», «Нет». Выбирая ту или иную альтернативу, отвечающий соглашается или не соглашается с предлагаемым утверждением, суждением, концептуальным положением, т. е. выбирает для ответа суждение: «Да, я согласен, что все люди смертны» или «Нет, я не согласен, что все люди смертны». Следующее вопросительное выражение:

$$[(C \rightarrow S) \vee \overline{(C \rightarrow S)}] ?$$

читается следующим образом: «Согласны ли вы с тем, что Сократ человек, т. е. принадлежит к понятию «все люди»? Если ответ положительный, то идет следующая запись:

$$[(C \rightarrow P) \vee \overline{(C \rightarrow P)}] ?$$

читается: «Согласны ли вы с тем, что Сократ смертен или вы не согласны, что Сократ смертен?» Если ответ положительный, то он считается выводом. Формальная его запись выглядит в общем виде так:

$$[(S \rightarrow P) \vee \overline{(S \rightarrow P)}] \wedge [(C \rightarrow S) \vee \overline{(C \rightarrow S)}] \wedge [(C \rightarrow P) \vee \overline{(C \rightarrow P)}] ?$$

Понятно, что правило вывода можно соблюсти только в том случае, если получен положительный ответ на первый и второй вопрос; и только в этом случае можно сформулировать третий вопрос, ответ на который выступает выводом:

$$[(S \rightarrow P) \wedge (C \rightarrow S)] \rightarrow [(C \rightarrow P) \vee \overline{(C \rightarrow P)}] ?$$

читается таким образом: «Если все люди смертны и если Сократ человек, то значит ли это, что Сократ смертен или не значит, что Сократ смертен?» Но это еще не вывод, а только вопрос. Вывод последует только в том случае, если будет какой-то ответ. Отсюда выводом служит то, что выступает следствием из всех трех вопросов, т. е. что представляется ответом на каждый вопрос:

$$[(S \rightarrow P) \wedge (C \rightarrow S) \wedge [(C \rightarrow P) \vee \overline{(C \rightarrow P)}]] \rightarrow [(C \rightarrow P) \vee \overline{(C \rightarrow P)}]$$

написанное можно прочесть таким образом: «Если все люди смертны, и если Сократ человек и если Сократ смертен, то значит Сократ смертен». В конечном итоге этот диалог принимает классическую форму простого силлогизма:

$$[(S \rightarrow P) \wedge (C \rightarrow S)] \rightarrow [(C \rightarrow P) \vee \overline{(C \rightarrow P)}]$$

«Если все люди смертны и если Сократ человек, то Сократ смертен».

Но необходимо помнить, что имеем дело не с двумя, а с тремя понятиями: «все», «люди», «смертны» и сочетанием этих понятий. В таком случае формальная запись примет следующий вид:

$$\{ [(S \wedge B) \rightarrow P] \wedge (C \rightarrow [S \wedge B]) \} \rightarrow (C \rightarrow P)$$

«Если все (S) люди (B) смертны (P) и если Сократ (C) есть человек (S ∧ B), то Сократ (C) — смертен (P)».

В самом общем виде, если силлогизм (S → P) представить как (A), силлогизм (C → S) — (B) и силлогизм (C → P) представить как (B), то общая формула будет выглядеть таким образом:

$$[(A \vee A) \wedge (B \vee B)] \rightarrow (B \vee B)$$

Как видно здесь имеются три самостоятельных и **одинаковых** предположения:
(A ∨ A); (B ∨ B); (B ∨ B).

Но между ними имеются и принципиальные различия, если они находятся в некоторой логической цепочке рассуждения. А именно, если в первом предложении мы получаем (A), то теряют смысл и все остальные предложения, их просто не существует, поскольку это означает, что концепция (A ∨ A) не подтвердилась, оказалась ложной; тем самым это означает, что мы должны начать всю работу сначала. Для логического рассуждения необходимо всегда иметь утвердительную концепцию, имеющую положительное, подтверждающее значение, а именно, необходимо иметь (A). Только в этом случае можно сформулировать другую концепцию и другое предположение, которое также имеет вид концептуально-гипотетического знания, в частности (B ∨ B).

Уместно несколько слов сказать о принципе ложности логического предположения. Если подходить к понятию ложности, как к такому предложению, которое не истинно, то в данной интерпретации ложность, как самостоятельное понятие, исчезает. Это означает, что, если концепция, которая представлена как гипотетическая, как возможно истинная, не подтвердилась, то она просто исчезает, ее не существует; она не может существовать, она может оставаться гипотетической, возможно истинным знанием. Но и в этом случае нельзя ею пользоваться как утвердительно истинной.

Конечно, в жизни нередко пользуются такими концептуальными положениями, знаниями, которые как будто считаются истинными, и такими они принимаются для дальнейшего логического рассуждения, но которые на проверку оказываются неистинными. Их называют ложными. И в таком случае необходимо познавательный процесс начинать сначала, т. е. с того момента, когда была обнаружена ложность концепции. Но независимо от этого, названа или установлена неистинность, принцип остается тем же самым: как только определена ложность концепции, она тем самым сразу же уничтожается.

Между тем, при проверке на истинность или ложность, концепция не опровергается. В таком случае лишь говорится о том, что она не подтвердилась, и все. Доказательства ее неистинности разворачиваются на следующем этапе, причем по той же самой схеме и по тому же самому принципу, по которому определяется истинность концепции.

Таким образом, если в формуле (B ∨ B) мы получаем (B), то в этом случае так же теряется смысл третьего предложения, а именно (B ∨ B).

Вывод (Б) означает, что мы неверно сформулировали вторую концепцию и тем самым не получили вторую аксиоматическую посылку, а, значит, не имеем возможности строить силлогизм и делать какой-либо вывод. И только при положительном (Б) мы можем сформулировать $(B \vee B)$, т.е. получить концептуально-гипотетический вывод или вопрос $(B \vee B)$? В этом случае получается следующая формула:

$$(A \wedge B) \rightarrow \overline{(B \vee B)}?$$

И здесь также образуется вопрос, т. е. в результате движения понятий (которые образовались вследствие выработки концептуально-гипотетического преобразования) определились аксиоматические предложения или суждения. В общем виде вопрос можно представить в виде такой формулы:

$$\rightarrow \overline{(B \vee B)}?$$

_____ т. е. Образовалось концептуально-гипотетическое значение. Если $\rightarrow (B)$, то (B) снимается, и в этом случае основой сразу же становится аксиоматическое положение, служащее, в свою очередь, основой дальнейшего логического рассуждения, например:

$$(B \wedge \Gamma) \rightarrow \overline{(\overline{D} \vee D)}? \text{ и т.д.}$$

Таким образом, имеется форма движения познания от незнанию к знанию:

$$\begin{aligned} & \overline{(A \vee A)}? \wedge \overline{(B \vee B)}? \rightarrow \overline{(B \vee B)}? \\ & \text{если } \overline{(A \vee \overline{A})} = A; \text{ если } \overline{(B \vee \overline{B})} = B, \\ & \text{то } (A \wedge B) \rightarrow \overline{(B \vee B)}? \end{aligned}$$

Формально при анализе вопросительной формы знания, мы останавливаемся на предложении $(B \vee B)$? Но по сути дела, как это уже отмечалось, эта форма вопроса содержит в себе ответ, т. е. ответ есть или (B) или (\overline{B}) . Если получаем (B) , то тем самым оправдываем и $(A \wedge B)$, но если получаем (\overline{B}) , что тем самым не подтверждаем и $(A \wedge B)$, т. е. вся цепочка логических рассуждений оказывается неправильной. Напомним, что $(A \wedge B)$ есть

$$[(S \rightarrow P) \wedge (C \rightarrow S)] \rightarrow \overline{[(C \rightarrow P) \vee (C \rightarrow \overline{P})]}?$$

Ответ — это есть по сути дела обратная операция от вопроса к аксиомам.

$$\overline{(B \vee B)}? \rightarrow (A \wedge B)?$$

которые так же ставятся под вопрос, т. е.

$$\overline{\{(A \wedge B) \vee (A \wedge \overline{B})\}}?$$

Мы по существу проделываем ту же логическую операцию, что и при формулировке вопроса. При требовании ответа мы получаем (для отвечающего) вопрос как данное, которое необходимо проверить. Если мы получаем $(B \vee B)?$, то является ли $(A \wedge B)$ истинными или иначе, является ли истинным рассуждение:

$$((S \rightarrow P) \wedge (C \rightarrow S))?$$

Сама эта форма, как логическое рассуждение, становится под вопрос и принимает концептуально-гипотетическую форму знания, т. е.

$$\{ [(S \rightarrow P) \wedge (C \rightarrow S)] \rightarrow \overline{[(S \rightarrow P) \wedge (C \rightarrow S)]} \}?$$

Это означает, верна ли та логика рассуждения, которая привела к новому концептуально-гипотетическому знанию или нет. Проверка эта происходит или на основе своих (отвечающего) аксиоматических положений, или на основе логики рассуждения задающего вопрос. Отсюда возникает следующая логическая цепочка рассуждений:

$$\text{если } [(Q \rightarrow S) \wedge (a \rightarrow P)] \rightarrow (S \rightarrow P),$$

$$\text{если } [(H \rightarrow S) \rightarrow (Z \rightarrow P)] \rightarrow (S \rightarrow P),$$

$$\text{то } \overline{[(S \rightarrow P) \wedge (S \rightarrow P)]} \rightarrow (S \rightarrow P).$$

Таким образом, исходя из своих аксиоматических положений и применяя ту же самую процедуру, ту же самую форму рассуждения, отвечающий получает подтверждение (в данном случае) той концепции, которая была представлена в вопросе.

Если согласно спрашивающему $\overline{(A \wedge B)} \rightarrow (B \vee B)?$, и отвечающий получил, например, $(Q \wedge P) \rightarrow (B \vee B)?$, т.е. получил тот же самый вопрос, получил такое же концептуально-гипотетическое знание, то можно сказать, что концептуальное положение спрашивающего оказалось верным и общая форма получает такой вид:

$$\text{если } (A \wedge B) = (Q \wedge P) = (B).$$

Отсюда следует очень важный вывод. Если мы получаем подтверждение в ответе того же самого концептуально-гипотетического знания, что было заложено в вопросе, т. е. ту же самую форму $(B \vee B)?$, то мы обязательно приобретаем (B) , т. е. подтверждаем по существу то (B) , которое было заложено в вопросе.

Это вытекает из того, что по определению выдвинутое концептуальное положение рассматривается потенциально положительным, и при этом оно остается гипотетическим, вероятным, возможно истинным знанием. Оно не может быть вероятностным — отрицательным знанием, поскольку в таком виде оно неприемлемо; и если его нет, то вопрос о его истинности-ложности сразу же снимается. Но если оно есть, то тем самым оно приобретает статус положительного знания, в обязательном случае остается вероятностным знанием, т. е. становится вероятностно-положительным знанием. И если отвечающий самостоятельно получает такое же вероятностно-положительное знание и тем самым подтверждает предлагаемое ему знание, то оно автоматически снимается. Но если

отвечающий не получает такого же концептуально-гипотетического или вероятностно-положительного знания, то это означает, что концепция, заложенная в вопросе, или не имеет положительного знания, или возможно не имеет. В этом случае оно или остается концептуально-гипотетическим знанием, т. е. остается вопросом, или же с этого момента не существует. Поэтому если:

$$(A \wedge B) \rightarrow \overline{(B \vee B)}$$

и $(Q \wedge P) \rightarrow \overline{(B \vee B)}$, то

$$(A \wedge B) \rightarrow (B), \text{ так же, как } (Q \wedge P) \rightarrow (B)$$

отсюда $(A \wedge B) = (Q \wedge P) = (B)$ или

$$(B \vee B) = \overline{\overline{(B \vee B)}} = (B)$$

Если имеется несколько или множественность вариантов проверки (или ответов на вопрос), то процедура нахождения каждого ответа в отдельности остается та же самая и каждый раз возможно появление того же самого ответа, т. е. того же самого концептуально-гипотетического или вероятностно-положительного знания. При несовпадении какого-либо из возможного множества ответов, с ожидаемым ответом, заложенным в вопросе, он игнорируется (т. е. ответ оставляется без внимания, что далеко не самый лучший вариант) или же он перепроверяется, т. е. выявляется имеющаяся причина несовпадения, способная привести к отрицанию (B), даже при том, что другие проверки подтвердили это (B). Таким образом, мы получаем:

$$A \rightarrow (B)$$

$$B \rightarrow (B)$$

$$V \rightarrow (B)$$

.....

$$X \rightarrow (B).$$

В данном случае мы рассмотрели вопросно-ответное отношение первого типа.

2. Символическая запись вопроса II типа

В самой общей форме вопрос второго типа можно представить в символической записи в таком виде:

$$[(X?) \rightarrow P] \text{ или } [C \rightarrow (X?)] \text{ или } [C (\rightarrow ?) P].$$

Как видно, в зависимости от неизвестного — неизвестного субъекта, предиката или связки, формула $(C \rightarrow P)$ модифицируется, т. е. становится неизвестным что-то одно, обозначаемое знаком вопроса (?).

Если подставить под **неизвестное** какое-либо имя, то в бесконечном варианте имен данную формулу можно представить в таком виде:

$$[(X_1...X_n) ? \rightarrow P];$$

или [$C \rightarrow (X_1 \dots X_n) ?$]; или [$C \rightarrow (X_1, X_2) ?$) P]

В отличие от первого и второго вариантов, в которых неизвестны субъект с предикатом и которые могут иметь бесконечное количество подставляемых имен на место субъекта или предиката, в третьем случае, когда неизвестна связка, возможны только два варианта: связка есть или ее нет, т. е. есть причинно-следственная зависимость или ее нет. Так, если в вопросах типа: «Кто открыл Америку?» может быть бесконечное количество имен, подставляемых под неизвестным «кто», то в случае третьего элемента, связки, возможны только два варианта — Америка открыта или нет; Колумб открыл ее или нет.

Необходимо также отметить и такой немаловажный момент, что вопрос ставится не ко всему предложению, а только к неизвестной его части — субъекту, предикату или связке. В обыденной разговорной речи это неизвестное определяется ее контекстом; в формальной логике должно быть обязательное указание на эту неизвестную часть. Поэтому при формулировке вопроса обязательно ставится вопросительный знак (?) к той части, которая выступает в качестве неизвестной, или же неизвестное определяется вопросительным оператором, что однако не всегда возможно. Например, в вопросе: «Что сделал Колумб?» под неизвестным определяется связка «открыл»; но сам по себе вопросный оператор не позволяет это определить достаточно точно и определенно.

Сведение вопроса второго типа к вопросу первого типа происходит путем представления под любым именем (подставляемое под X в субъекте или предикате) его концептуально-гипотетического значения, или возможно-истинного знания и принимающего вид дихотомического противопоставления: X имеется или не имеется (A или не— A) и, таким образом, мы получаем бесконечную серию (или конечную) дихотомических вопросов в некоторой поисковой области. Так формула $(X_1 \dots X_n) \rightarrow P$ можно представить в таком виде:

$$\{ [(S \rightarrow P) \vee (S \rightarrow \bar{P})] \vee \dots \vee [(A \rightarrow C) \vee (A \rightarrow \bar{C})] \} \rightarrow P$$

или $(A \vee B \vee C \vee D \dots) \rightarrow P$.

В вопросе: «Кто открыл Америку?» — вместо вопросительного оператора, обозначающего некоторую область поиска, ставятся как возможные имена Колумб, Магеллан, Васко да Гама и т.д. Но эти имена ставятся как возможно истинные, как концептуально-гипотетические и тем самым приобретают дихотомическую форму: «Колумб или не Колумб открыл Америку?», «Магеллан или не Магеллан открыл Америку?», «Васко да Гама или не Васко да Гама открыл Америку» и т. д. В точном выражении это будет выглядеть таким образом: (Колумб открыл Америку? или Колумб не открыл Америку?); или (Магеллан открыл Америку? или Магеллан не открыл Америку?); или (Васко да Гама открыл Америку? или Васко да Гама не открыл Америку?) и т. д.

Конечно, отвечающий не должен перебирать все бесконечное множество имен. Это сделать практически невозможно; да этого и делать не следует. В вопросе: «Кто открыл Америку?» отвечающий, получив область поиска, дает ответ, исходя из своего опыта, наличия своего субъективного концептуального представления. Если же оно им не определено, не намечены его точные границы, то оно превращается в альтернативно-возможное знание. При этом он проделывает такую же логическую операцию по определению концептуально-гипотетического знания, что делает и спрашивающий; отыскивая это знание, он сверяет прошлое знание с собственным или привлекает дополнительное знание; и если нет ни того, ни другого, то его ответ на поставленный вопрос не состоится. В первом случае $[(X \dots X) ? \rightarrow P]$ ответ будет

$$\{ [(A \rightarrow C) \vee (A \rightarrow C)] \rightarrow P \} ?$$

т. е. подставляется имя (Колумб или не Колумб) открыл Америку. Ответ в полной и приведенной формах будет выглядеть таким образом:

$$[(A \rightarrow P) \vee (A \rightarrow P)] ?$$

Если возникает альтернативный вариант, то получается:

$$\{ [(A \rightarrow P) \vee (A \rightarrow P)] \vee [(C \rightarrow P) \vee (C \rightarrow P)] \} ?$$

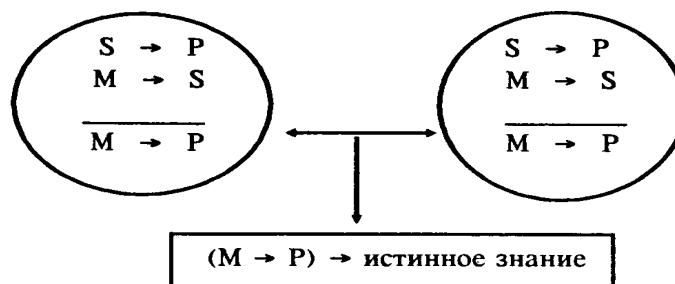
Иначе говоря: «Колумб открыл Америку?» или «Колумб не открыл Америку?» или «Магеллан открыл Америку?» или «Магеллан не открыл Америку?».

Необходимо помнить, что вопрос второго типа представляет собой средство развития вопроса первого типа, когда определена область поиска, как концептуальная область. Но решение вопроса второго типа происходит точно таким же способом, как и вопроса первого типа. Сложность и отличие заключается только в превращении вопроса первого типа в вопрос второго типа.

Подводя итог следует отметить, что вряд ли есть основания для разговоров о необходимости какой-либо другой, более общей логики, в которую входила бы и дедуктивная логика, например, логика противоречий. Парадокс заключается в том, что с момента получения силлогического вывода сразу становится возможно истинным, а не положительным знанием; и весь силлогизм с момента образования сразу же становится возможно истинным знанием, становится вопросом. Таким образом, дедуктивная система, как только она приобретает форму силлогизма, одновременно выступает и новой логикой — логикой вопроса и ответа.

Более того, и ответ претерпевает такое же превращение. Будучи организованным и произведенным в рамках дедуктивной системы, он так же становится вопросом, поскольку полученный вывод необходимо выступает возможно истинным знанием (или вопросом). Проверка вопроса на истинность осуществляется посредством четырех ступеней (на которых мы уже специально останавливались), а также на основе дедуктивного метода, и из формы вопроса, как возможно истинного знания, он опять превращается в истинное полное знание.

Такое двойственное состояние нельзя назвать новым изобретением. Речь, скорее, должна идти о том, что анализ каждого такого состояния взаимосвязи составляющих его явлений, их интерпретация — представляют собой довольно трудное дело.

Подводя итог, все же отметим, что мы не ставили задачу по разбору формализованного языка эротетической логики. Эта сложная задача может быть предметом специальных исследований, результаты которых заранее предугадать невозможно. Представляется, однако, что некоторые принципы формализации, раскрытые нами, будут интересны тем, кто занимается проблемами эротетической логики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определяя место и роль вопроса и вопросно-ответных отношений в процессе познания, что мы и постарались сделать в настоящей работе, мы тем самым вскрываем общие принципы построения вопроса. Но понятно, что знание общих принципов еще недостаточно для работы с конкретными формами вопроса. Необходима эскалация этих общих принципов к конкретным формам вопроса, выявления на каждом уровне общности своих частных законов и закономерностей, правил и особенностей построения конкретного вопроса. Практика показывает, что этих форм такое многообразие и они настолько отличаются друг от друга, что приводит к мысли о наличии различных исходных сущностей вопроса. Во многом это определено тем, что и в самом деле вопросы работают в различных областях социального бытия, и каждый из них отражает в той или иной степени различные его сущности. Это касается не только вопроса, а практически каждого социального явления. Но именно это нередко приводит к мысли о наличии и многообразии сущностей для каждого явления. Задача исследователя заключается в том, чтобы для каждого явления найти именно его сущность и особенности ее проявления в других явлениях или областях социального бытия.

Вопрос — это такое явление, которое используется в различных социальных областях и связано со всеми сторонами социального бытия. Естественно и форма вопроса, и характер его построения существенно меняются. Например, вопрос в форме физических действий, что нередко проявляется в обыденной жизни и вопрос-проблема, существующая в исследовательской научной практике весьма сильно отличаются по форме друг от друга. Даже в одной области социального бытия вопросы приобретают различный характер и форму построения.

Множество форм и различных функций определяется и той конкретной задачей, которую должен решить вопрос. Отсюда возникает довольно сложная задача, каким должен быть конкретный вопрос, и каким образом общие принципы построения вопросов находят выражение в его конкретном виде.

Но важно иметь в виду и другое, что выработанные правила построения вопроса никогда не являются абсолютными. Они всегда относительны той или иной поставленной задаче. Абсолютизация правил, как и абсолютизация общих принципов приводит к догматизации и застыванию самого процесса познания. Нередко это проявляется в том, что правила построения вопроса диктуются как категоричное требование. Соглашаясь с тем, что и в самом деле строгое использование правил, в определенной степени гарантирует получение достоверной информации и истинного знания, тем не менее, это требование может превратиться в определенной ситуации в свою противоположность. Правило это жесткое и не жесткое взаимодействие ряда явлений. И все эти правила работают не сами по себе, не по отдельности, а только во взаимодействии, в их совокупности, в некоторой единой системе связи. Кроме того, что правила всегда относительны, имеют ограниченную область применения и свои исключения, они сами по себе не имеют содержательного значения вне основной задачи исследования. Правильно построенный вопрос — это вопрос, который соответствует своему объекту исследования. Правило — это понятие, которое описывает

некоторые законы и закономерности взаимосвязи явлений, с ожидаемым результатом. Явление будучи самостоятельным образованием, вступая в контакт с другим таким же самостоятельным и устойчивым образованием, взаимодействуют, исходя из своих внутренних сущностей. При многократном взаимодействии появляются некоторые устойчивые формы с известным результатом, как решение их общей задачи. В свою очередь эти устойчивые формы превращаются в закономерности, которые могут переноситься и на другие явления при взаимодействии, чтобы получить устойчивый результат и решить свои задачи. Эти закономерности мы и пытались представить читателям.

Еще раз необходимо подчеркнуть, что в данной работе мы решали только одну задачу, определения общих принципов построения вопроса. Частными принципами или правилами построения вопроса мы уделяли меньше внимания и только в той доли, чтобы показать каким образом находят свое выражение общие принципы в частных формах и насколько важно знать эти правила для правильного построения вопроса. Надеемся, что нам эта задача удалась и наши выводы помогут для дальнейших исследований в этой области.

Москва, 1993

СОДЕРЖАНИЕ

Введение
Глава I. ПРОБЛЕМА ВОПРОСА В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ
Старая логика и новые проблемы
Диалогический метод диалога
Определенность неизвестного или известная неопределенность
Глава II. СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОБЛЕМ ВОПРОСА
Два аспекта одного направления
Противоречивая сущность вопроса
Вопрос в невопросной форме
Что понятно ЭВМ и непонятно человеку?
Классификация вопросов
Глава III. ГИПОТЕТИЧЕСКИЙ МИР
Зачем человеку знать?
Существует ли настоящее?
Объект в системе субъекта
Прошлое в настоящем
Гипотетическое видение реального мира
Гипотетическая форма построения мира
Почему человек знает, что он знает?
Границы возможного
Две формы одного процесса
Глава IV. ЧТО ТАКОЕ ВОПРОС?
Знание в форме вопроса
Вопрос как знаковая система . . . —.
Знаки отличия и отличие знаков
Этапы познания и форма вопроса
Вопросы первого и второго типа
Соотношение вопроса и ответа
Глава V. ЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ВОПРОСА
Концептуальная основа логической структуры вопроса
Как решается логическая структура вопроса?
Природа известного и неизвестного в вопросе
Вопрос без концепции
Ограниченное множество
Концепция без вопроса
Неопределенность знания и знание неопределенности
Вопрос в системе вопросов
Откуда берутся аксиомы?
Подход к истине
Символическая запись вопроса
Заключение